

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»

*НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
И ФИЛОСОФИЯ БЕЛАРУСИ*

Под редакцией Г. И. Малыхиной, В. И. Миськевича

*Рекомендовано учебно-методическим объединением в сфере
высшего образования по гуманитарному образованию в качестве
учебно-методического пособия для студентов, магистрантов
и аспирантов учреждений высшего образования*

Минск БГУИР 2012

УДК [316.64(476)+1(091)(476)](076)
ББК 60.0(4Бей)я73+87.3(4Бей)я73
НЗ5

А в т о р ы:

Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич, И. Ф. Габрусь,
Н. А. Кутузова, Я. В. Тарасюк, А. А. Минеева

Р е ц е н з е н т ы :

Институт философии НАН Беларуси, Центр стратегических европейских исследований и межкультурного сотрудничества (протокол №9 от 04.04.2012);

кафедра философских наук и идеологической работы Академии
управления при Президенте Республики Беларусь
(протокол № 14 от 23.06.2012);

заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного
экономического университета, доктор исторических наук, профессор
О. Г. Буховец

НЗ5 **Национальное самосознание и философия Беларуси: учеб.-метод.
пособие / Г. И. Малыхина [и др.]; под ред. Г. И. Малыхиной и
В. И. Миськевича. – Минск : БГУИР, 2012. – 170 с.
ISBN 978-985-488-915-3.**

В учебно-методическом пособии по дисциплине «Философия» рассматриваются проблемы формирования и развития национального самосознания белорусов в процессах социокультурной динамики. Исследуется диалектика институциональных и спонтанных факторов в процессах формирования современной белорусской ментальности. Анализируются основные этапы развития белорусской философской мысли и ее особенности в различные исторические эпохи, очерчиваются перспективы. Содержится социально-философский анализ современных проблем белорусской социокультурной синергии.

Адресуется студентам всех специальностей и форм обучения, магистрантам и аспирантам.

УДК [316.64(476)+1(091)(476)](076)
ББК 60.0(4Бей)я73+87.3(4Бей)я73

ISBN 978-985-488-915-3

© УО «Белорусский государственный
университет информатики
и радиоэлектроники», 2012

Оглавление

Введение	4
1 РАЗДЕЛ	
Социально-политический и культурно-исторический контекст формирования и развития самосознания белорусского народа	9
1.1. Этносы и нации. Теория и практика нациостроительства в Европе	9
1.2. К вопросу об экспликации исторических предпосылок и теоретико-методологических оснований анализа этногенеза и этнического самосознания белорусов	18
1.3. Белорусская социальная и духовная синергия в XIII – первой половине XVII столетий	22
1.4. Процессы белорусской этнической самоорганизации в период Речи Посполитой	34
1.5. На пути к возрождению национальной идентичности	38
1.6. Институализация белорусской социокультурной синергии	45
2 РАЗДЕЛ	
Философская мысль Беларуси	56
2.1. Проблемы изучения философской мысли Беларуси	56
2.2. Основные этапы развития философской мысли Беларуси	58
2.2.1. Философская мысль эпохи Средневековья	58
2.2.2. Философская мысль Беларуси в эпоху Возрождения и Реформации. Политическая философия XVI–XVII вв.	59
2.2.3. Вторая схоластика и философия Просвещения в Беларуси	64
2.2.4. Развитие философской мысли Беларуси в XIX – нач. XX вв.	68
2.3. Развитие гносеологической и естественнонаучной проблематики в философской мысли Беларуси	71
2.4. Религиозно-философская мысль Беларуси: персоналии и концепции	80
2.5. Социально-философская мысль Беларуси XVI-XIX вв: персоналии и концепции.....	102
2.6. Социально-философские идеи в белорусской литературе (кон. XIX – нач. XX вв.) ...	119
2.7. Философия национального возрождения (И. Абдиралович, В. Самойла).....	123
2.8. Белорусская философия советского и постсоветского периодов	126
3 РАЗДЕЛ	
Диалектика институциональных и спонтанных факторов в процессах формирования современной белорусской ментальности	134
3.1. Белорусский социум перед лицом вызовов современности	134
3.2. Объективные императивы социально-экономической трансформации	138
3.3. Демографические и экологические проблемы Беларуси.....	143
3.4. Формирование структур политической и гражданской самоорганизации общества..	147
3.5. Социальный характер и проблемы национальной самоидентификации	152
3.6. Духовная синергия и идеологические средоточия национальной идеи.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
ЛИТЕРАТУРА	167

Введение

(Национальное самосознание белорусов в процессах социокультурной динамики)

Философия является формой осмысления национальных культурных традиций. Будучи целостной, всеохватывающей картиной мира, она выполняет роль стратегического ориентира в формировании мировоззрения и духовной культуры личности. Отечественная философия призвана внести свой вклад в осмысление и анализ проблем современного белорусского социума. Одна из них – проблема содержания этнического (национального) самосознания и его роль в становлении национальной идентичности белорусов. В типовой учебной программе по философии¹ этот важный момент зафиксирован в качестве одной из тем («Философия и национальное самосознание») историко-философского модуля дисциплины. Настоящее учебно-методическое пособие раскрывает эту тему.

Самосознание любого народа уникально. Его своеобразие определяется множеством взаимосвязанных и взаимодействующих факторов. Их можно разделить на две группы: внешние и внутренние. К первым относятся природа и социокультурное окружение.

Природа накладывает свой отпечаток на виды и способы хозяйственной деятельности, профессиональную структуру общества, типы жилища, одежду, образ жизни людей и т.д. Она в существенной мере определяет мировоззрение и мировосприятие народа, обнаруживаясь в его общественной психологии, архетипах, мифах, сказках, фольклоре, обрядах, празднествах. Социокультурное окружение – это государства, этносы, их культуры, с которым данная социальная общность взаимодействует и на идущие извне вызовы (экономические, политические, военные, духовные) находит и дает ответы. Эти ответы могут иметь форму творческой ассимиляции приходящих (привносимых) извне верований, рациональных теорий, стилей искусства, законодательных систем, социальных институтов, технических новшеств и т.д. Все это также запечатлевается в самосознании народа и отражается на его исторической судьбе. Аналогичным образом общество действует и по отношению к вызовам, порождаемым его внутренними противоречиями (демографическими, политическими, религиозными, культурными и др.). «Снимая» их, социум обретает внутреннюю устойчивость, динамизм и увеличивает свой адаптационный потенциал в ситуациях разновекторного давления.

Поиск адекватных ответов на внешние и внутренние вызовы связан в первую очередь с деятельностью творческого меньшинства (в современной терминологии – национальных элит). В отдельных случаях внешние импульсы, инициируя активность национальных элит, становились весьма эффективным источником социального обновления. Примеры подобного рода можно найти в

---

¹ Философия. Типовая учебная программа для высших учебных заведений, утверждена Министерством образования Республики Беларусь 15 апреля 2008 г., регистрационный № ТД – СГ.010/тип.

истории многих стран Европы и Азии. Опыт истории, однако, свидетельствует, что далеко не всегда такая деятельность оказывалась успешной. Многие, даже великие империи и государства далекого и недавнего прошлого ушли в небытие именно потому, что властвующие элиты так и не сумели найти и дать ответы на вызовы своего времени.

Однако исчезновение государств, элит не означает исчезновения и народов. Они остаются в истории, сохраняя свою идентичность, свое самосознание. Самосознание народа (т.е. осознание, узнавание самого себя) иногда сводят к лишь рациональным формам – социально-философским учениям, конкретно-научным теориям, идеологиям, правовым и политическим доктринам, эстетическим концепциям. Но подобно тому, как об отдельном человека нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить и об обществе лишь по высшим формам его духовной культуры (К. Маркс).

Существуют глубинные пласты неявного, невербального знания, связанные с чувствами, воображением, интуицией, бессознательным, верой. Например, знания об уместности проявления тех или иных чувств в различных жизненных ситуациях; знания о традициях и способах следования им; знание о Боге; коммуникативные знания; «знания» совести; интуитивные знания и т.п. Эти знания существуют в виде структурированных «коллективных представлений» (Э. Дюркгейм). Причем в разных обществах, социальных группах мозаика их различна. Следование им в соответствии с принятыми ожиданиями – необходимая предпосылка социальной солидарности и взаимопонимания между людьми. Следовательно, когда речь идет о со-знании, надо понимать, что модальность образующих его знаний может быть очень разной. И только взятые в единстве, все формы знаний могут характеризовать этническое (национальное) самосознание. Стало быть, кроме интеллектуалов (и задолго до них) любой этнос создает (чаще всего стихийно-бессознательно, как результат ответов на вызовы среды) образ самого себя, выраженный в мифах, сказаниях, легендах, преданиях, песнях, коллективных представлениях и т.д.

Особенность этого образа в том, что в нем сливаются воедино рациональные и чувственные, ценностные и поведенческие моменты. «Смотрясь» в него и «отражаясь» в нем, как в зеркале, человек самоидентифицирует себя, различает «своих» и «чужих». Этот слой (уровень) самосознания принято именовать ментальностью или менталитетом народа. В научной литературе существует много трактовок данного понятия². Выделим точку зрения философа Д. В. Полежаева, который считает, что *менталитет* – это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система образов человека и внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемая (и функционирующая) как под воздействием внешних условий, так и в процессах внутренней самоорганизации.

---

² Их анализ см. : Королев А. А. Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та «Социум», 2011. – 68 с.

В структуре менталитета он выделяет горизонтальную и вертикальную составляющие. К первой относятся такие «блоки», как: а) восприятие, б) оценка, в) поведение. Ко второй – социальные установки индивидуального и коллективного бессознательного (природная, хозяйственно-экономическая, правовая, национально-патриотическая и др.), определяющие отношения человека к окружающим его явлениям, событиям, процессам³.

Менталитет является относительно постоянной исторической величиной. И даже когда, по мере развития социума, появляются внутренне дифференцированные формы «высокой» культуры – философия, теология, наука, искусство и др., его своеобразие в значительной мере определяется глубинными структурами самосознания. Вот почему в современном мире, несмотря на набирающие силу процессы глобализации, интеграции и рационализации сохраняются межэтнические различия даже в рамках отдельных стран, не говоря уже о цивилизационных различиях. Однако все течет, все изменяется, в том числе и ментальность народов. Это может происходить стихийно, под воздействием внешних обстоятельств, а может и целенаправленно, в результате соответствующей деятельности социальных институтов, например, политики государства. Суть их – обеспечить более эффективную адаптацию общества к вызовам и ритмам истории.

Наша страна, белорусское общество переживает время больших перемен. Динамика и успешность социального обновления зависят (и будут зависеть) от сцепления и взаимодействия самых разнообразных факторов – и объективных, и субъективных. Одним из важнейших среди них является самосознание народа, его менталитет.

Феномен национального менталитета является «сквозной» проблемой, которая должна учитываться при разработке государственных программ модернизации (в том числе инновационного развития страны), структурной перестройке экономики, создании и «запуске» механизмов социальной самоорганизации, поддержке предпринимательства и бизнеса, практике обучения и воспитания, принятии управленческих решений и т.д. Ибо, в конечном счете, именно творческий потенциал народа, его воля к действиям как организующая и побуждающая сила определяет успешность и конкурентоспособность страны. Задача «субъективного фактора» (институтов управления) – обеспечить необходимые для этого условия: правовые, организационные, финансовые, административные. Но прежде необходимо знать, что собой представляет этот социальный ресурс, что от него можно ожидать, и какие возможные коррективы в него следует внести.

Для этого необходимо исследование менталитета, в нашем случае – белорусского, без чего нельзя эффективно проводить в жизнь реформы. Учеными-белорусистами осуществлена большая работа по изучению разных аспектов на-

---

³ Полежаев Д. В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание // Знание. Понимание. Умение. 2010. С. 119–120.

ционального самосознания.⁴ В последнее время в данный процесс активно включились социологи.⁵

Общеизвестно, что центральную проблему белорусского менталитета составляет размытость, неочерченность этнического самосознания. Белорусы в своей массе знают свой язык и культуру намного хуже, чем язык и культуру соседних этносов. Поэтому, как правильно утверждает исследователь этой проблемы Ю. Чернявская, – анализ белорусского менталитета, исторических и социокультурных предпосылок его формирования и развития – первый шаг на пути преодоления «национальной летаргии»⁶. Об этом речь идет в первом разделе работы.

Вместе с тем сводить историческое самосознание белорусского народа к ментальности его основной части – крестьянства, едва ли корректно. В историко-культурном наследии Беларуси значительно место принадлежит творчеству интеллектуальной элиты, в том числе философам. Труды отечественных мыслителей XVI–XIX веков по политико-правовым и социально-нравственным проблемам не утратили своей актуальности и поныне. Вместе с тем они долгое время оставались практически неизвестными широкой общественности. Становление и эволюция институциональных форм белорусской государственности и культуры в XX–XXI вв. открывает реальную перспективу «встречи» двух потоков национального самосознания – народной культуры и рациональных форм теоретической рефлексии. Результатом ее должно стать конструирование новых образов Беларуси и белоруса. Свой вклад в это «общее дело» призвана внести и философская культура.

Философия как теоретическая система мировоззренческих знаний принимает самое непосредственное участие в процессах трансформации национального самосознания, формировании новых потребностей молодого поколения. Чтобы ответить на вопрос: какая философия нужна белорусам, для этого нужно вернуться к истокам исторической традиции, прежде всего «эпохам возрождения», «точкам» ее роста, подвергнуть анализу недавнее прошлое, осмыслить формирование новых европейских и постсоветских реалий, уяснить место и роль суверенной Беларуси в изменяющемся мире. Сравнивая себя с соседями, мы видим, что немецкая, французская или английская философия занимаются в первую очередь собственными проблемами, а не комментированием или приспособлением «чужих» концепций к собственной культурной и философской традиции. В этих философиях выражен, скажем так, «дух» той или иной нации.

---

⁴ См., напр. : Жураўлеў В. П. На шляху духоўнага самасвяджэння. – Мінск, 1995; Лыч А. М. Беларуская нацыя і мова. – Мінск, 1996; Мікуліч Т. М. Мова і этнічная самасвядомасць. – Мінск, 1996; Салееў В. А. Нацыянальная самасвядомасць і мастацкая культура. – Мінск, 1990; Чернявская Ю. В. Народная культура и национальные традиции. – Минск, 2009 и др.

⁵ См. : Кириенко, В. В. Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. 1999. № 1; Русецкий А. В., Гашенко Л. А. Патриотические ценности студенческой молодежи в условиях социальной трансформации // Социология. 2000. № 1; Местовский Н. А. Состояние политической культуры студенческой молодежи в современном трансформирующемся обществе // Социология. 2000. № 2; Фабрикант М. С. Объяснительные ресурсы имплицитных теорий национальной идентичности у белорусских студентов // Социальный психолог. 2008. № 1 и др.

⁶ Чернявская, Ю. В. Указ. соч. С. 60.

Стало быть, белорусская философия в определенной степени также должна быть средоточием национального духа и «уметь выразить себя перед миром» (Р. Тагор). Вместе с тем она является активной участницей формирующегося нового духовного миропорядка на просторах СНГ и современной Европы. Это означает, что национальная философия должна быть и относительно автономной духовной сферой, связанной с мейн-стримом развития мировой философии. Только так отечественная философия может подтвердить свою практическую значимость и стать неотъемлемым компонентом национальной культуры и идентичности, с одной стороны, – и интегральным аспектом современных духовно-интеллектуальных процессов, – с другой. Рассмотрению традиции философствования в Беларуси посвящен второй раздел настоящей работы.

Отечественная социальная и культурная динамика в исторической ретроспективе была обусловлена перманентными внешними вызовами, чаще всего несоизмеримыми по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского общества и государства. Это в существенной мере деформировало органическое взаимодействие структур и процессов национальной социальной и духовной *синергии* (содержание данного понятия будет раскрыто ниже). В ситуации обретения белорусским народом государственной независимости интенции социокультурной трансформации (в том числе национального самосознания) во многом зависят (и будут зависеть) от актуализации («запуска») механизмов социальной самоорганизации, преодоления исторических разрывов социальной и духовной синергии и порожденных этими обстоятельствами различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т.д.). Об этом пойдет речь в третьем разделе настоящей работы.

Учебно-методическое пособие подготовили: Введение и Заключение – канд. филос. наук, доцент Г. И. Малыхина, канд. филос. наук, доцент, В. И. Миськевич; Разделы 1, 3 – канд. филос. наук, доцент В. И. Миськевич; Раздел 2: подразделы 2.1, 2.2, 2.3 – м.н.с. Я. В. Тарасюк; подразделы 2.4 и 2.5 – канд. филос. наук, доцент Н. А. Кутузова; подразделы 2.6 и 2.7 – преп. А. А. Минеева; подраздел 2.8 – канд. филос. наук, доцент Г. И. Малыхина, канд. филос. наук, доцент И. Ф. Габрусъ.

Як ад нараджэння звяры, што ходзяць у пустыні, ведаюць ямы свае; птушкі, што лятаюць у паветры, ведаюць гнезды свае; рыбы, што плаваюць па моры і ў рэках, чуюць віры свае; пчолы і тым падобныя бароняць вулі свае, – так і людзі, дзе нарадзіліся і ўскормлены, да таго месца вялікую ласку маюць
Ф. Скарына

1 РАЗДЕЛ

Социально-политический и культурно-исторический контекст формирования и развития самосознания белорусского народа

1.1. Этноты и нации. Теория и практика нациостроительства в Европе

Вторая половина XX – нач. XXI вв. ознаменовалось рядом эпохальных геополитических событий, в числе которых – исчезновение советской коммунистической системы, распад СССР, появление десятков новых независимых государств. Эти масштабные трансформации резко активизировали проблему научного осмысления и переосмысления старых «образов» и представлений о народах, нациях, этнических группах и сообществах, в том числе входивших ранее в состав исчезнувших государственных образований. Между тем до 1970-х гг. роль этнического фактора в политических процессах учитывалась мало. В западных демократиях исповедовался либеральный принцип этнокультурного нейтралитета государства. В его основе – приоритет прав и свобод индивида над правами социальной группы. Этот принцип и, соответственно, подход к решению этнических проблем был закреплен в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, других основополагающих международных документах. Вместе с тем последние десятилетия мировой истории показали, что права солидарности, т.е. права социальных групп, приобретают все большее значение. Попытки же их практической реализации нередко сопровождаются насилием и усилением региональной напряженности (Ближний Восток, Кавказ, Балканы, отдельные страны Европы). Все это обуславливает актуальность и важность теоретического осмысления этнических процессов и прав этносов на социокультурное и политическое самоопределение.

В СССР идеология в области этнонациональных отношений вырабатывалась в верхних эшелонах власти. Ее суть сводилась к декларативному признанию равноправия наций, в том числе их права на самоопределение, с одной стороны, а с другой, – жесткому отслеживанию и контролированию любых попыток самостоятельного проведения в жизнь национально-культурной политики субъектами Союза. Ученым же оставалось лишь комментировать принимаемые решения. Ставка на формирование новой исторической общности – советского народа, как показал исторический опыт, оказалась несостоятельной.

Накопившиеся этнические проблемы (территориальные, расовые, культурные, социально-психологические, языковые), наряду с другими, создали тот взрывной потенциал, «разряд» которого привел к дезинтеграции Советского Союза.

В настоящее время проблематика *этнологии* (науки об этносах, народах) и связанных с ней этнополитологии, этнопсихологии, этнолингвистики и др. активно разрабатывается западными учеными. Отечественная наука и социальная философия к систематическому, идеологически неангажированному исследованию национально-этнических проблем только приступают. Их объективное теоретическое понимание важно и с точки зрения выработки практико-ориентированной стратегии развития белорусского общества и государства. Модернизация и адекватный ответ (в виде законов, государственных программ, инвестиций и действий) на вызовы глобализации со стороны суверенного белорусского государства должен быть «понимающим», базироваться, с одной стороны, на научно обоснованных концепциях, а с другой, – реальных интересах белорусского социума.

Исходя из сказанного, рассмотрим основные понятия и проблемы настоящего параграфа. Это позволит нам (используя метод сравнительно-исторического анализа) лучше уяснить суть процессов и проблем отечественной социокультурной динамики.

Этнос – специфическая социальная группа, которая возникает в ходе естественноисторического процесса. В научной литературе существует немало определений данного явления, однако, как отмечается исследователями⁷, адекватно понять его можно, установив базовые, системные признаки. Взятые же порознь, эти признаки не будут являться этноопределяющими. Итак:

1. Этноты имеют общее биологическое происхождение, т.е. его члены верят, что произошли от общих предков.

2. Этноты обладают общей территорией, на которой протекает их хозяйственная и социокультурная деятельность. При этом отметим, что с течением времени в силу различных исторических метаморфоз территория первоначального этногенеза может не совпадать с территорией последующего проживания этнического сообщества. Это обстоятельство, к слову сказать, и в настоящее время является источником многочисленных конфликтов. Общность территории, а также ландшафт, климат формируют специфический физический тип человека, психический склад этноса, отчасти его самоидентификацию.

3. Общие психологические черты, архетипы восприятия, верования, стереотипы поведения, системы родства, социальные отношения и взаимодействия формируют чувство этничности на глубинном, коллективно-бессознательном уровне.

4. Важнейшим интегрирующим фактором жизнедеятельности и самоопределения этноса является культура – материальная, социальная и духовная.

5. Язык – предпосылка и способ осознанного существования этноса.

---

⁷ Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97–98; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 16–17.

6. Способность этноса выделять и противопоставлять себя другим этническим сообществам, различать «своих» и «чужих» является маркером (этноопределяющим признаком) сформировавшегося этнического самосознания. Внешне оно выражается в самоназвании.

7. Совокупность всех вышеназванных признаков этноса, так или иначе проявляющихся в поведении *этнофоров*, т.е. носителей основных этнических черт, лежит в основе его самоидентификации.

Таким образом, только специфическое сочетание вышеназванных признаков, а также выделение ведущих среди них (у одних этносов это может быть язык, у других – быт, у третьих – черты поведения и т.д.) позволяет выявить и понять своеобразие этноса как явления биосоциального.

На высшем уровне своего развития этнос (если удастся) создает собственную государственность и превращается в *нацию* (этнонацию). Вместе с тем этническое меньшинство, живущее в составе доминирующего национального государства, также может превратиться в нацию, если достигнет достойного политического статуса и удовлетворения своих особых прав⁸. В этом случае этногенез приобретает новое качество. В донациональных сообществах этническая идентичность формировалась в основном стихийно и закреплялась в традиционных формах и способах жизнедеятельности социальной группы. С обретением же государственности эти формы и способы, а также содержание сознания, самосознание этноса начинают целенаправленно конструироваться и изменяться. В этнологии XX в. возникло даже примечательное направление – *конструктивизм* – сторонники которого полагают, что нация создается, конструируется в соответствии с определенными целями, ценностями и интересами. А акторами данного процесса являются социальные элиты и интеллигенция.

«Веком национализма» традиционно считается XIX столетие. Импульс к строительству современных наций-государств в Европе был дан Великой французской революцией. Ее идеологи наделили понятие «нация» принципиально новым содержанием и тем самым осуществили замену самого субъекта нации. Не менее интенсивно процесс нациообразования шел и в XX веке. В результате распада мировой колониальной системы и масштабной национально-государственной «перестройки» социалистического лагеря в мире появилось около сотни новых государств, в том числе 23 в Европе и экс-советской Евразии. Этнополитические процессы, которые наблюдаются в современном мире, дают все основания предполагать, что «топлива в националистическом реакторе хватит еще не на одно десятилетие нового столетия»⁹.

Термин нация (от *nassi* – рожден) в средневековой традиции употреблялся достаточно широко и означал родовую общность. Однако критерии отнесения индивидом себя к той или иной «нации» были достаточно произвольными. Так, ученые мужи Сорбонны XIII в. полагали, что итальянцы, испанцы и греки при-

⁸ Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб, Питер, 2004. С. 20.

⁹ Буховец О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) // Современная Европа. 2008. № 4. С. 33.

надлежат к «галльской» нации, а немецкие, польские и скандинавские студенты, учившиеся в университетах Англии, входят в состав английской нации.¹⁰ Согласно документам Констанцкого церковного собора (1414 – 1417), к «германской нации» наряду с немецкоязычными духовными иерархами относилось духовенство Англии, Венгрии, Польши, а в состав «итальянской нации» были включены представители Греции, Славонии и Кипра¹¹.

Самым главным, однако, было то, что в эпоху средневековья право называть себя «нацией» принадлежало лишь высшим сословиям. Подавляющее же большинство населения, т.е. массы «простых подданных», подобным правом не обладали. Вот почему эпохальным событием европейской истории стало то, что в 1789 г. французское «третье сословие» (в лице своих идеологов) объявило себя нацией, а Французская академия дала принципиально новое определение, послужившее впоследствии основой для утверждения концепта гражданской политической нации. Согласно этому определению, нация – это совокупность всех жителей «одного и того же государства, одной и той же страны, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык».¹²

Данной идее с течением времени было суждено превратиться в фундамент социокультурной связанности и групповой идентичности, стать реальной основой продуцирования многочисленных образов «мы» и «других» – этносов, культур, конфессий. Идея нации открыла перед модернизирующейся Европой перспективу социального творчества и инновационных социальных преобразований.

Важно, однако, подчеркнуть, что в первоначальный период лишь либерально настроенное меньшинство интеллектуалов оказалось в состоянии исповедовать новые ценности. А чтобы их стало разделять большинство, понадобилось более столетия. Укоренение в массовом сознании идеи «народа-нации» требовало системных изменений в менталитете, самосознании народов. И, прежде всего, формирования в общественном сознании народа коллективного образа и имени собственного («мы французы», «мы немцы», мы «чехи» т.д.). О том, насколько это было непросто, свидетельствует, например, такой факт, что даже в середине XIX века во Франции с ее многовековой централизованной государственностью «всякий новопоселенец, прибывший из соседней округи, был чем-то вроде «иностранца», вызывая подозрение и враждебность»¹³. В Италии (и Германии) после создания национальных государств национальная идея формулировалась вообще парадоксально: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев»¹⁴. Применительно к Германии – «немцев». Еще более сложной была аналогичная задача для народов России, Австро-Венгрии, Османской империи, не имевших своих государств вплоть до конца Первой мировой войны. В XIX в. усилиями политиков, правоведов, ученых, деятелей

¹⁰ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 33.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 33–34.

¹³ Weber E. Peasant into Franchmen // The modernization of Rural France. 1870–1914. Stanford, 1976. P. 90.

¹⁴ Хобсбаум Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе // Нации и национализм. С. 335.

культуры были созданы национальные «мифо-символические комплексы». Будучи специфическими для каждой страны, они вместе с тем содержали и общие типологические черты. Во-первых, нации изображались в них как существующие с незапамятных времен, а не как недавние политические оформления социокультурных различий. Во-вторых, они содержали в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагалось наличие внутренних и внешних врагов, не заинтересованных в таком «пробуждении»¹⁵.

Важнейшее место в созданных «мифо-символических комплексах» принадлежало «национальным традициям». Решающую роль в их конструировании сыграла националистическая «колонизация истории, исходящая из современности»¹⁶. Заинтересованный подход к историческому материалу позволял, в зависимости от конкретных задач социального мифотворчества, либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было»¹⁷. Еще одним компонентом таких комплексов являлся пантеон выдающихся деятелей национальной истории. Среди них: «грамматисты» – исторические персонажи, которые выпестовали язык, зафиксировали на нем отеческое предание; «отцы нации» – создатели государства; герои-победители; борцы за свободу; личности, внесшие значимый вклад в развитие общества и культуры. Важное воспитательное значение отводилось также знаменательным историческим датам и событиям, священным местам, государственным и культурным символам¹⁸.

Сконструированный национальный «мифо-символический комплекс» надлежало превратить в «факт» общественного сознания, используя систему образования, потенциал искусства, СМИ, церковь, науку, праздники и церемонии. Практической реализацией этой задачи были заняты интеллектуалы, а весь процесс в целом направлялся и контролировался властью. Итогом должно было стать формирование нового типа личности и специфического – национального – самосознания.

Необходимым условием успеха проекта «народ-нация» стали программы всеобщего обучения. Они преследовали двоякую цель – подготовку квалифицированных кадров для развернувшейся в странах Европы модернизации и патристическое воспитание молодежи. Достойное место отводилось формированию в массовом сознании образа Родины, появлению в менталитете народа чувства общенациональной солидарности. Важнейшая роль в этом процессе отводилась государственному языку, т.е. нормированному литературному языку.

В доиндустриальный период с характерным для него преобладанием замкнутых мирков сельского неграмотного населения эти задачи были неосуществимы. Так, во Франции централизация в языковой политике началась еще

---

¹⁵ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М. : Проксис, 2002. С. 206; Геллнер Э. Пришествие национализма. Там же. С. 173.

¹⁶ Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М. : Проксис, 2002. С. 256.

¹⁷ Геллнер Э. Указ. соч. – М. : Проксис, 2002. С. 192.

¹⁸ Тульчинский С. Л. Нация или охлос? // Философские науки. 2011. № 5. С. 38–39.

в XVI ст. Однако и в середине XIX в. «для половины граждан страны французский оставался иностранным языком»¹⁹.

С большими проблемами сталкивалась и Германия в последовательном продвижении «в народ» через систему образования и средства массовой коммуникации литературного немецкого языка. Последний сыграл важнейшую унифицирующую роль в выработке общенемецкого сознания, однако его диалекты (берлинский, баварский, саксонский и др.) сохранились и по сей день. При этом отметим, что политика нациостроительства нередко принимала там жесткие формы, особенно когда речь шла об ассимиляции нетитульных этносов, т. е. национальных меньшинств. Например, в начале XX в. на польском языке (поляки – самое многочисленное из меньшинств Германии) было запрещено преподавание в народных школах и даже богослужение в костелах. Это делалось на немецком.

Рассмотренные выше аспекты национального строительства были связаны с политикой целенаправленного формирования либеральных ценностей в менталитете формирующихся новых социально-политических общностей. Вместе с тем подчеркнем, что практическая реализация идеалов Французской революции осуществлялась в контексте фундаментальных социально-экономических преобразований, вызванных к жизни промышленным переворотом и научно-технической революцией. Город и индустрия кардинальным образом изменили характер хозяйствования, систему социальных отношений, механизмы формирования власти, систему законодательства, способы коммуникации, характер внутренней миграции. Обусловленные этими процессами социальная мобильность и социальная динамика, свобода личности и установка на инновации стали характерной особенностью появившейся новой – техногенной – цивилизации. Народ-нация законодательно был провозглашен главным источником власти в конституциях демократических стран Европы.

Современный исследователь У. Альтерматт процесс национального строительства в Европе подразделил на три временные зоны. К первой он отнес Англию, Францию, Швецию, Данию, Нидерланды, ко второй – Германию и Италию, а к третьей – Австро-Венрию, Россию и Османскую империю.

Естественно, что в силу специфических для каждой страны «стартовых условий» рассматриваемые процессы протекали по-разному в различных временных зонах нациостроительства.

Так, в странах первой временной зоны заметно уменьшились не только субэтнические, но и межэтнические культурно-ментальные различия. Но в Великобритании при этом была реализована модель создания *политической нации* британцев, а не этнокультурной нации англичан. Ведь последняя предполагала бы «англизацию» шотландцев, ирландцев и валлийцев. Задача явно нереализуемая и сегодня. Одним из результатов этой модели явилось существенное потепление отношений между англичанами, с одной стороны, шотландцами и валлийцами – с другой. Во Франции действовала *этнокультурная*

---

¹⁹ Альтерматт У. Указ. соч. С. 166.

ассимиляционная модель, которая требовала включения в общность «французов» также иноэтничных эльзасцев, бретонцев и корсиканцев не только в политическом смысле, но и культурном.

А вот в странах второй временной зоны к началу XX в. остались весьма существенными даже субэтнические дистанции. В Германии, например, установка на создание этнокультурной нации путем ассимиляции поляков, чехов, датчан, лотарингцев не только не увенчалась успехом, но и явилась одной из причин ослабления «второго рейха» в Первой мировой войне, его падения и потери Германией значительных территорий. Италии также не удалось осуществить интеграцию неитальянских этнических меньшинств, что и сегодня дает себя знать в противоречиях между Севером и Югом страны. В итоге вопросы о том, насколько сицилийцы являются итальянцами, а баварцы немцами, дискутируются и поныне.

Наибольшим драматизмом и остротой борьбы феномен рождения новых наций отличался в империях Восточной, Центральной и Южной Европы. Причина в том, что входившие в их состав этносы были недостаточно интегрированы и удерживались насильственно. Поэтому пришедшая к ним с берегов Сены идея «каждой нации - государство» пала на благодатную почву. Практически повсеместно развернулась интеллектуальная активность по систематизации и структурированию форм и образов этнокультурной идентичности, выработке идеологии политического самоопределения. А вслед за ней – и борьба за политическую независимость. В итоге для слабоинтегрированной Австро-Венгрии идея «каждой нации – государство» стала подлинным троянским конем, подготовившим падение монархии и распад империи²⁰. Рассмотрим подробнее некоторые моменты этого процесса.

В «лоскутной» Австро-Венгрии этот процесс начался с противодействия Венгрии политике Австрии на германизацию населения империи. В ответ на объявление Веней государственным языком немецкого (вместо латыни), Королевство Венгрия на своей территории объявило государственным мадьярский язык. Основными направлениями национализации народов полиэтнического королевства (по численности превосходившего население современной Венгрии в два раза) выступали образование на венгерском языке, открытие новых университетов, массовое распространение историко-патриотических знаний, мадьяризация имен, фамилий, географических названий, пропаганда национального фольклора, культурная ассимиляция этнических меньшинств. Важнейшим динамическим фактором этого процесса явился бурный рост городов, обусловивших беспрецедентную интенсификацию и интеграцию межэтнических коммуникаций в рамках ценностей венгерской культуры. Вместе с тем отметим, что попытка мадьяризации иноэтнических меньшинств – немцев, хорватов, румын и др., весьма далеко отстоявших от венгров в культурно-языковом отношении, особого успеха не имела. И подобно тому, как курс Австрии на германизацию дал мощный импульс венгерскому национальному строительству

---

²⁰ Буховец О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая). – С. 41.

ву, так и мадьяризация, в свою очередь, дала толчок этнонациональному ренессансу в Венгрии немадьярских народов.²¹

Иным путем пошли чехи. Поскольку административный ресурс у чешских земель был значительно меньше, чем у венгров, они основную ставку сделали на народное образование, культуру, средства массовой коммуникации и потенциал урбанизации. В определенных отношениях чешский опыт может рассматриваться как весьма полезный и для нашей страны. Если в 1853 г. в Чехии не было ни одного чешского лица, то в 1913-м там функционировали 63 гимназии и 45 технических учебных заведений. Чешских крестьян, переселявшихся в города, встречала налаженная система образования и СМИ на родном языке. Города, столетия служившие центрами немецкой культуры, поразительно быстро стали чешскими. Консул Германии в Праге писал в 1898 году: «В то время как еще 25 лет назад тип города был совершенно немецким, сегодня Прага, без сомнения, совершенно чешский город»²².

Но, по понятным причинам, нас в наибольшей степени интересует российский случай, т.е. в какой степени идеи «национализации» были восприняты и получили развитие в Российской империи.

Во второй половине XIX–нач. XX вв. в России начался процесс модернизации по западному образцу. Однако, несмотря на впечатляющую динамику индустриального роста, промышленность к 1913 году обеспечивала лишь 27 % ВВП, а доля городского населения составляла 15 % от общей численности населения. Почти три четверти жителей империи были неграмотными²³. По показателю элементарной грамотности (а народное образование служит абсолютно необходимым условием «национализации») Россия сильно уступала даже Австро-Венгрии, не говоря уже о других европейских странах. Так, в 1914 году в ней на 1 тыс. жителей приходилось 59 учащихся, тогда как в «лоскутной империи» – 143, в Великобритании – 152, в Германии – 175²⁴.

Общий дефицит модернизационного потенциала России самым непосредственным образом отражался на мировоззрении даже наиболее «перспективных» с точки зрения национального самоопределения этносов империи – поляков, эстонцев, латышей, литовцев, а также народов Закавказья и Средней Азии. Отсутствие у них собственной элиты, ориентированной на национальные интересы, своего городского среднего класса, низкий уровень урбанизированности обусловило запаздывание «пробуждения» сознания названных этнических меньшинств по сравнению с народами, к примеру, Австро-Венгрии. Однако ситуация коренным образом изменилась в связи с событиями двух русских революций и первой мировой войны. Патриотические настроенные национальные активисты латентный потенциал «национальных идей» сумели быстро превратить в мощный фактор общественного сознания. Тем самым, по

---

²¹ Буховец О. Там же. С. 39.

²² Альтерматт У. Указ. соч. С. 166.

²³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX вв.). В 2 т. Т. 2. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 284–305.

²⁴ Миронов Б. Н. Там же. С. 387.

удачному выражению М. Гроха, революции обеспечили переход национального движения из фазы патриотической агитации в фазу массового политического действия²⁵.

Данный процесс, однако, в западных и юго-западных губерниях России имел свои особенности. Они, во-первых, проистекали из сосредоточения в них пятимиллионного еврейского населения (в силу закона о «черте оседлости», т. е. проживания на указанной территории). Так, в начале XX века удельный вес евреев в Кишиневе составлял почти 46 %, в Минске – 43,3 %, в Вильно – 40 %, в Екатеринославе – 35,4 %, в Одессе – 30,8 %. Соответственно молдаван, белорусов, литовцев и украинцев в названных городах проживало 17,6; 8,2; 2,0; 15,8 и 9,4 %²⁶. В силу целенаправленной политики самодержавия на культурную ассимиляцию евреев, их интеграцию с господствующей (т.е. русской) культурой, они объективно были не только носителями, но и проводниками русского языка и культуры. Во-вторых, в крупнейших городах запада и юго-запада России доля самого русского населения составляла не меньше 20 %. В Вильно, например, вместе с евреями русские составляли 3/5 населения, а в Минске – 3/4²⁷. И последнее по счету, но не по важности: административно-властный ресурс в этих регионах был направлен на обеспечение в первую очередь интересов самодержавия и титульной нации.

Переселявшиеся в эти города белорусские, украинские, литовские и молдавские крестьяне попадали там совсем не в то социокультурное окружение, которое могло бы обеспечить их национализацию по венгерской или чешской модели. Напротив, они постепенно превращались в «русских», хотя в силу культурно-языковых различий этот процесс протекал у различных этносов с разной скоростью. После отпадения от России Прибалтики и Бессарабии процессы русификации были там свернуты.

По иному сложились исторические судьбы белорусского и украинского народов. Неудача местных национальных сил в деле создания независимых Белорусской и Украинской народных республик была обусловлена комплексом причин, и основная среди них – отсутствие в массовом сознании белорусов и украинцев образа России как «Другого». Подробнее об этом речь пойдет ниже. А пока вернемся к истокам и акцентируем ключевые моменты формирования и эволюции белорусского этноса и национального самосознания в контексте социокультурных вызовов и ответов истории.

---

²⁵ Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшимся нациям : процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М. : Проксис, 2002. С. 125.

²⁶ Буховец О. Указ. соч. С. 43.

²⁷ Шибeko З. В., Шибeko С. Ф. Минск: Страницы жизни дореволюционного города. Минск, 1990. С. 11.

1.2. К вопросу об экспликации исторических предпосылок и теоретико-методологических оснований анализа этногенеза и этнического самосознания белорусов

Как этнос, белорусы входят в более широкие метаэтнические сообщества: восточнославянское (вместе с русскими и украинцами) и славянское. Проникновение славян на территорию современной Беларуси началось в VI – VII вв. н.э., заселенной в то время балтскими племенами. В последующие столетия происходит массовое расселение племен пришельцев, сопровождающееся ассимиляцией и вытеснением аборигенов на север. В IX в. на базе таких племенных сообществ как кривичи, дреговичи и радимичи возникают первые протогосударственные объединения с центрами в Полоцке и Турове. Данные племена сыграли важную роль в формировании восточнославянского этноса и его территории, получившей общее название «Русь».

Однако первоначально этот термин был именем небольшой и быстро ослабленной группы знати скандинавского происхождения – «варягов», отличавшихся колоссальным пассионарным порывом. С утверждением их господства над восточнославянскими племенами данный *этноним* распространился вначале на местное среднеднепровское население (полян), его территорию и культуру, а вскоре и на жителей созданного ими восточнославянского государства, которое стало именоваться Киевской Русью. К IX веку в ее состав были включены земли, заселенные кривичами, дреговичами и радимичами.

Рамки обширного и мощного государства благоприятствовали цивилизационным процессам – и прежде всего возникновению и росту городов. В X–XII вв. основываются Брест, Витебск, Волковыск, Гродно, Логойск, Минск, Орша, Пинск и др. города. Политическая реформа князя Владимира, в соответствии с которой великими князьями отдельных «регионов» могли быть только сыновья или родственники великого Киевского князя, проводимая ими политика «русификации» способствовала сближению восточнославянских племен и вела к формированию общих черт в их культуре, социальном характере и языке. Мощным фактором духовной интеграции населения, формирующегося молодого государства стало крещение Руси в 988 г. по греко-византийскому (православному) обряду. Прежние названия племен (кривичи и др.) постепенно выходят из употребления (последнее упоминание в летописи – в 1141 г.). Повсеместно утверждается новое название народа – русские, а государства – Русь.

Данный *политоним*, укоренившись, сохранился и в период феодальной раздробленности Руси, когда ее население, в т.ч. белорусских земель, проживало в самостоятельных княжествах-государствах. В XIII в. он вошел в название нового государственного объединения, частью которого стала и территория Беларуси – Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Соответствующим был и титул великих князей. Данное название было обусловлено прежде всего этническим многообразием населения ВКЛ. К тому

же и сами «русские» отнюдь не являлись гомогенной общностью. Они различались языковыми диалектами, обрядами, вероисповеданиями (жители западных регионов дольше других оставались язычниками) и даже генотипически. Так, обитатели Попрпятыя были низкорослыми и черноволосыми, а Принеманья и Подвинья – высокорослыми, светловолосыми и светлокожими. Собственно, территория расселения последних и получила название Белая Русь (с XIII в.), а ее жители стали именоваться «белорусцами». С течением времени произошло распространение данного этнонима и на другие регионы, включая смоленские и некоторые московские земли.

Так, конспективно, выглядят первоначальные «моменты» генезиса отечественной истории. Вместе с тем в белорусской историографии нет единства мнений как об истоках и факторах происхождения собственно белорусов (существуют «финская», «балтская», «древнерусская» и другие гипотезы²⁸), так и относительно времени формирования и эволюции их этнического сознания. Т. Н. Микулич, например, отстаивает тезис, согласно которому этническое самосознание белорусов сформировалось не ранее XIX в.²⁹ М. Ф. Пилипенко полагает, что оно возникло еще во времена позднего средневековья вместе с белорусским языком.³⁰ Я. Ф. Карский главным фактором формирования белорусского этноса считал политический: возникновение ВКЛ обусловило консолидацию социума и тем самым стимулировало развитие национальной культуры и языка.³¹ В. И. Пичета, разделяя эту точку зрения, подчеркивал также роль экономического контекста в процессах этнической интеграции.³² В. В. Седов ключевыми в этом процессе считает два исторических события: а) экспансию славян на балтскую территорию и, б) полонизацию ВКЛ.³³

Однако с философско-методологической точки зрения представляется, что акцентирование одного или нескольких факторов в качестве определяющих этногенез и генезис этноса народа, едва ли продуктивно. В этой связи обоснованной представляется утверждение С. А. Подокшина о том, что «нашай беларускай гістарычнай навуцы не стае філасофскай канцэптуальнасці, тэарэтычных абагульненняў».³⁴ Этот факт, продолжает ученый, «абумоўлівае і той востры канцэптуальны канфлікт, які у апошні час існуе у асяроддзі беларускіх гісторыкаў».³⁵ Вот почему необходима экспликация, т.е. прояснение сути основных понятий, описывающих изучаемый предмет, репрезентация его как системной целостности, выявление механизмов и факторов отечественной социокультурной динамики, анализ «вызовов» и «ответов». И еще: изучение отечественной истории и культуры должно исходить из

²⁸ См. их обзор: Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. В 6 т. Т. 4. Мінск, БелЭн., 2000. С. 6–8.

²⁹ Микулич Т. А. Этноязыковые процессы и системы национального самосознания. Минск, 1991. С. 17.

³⁰ Пилипенко М. Ф. Змест і формы першапачатковай этнічнай самасвядомасці беларускага народа // Беларусіка. Кн. 2. Фарміраванне і развіццё этнічнай самасвядомасці беларусаў. Мінск, 1992. С. 70–73.

³¹ Карский Е. Ф. Введение в изучение языка и народной словесности. Вильно, 1904. С.113–114.

³² Пичета В. И. Образование белорусского народа // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 19–20.

³³ Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 182, 192.

³⁴ Падокшын С. А. Беларуская думка у кантэксце гісторыі і культуры. Мінск, 2003. С. 42.

³⁵ Там же.

национальных интересов белорусского народа, патриотического отношения к своему прошлому. Как итог: «без філасофскага абагульнення гісторыі... немагчымы адэкватная грамадзянская самасвядомасць, веданне народам сваей сапраўднай гістарычнай рэтраспектывы і перспектывы»³⁶. Сформулируем некоторые ключевые понятия, исходные методологические принципы и установки анализа рассматриваемой проблемы.

Общество (социум) – это многомерное пространство (территориальное, геополитическое, экономическое, социальное, ментальное и т. п.) самоорганизации людей, реализующейся через систему многовекторных действий – как институциональных, направленных на оптимизацию функционирования социума в качестве целостности, так и неинституализированных, спонтанных, ориентированных на удовлетворение партикулярных интересов социальных групп и отдельных индивидов. Действия первого рода обнаруживают себя в деятельности прежде всего государства и различных его институтов – политических, правовых, художественных, образовательных, религиозных, а второго – в частной инициативе людей. В своей совокупности они образуют континуум ответов того или иного социума на идущие извне и изнутри вызовы. По своему содержанию ответы могут быть направлены либо на сохранение существующего статус кво, либо на его преобразование. Разумеется, противопоставлять их резко и абсолютно не следует, поскольку любое общество является открытой системой, способной при соответствующих условиях к трансформациям.

Социум – это синергетический объект, функционирующий в режиме многовекторных обменов с окружающей средой, а его эволюция (или инволюция) представляет собой нелинейную, стохастическую последовательность сменяющих друг друга состояний стабильности, порядка (организации) и дезинтеграции (хаоса). Наиболее «чувствительным» к идущим извне и изнутри вызовам общество становится в ситуациях кризисов (т.е. в периоды социальных катастроф, вызванных войнами, революциями, смутами, разуверенностью людей в прежних богах и идеалах, и т. п.).

В подобные моменты исключительное значение приобретает активность творческого меньшинства (элиты) и свобода личности, их идеи и дела, единичные события, которые «запускают» механизм самоорганизации. Если он «срабатывает» до конца, то захватывает все сферы и уровни общественной жизни, выводя социум в новое культурно-историческое измерение (не всегда, однако, более высокое). В отечественной истории к числу подобных «точечных» событий можно отнести подвижничество духовно-нравственное служение Е. Полоцкой, эгоистические устремления Ягайлы, реформационно-гуманистическую деятельность Ф. Скорины, гражданско-патриотическую позицию Л. Сапеги, унию с Польшей и т.д. Все они оказали серьезное, хотя и разное по своим последствиям влияние на направленность и особенности развития отечественной истории и культуры.

---

³⁶ Падокшын С. А. Там же. С. 65.

Эвристически интересным представляется также анализ проблемы формирования и развития этногенеза и этнического самосознания белорусов с точки зрения такого идеально-типического конструкта, как *«социокультурная синергия»*. Термин «синергия» в переводе с греческого буквально означает «со-действие», «со-трудничество», «со-работничество». Данное понятие вошло в интеллектуальный обиход европейской культуры значительно раньше, чем известное сейчас название науки о самоорганизации – синергетики. Так, наряду с термином «виртуальность» оно активно использовалось еще в средневековой философии и служило для обозначения специальных практик со-действия, сотрудничества человека и Бога. В современной философской и научной литературе используются выражения «духовная синергия», «социальная синергия» для характеристики особых состояний общественного бытия и сознания. Более общим по отношению к ним «идеальным типом» (родовым понятием) является категория «социокультурная синергия».

Социокультурная синергия – это системное единство образующих общество социальных групп и общностей, институтов, нормативно-коммуникативных структур, сетей, стратификаций, социальных ролей, маргинальных слоев, субкультур, форм сознания и т.д., функционирующих в режиме взаимодополнения, взаимопроникновения и обеспечивающих его целостность и органический рост. Данное единство достигается посредством как целерациональных, так и спонтанных, стихийных действий людей. Будучи противоположностями, они не только «отрицают» (диалектически), но и предполагают, дополняют друг друга. Их взаимодействие определяет динамику самоорганизации и развития социума. При этом заметим: социальная спонтанность является одной из важнейших форм манифестации свободы личности и необходимой предпосылкой исторического инновационизма.

Процессы социальной самоорганизации могут протекать как стихийно-спонтанно, так и целерационально в тех границах, которые полагаются соответствующими институциями (напр., *правовыми*: разрешено все, что не запрещено законом; *традицией*: дозволено все, что не выходит за рамки обычая и ритуала и т.д.). Соотношение между стихийными и институализированными «моментами» процессов самоорганизации в различные исторические периоды («организации» или «хаоса») одного и того же общества, а также в разных типах социумов может существенно варьироваться. Очевидно, что в традиционных обществах (или тоталитарных) возможности для индивидуальной или групповой самодеятельности (инновационных действий) жестко регламентированы; в демократических же такие возможности защищаются законом. Оптимальное сочетание данных «моментов» предполагает такое их динамическое равновесие, при котором сходились бы интересы целого (общества) и отдельного (личности). Накопленный социокультурный опыт закрепляется в структурах ментальности, социальных институтах и практических действиях людей.

Изложенное выше можно обобщить и в терминах классической социально-философской рефлексии. С точки зрения диалектики, любое

содержание предполагает наличие определенной формы (его «оформленность»). Последняя, как известно, не сводится только к внешним проявлениям, «оболочке» того или иного феномена, но выступает как внутренний системообразующий и структурирующий содержание принцип (закон). В жизни этносов такими принципами, определяющими их исторические судьбы, могут быть религия (самый впечатляющий пример – евреи с их способностью к сохранению собственной идентичности), язык и традиция (цыгане), либо, что чаще всего – государство. Последнее является наиболее универсальной и эффективной из таких форм, поскольку для структурирования содержания общественной жизни оно использует не только «естественные» механизмы самоорганизации (установки общественной психологии, язык, традиции), но и «искусственные» – от социально-культурных учреждений до силовых институтов.

Исторические обстоятельства, обусловившие содержание и особенности белорусской социальной и культурной динамики, в существенной мере осложнили процессы формирования синергичных структур и отношений в белорусском обществе, в том числе национальной элиты и национального самосознания. Становление и развитие Республики Беларусь как суверенного государства во многом зависит (и будет зависеть) от актуализации («запуска») механизмов социальной самоорганизации, преодоления исторических деформаций социальной и духовной синергии и обусловленных этими причинами различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т.д.).

Исходным пунктом является здесь выбор стратегических целей и ценностных ориентаций, а также определение акторов, способов и средств их реализации. Эта задача большой сложности. И при ее решении важно понимать, что проблемы настоящего всегда так или иначе связаны с прошлым, его традициями и особенностями, которые во многом определяют тип общества и человека. Их конкретно-научный анализ и социально-философская рефлексия является необходимым предварительным условием «понимающей» модернизации. Другими словами, отрефлектированный опыт прошлого, запечатленный в структурах национального самосознания, национальном характере, стереотипах поведения людей должен учитываться при разработке перспективных программ развития белорусского общества и государства, принятии управленческих решений, разработке нормативной базы, мобилизации ресурсов и т.д. Вот почему исследование и постижение такого важнейшего компонента национальной самобытности как этноменталитет имеет большое теоретическое и практическое значение.

1.3. Белорусская социальная и духовная синергия в XIII – первой половине XVII столетий

XIII–XIV вв. – это время начала собственно белорусской истории, т.е. формирования белорусского этноса и государственности. Данный процесс в существенной мере был инициирован новыми внешними вызовами – агрессией

с юга (татары) и севера (крестоносцы). В такой ситуации естественным оказалось смещение географической «точки роста» молодого этноса в центральную часть его расселения – приеманский ареал. Административным центром края становится Новогрудок. По приглашению местных бояр княжеский трон занял Миндовг. «У 1251 г. князь быў ахрышчаны паводле каталіцкага абраду, а у 1253 каранаваўся у Новаградку каралеўскай каронай, прысланай ад імя папы Інакенція IV»³⁷. Параллельно с ростом «старых» городов возникали новые: Лида, Слоним, Несвиж, Речица и др.

Перед лицом существующих угроз, а также на основе сложившихся ранее хозяйственных связей быстро шел процесс объединения белорусских земель с соседними, прежде всего литовскими, затем украинскими, завершившийся возникновением нового интегрированного государства – Великого Княжества Литовского со столицей в г. Вильно (с 1323 г.). Отметим, что этот процесс осуществлялся частично путем завоеваний, частично путем добровольного присоединения «русских» земель к основному государственному ядру, которое называлось «Литвой». При этом, как подчеркивает М. К. Любавский (блестящий ученый, ректор Санкт-Петербургского университета в начале XX века), «сила оружия» имела второстепенное значение. В возникшем государственном союзе доминировала «русская стихия» (белорусско-украинская), т.е. «русские» порядки, русская «вера» и «мова». По-белорусски изъяснялся Ягайло и его двор³⁸.

Следует подчеркнуть, что в истории новые государственные образования возникали в силу стечения различных обстоятельств. Так, в середине VII в. протоболгары – тюркские племена во главе с князем Аспарухом оказались на территории южнославянских племен, известных под названием «семи родов». Аристократия обоих этносов заключила между собой соглашение, согласно которому главенство (власть) отходила к протоболгарской знати. Формирующееся государство стало называться Болгарией, а население – болгарами. С течением времени пришлое племя было ассимилировано местным славянским населением. Аналогичным образом история современной Англии началась с ее завоевания нормандским герцогом Вильгельмом, который являлся вассалом французского короля. Исторический взлет Испании оказался возможным после заключения брачной унии между Изабеллой Кастильской и Луи Арагонским. Так что наш «случай» – отнюдь не уникальный.

ВКЛ к началу XV в. – одно из крупнейших государств Европы (его территория простиралась от Балтийского моря на севере до Черного на юге) и состояло из ряда отдельных земель – Новогрудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской и др. Каждая из них обладала значительной автономией и стремилась к сохранению традиций. Принцип «старини не рухати» вел, однако, к автаркии, политической и экономической разобщенности разных регионов и тем самым к слабости государства. С укреплением власти великого

³⁷ Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1. Мінск : БелЭн. 2005. С. 7–8.

³⁸ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 35–41.

князя в XV–XVI вв. княжества ликвидировались, а вместо них создавались воеводства – Полоцкое, Менское, Берестейское, Витебское, Трокское и др. Параллельно с политической консолидацией центральная власть активно проводила политику юридическо-правовой интеграции своих земель, что нашло отражение в трех знаменитых Статутах ВКЛ (1529, 1566, 1588). Это стимулировало развитие внутригосударственных экономических связей, торговли, способствовало формированию единого рынка. Важную роль в этом интеграционном процессе играли города. В наиболее крупных из них проживало от 8 до 20 тыс. человек, а в Полоцке – крупнейшем урбанистическом центре Беларуси XV в. – около 30 тыс.

Важным фактором политико-экономической интеграции страны стало введение в обращение на всей территории ВКЛ с первой трети XVI в. собственного денежного знака. Им стал литовский полугрош, сменивший денежные единицы сопредельных стран, которые ранее ходили в смежных с ними регионах ВКЛ. На XVI ст. приходится также экономическая реформа в сельском хозяйстве, инициированная Б. Сфорца (супругой Жигимонта I Старого). Тем самым были созданы предпосылки для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, стимулирования социальной мобильности крестьянства, изменений в социальной структуре общества в целом. Так, в XV–XVI вв. именно за счет преуспевающих свободных земледельцев шло активное пополнение шляхетского (дворянского) сословия.

Институализация политических процессов в Великом Княжестве Литовском была направлена на создание эффективного и независимого государства. Один из центральных «моментов» данного процесса заключался в проблеме устройства государственной власти. Разрешена она была в пользу разграничения полномочий между центром и регионами. Полномочия великого князя изначально ограничивались традицией, основанной на народном – вечевом – волеизъявлении, а также презумпции выборности князя, предполагавшей широкую политическую автономию региональных правителей.

После упразднения княжеств в ВКЛ по польскому образцу вводится система шляхетского поветового самоуправления с поветовыми соймами, судами и парламентским представительством. Паны-рада из состава высшей магнатории княжества образовывали конститутивный орган, ограничивающий *de jure* и *de facto* права великого князя, ими же избираемого. Принципиальное значение имела также юридическая гарантия прав подданных (шляхты) на неприкосновенность личности, на землю, собственность, старинные привилегии. Таким образом, диктат монарха исключался и для ВКЛ был неприемлем. По сути, Княжество с точки зрения социально-политической организации представляло собой местный вариант средневековой аристократической республики. При определенных исторических обстоятельствах она вполне могла бы эволюционировать в сторону демократизации своих институтов.

Существенные предпосылки для этого были заложены в организации и характере городской жизни. Крупные белорусские города в рамках общеевропейской традиции городского самоуправления с конца XIV в. начинают полу-

чать грамоты великих князей на Магдебургское право (Вильно – с 1387 г., Брест – 1390, Слуцк – 1441, Гродно – 1391, Минск – 1499 и т. д.). Согласно его нормам, жители городов выбирали органы самоуправления во главе с бургомистром, суд, комиссии по контролю за деятельностью торгово-ремесленных цехов. Магдебургское право освобождало горожан от личной зависимости, способствовало их консолидации и формированию в известных пределах правосознания.

Подобные интенции развития социально-политической синергии белорусского социума были вполне конгениальны аналогичным процессам в передовых странах Европы того времени, – с одной стороны, и принципиально отличались от практики государственного строительства в соседней Московии, – с другой.

Своеобразным, даже уникальным, было положение и роль церкви в процессах социальной и духовной самоорганизации белорусского этноса. На белорусских землях вначале доминировал византийский вариант христианства. Литва же оставалась языческой до конца XIV в. Принятие ею христианства в форме католицизма было, по сути, политическим актом, который, во-первых, был направлен против тевтонов (последние свою агрессию против славян и балтов прикрывали лозунгом борьбы с язычниками), во-вторых, он открывал Ягайле путь к польской короне. Став королем Владиславом II, новоиспеченный глава белорусско-литовско-польского государства (образованного согласно Кревской унии 1385 г. для отражения угроз с юга (орды) и севера (тевтонов)), в угоду местному польскоориентированному политическому и духовному «истеблишменту», стал проводить политику ущемления прав православного населения, насильственного насаждения католицизма. Это спровоцировало межконфессиональные столкновения и вызвало первое серьезное напряжение в новом государственно-политическом объединении. Активное противодействие такой политике со стороны гродненского князя Витовта привело в итоге к формальному уравниванию в 1432 г. прав католиков и православных. Однако скрытые и явные столкновения между ними продолжались до середины XVII в., ослабляя государство и хаотизируя жизнь конфедеративного сообщества.

Однако на определенный период (XV – первая половина XVII вв.) в стране установилась атмосфера относительной веротерпимости. Духовным лидером православных был митрополит Киевский и всея Руси, соборно избираемый из числа местного духовенства. Белорусская православная церковь, тесно связанная с местными традициями, жизнью народа, выполняла важную консолидирующую роль в обществе. Церковь владела значительной собственностью в виде земли, недвижимости, средств идеологического влияния (школы, типографии, «братства» и т.п.). Не являясь государственной по своему статусу, она обладала авторитетом в обществе не только в силу своей «историчности», но и благодаря радению за национально-государственные интересы, что находило поддержку со стороны магнатов – ее главных опекунов и меценатов.

Однако уже к середине XVI в. она начала явно отставать от вызовов своего времени. Свидетельством тому стал факт широкого распространения на белорусских землях протестантизма. К концу XVI в. у нас было около 200 каль-

винистских храмов. Протестанты были уравнены в правах с верующими других христианских конфессий³⁹. Неофитами нового вероисповедания были представители известнейших магнатских родов ВКЛ – Радзивилы, Хадкевичи, Сапеги, Нарушевичи и др., что автоматически влекло за собой религиозно-конфессиональную переориентацию их «подданных» – зависимых крестьян и дворни. Распространяли идеи Реформации Ф. Скорина, С. Будный, А. Волян, В. Тяпинский, Л. Крышковский и др. мыслители. Поддержка кальвинизма высшим сословием была в то время также энергичной формой протеста знати ВКЛ против усиливавшегося польского влияния, которое в значительной степени шло через костел и, тем самым, способом отстаивания независимости страны. Так, во владениях Радзивила Черного по приказу князя было закрыто 190 католических костелов, а их земли секуляризованы⁴⁰.

Во второй половине XVI в. в Европе вздымается волна контрреформации, организованной Ватиканом, докатившаяся и до ВКЛ. Польский костел, поддерживаемый светской властью и орденами (прежде всего иезуитами), стремился воспользоваться благоприятной геополитической обстановкой и взять реванш за утраченные позиции в Великом Княжестве. Серьезную помощь, *volens-polens*, в этом предприятии ему оказывает православная Россия. Потерпев ряд военных неудач в столкновении с восточным соседом и утратив при этом смоленские земли, правящие круги ВКЛ, выбирая «из двух зол», как им казалось, меньшее, пошли на подписание неравноправного договора с Польшей, заключив Люблинскую унию (1569). Согласно новому договору, конфедерация преобразовывалась в федерацию – Речь Посполитую – с единым королем, сеймом и правительством. Подобного рода перспектива вполне устраивала мелкую и среднюю шляхту и активно ею поддерживалась, поскольку статус последней в государственно-политической жизни Польши был выше, чем в ВКЛ. Однако полное слияние двух государств не входило в планы и не соответствовало интересам магнатов Беларуси и Литвы, что, собственно, и нашло свое отражение в последней редакции Статута Великого княжества Литовского от 1588 г., законодательно закрепившего территориальный, государственно-политический, финансовый, военный и лингвистический суверенитет белорусско-литовского государства.

Однако это не остановило экспансию католицизма. Берестейская религиозная уния (1596 г.) положила начало новому этапу в религиозной жизни и религиозном сознании белорусов. Через несколько поколений верующими «по-униатски» стали три четверти населения страны, далее по численности шли католики (13 %), евреи (7 %), православные (6,5 %) и представители иных религиозных конфессий.⁴¹ Насаждение униатства было, по сути, политическим актом, имевшим целью «бархатную» инкорпорацию ВКЛ в состав Короны, дезинтеграцию этнического сознания белорусов (а они после заключения Люблинской унии, согласно данным польского исследователя Г. Лаумянского, ста-

³⁹ Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1972. С. 45.

⁴⁰ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI веках. Минск, 1967. С. 628.

⁴¹ Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя. Мінск, 1989. С. 66.

ли составлять 80 % населения ВКЛ, поскольку земли и жители Украины и Подляшья отошли к Польше⁴²), раскол белорусского общества на две чуждые одна другой сословно-классовые группы – «верхи» и «низы», что, собственно, и произошло.

Таким образом, национальная церковь в отечественной истории не смогла сыграть роль консолидирующей и интегрирующей общество силы, как это было в истории Греции, Болгарии, Сербии, России и др. стран. Случилось нечто беспрецедентное: «родная» религия оказалась вытесненной на периферию духовной жизни общества. Это наложило свой негативный отпечаток на процессы белорусской духовной синергии, в т.ч. формирование этнического сознания.

Упадок влияния и авторитета православной веры, бывшей в течение столетий одним из важнейших духовных факторов самоидентификации белорусов, шел параллельно с ослаблением белорусской государственности (один лишь факт: на соймах Речи Посполитой среди 180 послов, избираемых по всей стране, от ВКЛ было представлено только 46, из них белорусов – 34⁴³). Однако дело заключалось не только во внешних обстоятельствах, но и в политике самой церкви, способах и формах ее связи с народом, отношении к его языку. Эта причина явно недостаточно акцентируется в современных исторических исследованиях.⁴⁴

Как отмечалось выше, средоточием белорусского этногенеза стал центральный регион Беларуси. Именно здесь стал формироваться белорусский язык через синтез диалектов «полещуков» и «белорусцев», а также ассимиляцию наречий ближайших соседей. Активно заимствовались литовские слова («куль», «кумпяк», «лайдак», «шашок», «швагер»); тюркские («аршин», «товар», «кабан», «атаман», «колпак», «ямщик», «халва»); балтские («клубня», «дойлид», «свиран») и др. Всего же балтские племена оставили нам в наследство около 200 топонимов и гидронимов, много фамилий. Но особенно большое влияние на язык и культуру белорусов оказали поляки в связи со сближением ВКЛ со своим западным соседом после Кревской унии (1385 г.). Оно проявилось и в названиях новых населенных пунктов (Ляховцы, Ляхи, Ляховичи, Ляховщина и т.п.), где на наших землях обосновывалась мелкая польская шляхта и служивый люд, распространении польских имен (Казимир, Станислав, Ян, Чеслав и др.), заимствовании новых слов («абавязак», «кашуля», «будаваць», «менавита», «моц» и т.д.), замене юлианского календаря григорианским⁴⁵ и, last, but not least [последнее по счету, но не по важности], экспансии католицизма.

Рост и укрепление этнического самосознания белорусов в решающей степени были связаны с формированием национального языка. Уже при князе Ольгерде в 1345–1377 гг. он становится не только средством межэтнического общения, но и служебного делопроизводства. Этот его статус затем официально закрепляется в Статутах. Возникает белорусский «канцелярский» язык. На нем писались летописи («Летописец великих князей литовских»), вершилось

⁴² Цит. по: Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. В 6 т. Т. 4. Мінск, БелЭн., 2000. С. 63.

⁴³ Там же. С. 59.

⁴⁴ Сьвятагор В. Праваслаўная царква на Беларусі // Спадчына. 1997. № 2. С. 17.

⁴⁵ Лыч А., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск, 1996. С. 24–25.

судопроизводство, издавались юридические документы и т.д. На близком к старобелорусскому языку была издана Библия Ф. Скорины.

Вместе с тем нужно различать грамматические, лексические и семантические особенности литературно-канцелярского языка, который базировался на старославянском, имел общегосударственный статус, нес в своем тезаурусе много заимствований, и собственно народный белорусский язык тех времен, который представлял собой некоторое множество местных диалектов и говоров.⁴⁶ Подобный лингвистический разрыв – явление, в принципе, типичное в культурной истории народов Европы. «Там» он был преодолен к XVIII–XIX вв. на основе синергизма высокой (профессиональной) и народной (фольклорной) культур благодаря демократизации общественной жизни, широкому развитию образования на национальных языках, переходу науки с латыни на национальные языки, (а еще раньше – литературы), переводу на местные языки практики богослужений и, главное, благодаря соответствующей политике государства. У нас данный процесс пошел по-иному – по линии усугубления разрывов социальной и духовной синергии.

Одна из причин – противодействие со стороны «своих», причем как светских правителей и интеллектуалов, так и православной церкви. Князь К. Острожский, в пику Скорине, издает Библию на мертвом старославянском языке. Ю. Радзивил, вопреки вере и делам отца Радзивила Черного – мецената белорусского Возрождения, становится католическим епископом, преследует гуманистов, закрывает белорусскоязычные школы, типографии, сжигает книги⁴⁷. М. Смотрицкий свою знаменитую «Граматику» создает, опираясь на книжный церковнославянский язык. Это означало, ни много ни мало, отсечение школы, образования и просвещения от жизни, от основной массы народа. На старославянском языке можно молиться, но на нем нельзя общаться, развивать литературу и философию. Скованное мертвой формой белорусское литературное слово вскоре оказалось неконкурентоспособным. Во второй половине XVII–XVIII вв. из белорусских типографий не вышла ни одна светская книга на белорусском языке.

Чуждой живому народному языку оказалась и белорусская православная церковь. Традиции творческого переосмысления «греческой веры» – антидогматизм, определенное свободомыслие, поиск собственной церковно-духовной идентичности, независимость от светских властей, свойственные первоначальному периоду ее становления, к XVI в. обрываются. Право на истину предписывается только «отцам церкви». Подвергся преследованиям за инакомыслие известный просветитель тех времен А. Смоленский. С. Зизаний, издавший катехизис на белорусском языке, был обвинен в ереси. Стоглавый собор православного духовенства (XVI в.), в котором принимали участие и белорусские епископы, осудил как вредную ересь издание «Логик» на белорусском языке.

⁴⁶ Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963. С. 17–21.

⁴⁷ Грыб Т. На два франты? Галоўныя засады вызвольнай праграмы беларускага народу // Спадчына. 1995. № 4. С. 7.

В наступивших затем трудных для православной церкви временах, в ситуации борьбы за выживание (т.е. в условиях конкуренции с иными христианскими конфессиями, когда некоторые из них – протестантизм и униатство – использовали в проповедях и богослужебной практике близкий народу язык), в режиме неблагоприятствования со стороны Короны и Костела Речи Посполитой, она оказалась неспособной к внутренней трансформации. Ортодоксально-догматическая тенденция взяла верх над либерально-национальной. От окончательного краха белорусское православие спас раздел Польши и директивное восстановление в правах указом Николая I. Впрочем, это была уже другая церковь – идеологический институт российского самодержавия, ориентированный властью на проведение в жизнь интересов Империи.

Теперь акцентируем проблему языка в процессах становления национального самосознания еще раз, но уже в более широком контексте. «Ядром» духовной синергии традиционных обществ являлись сакральные интуиции пророков, оформившиеся с течением времени в тексты священных книг (Веды, Библия, Коран, Трипитака, Авеста и др.). Эксклюзивный статус при этом приобрели их языки (санскрит, латинский, греческий, арабский, пали, фарси).

С распространением религий «вширь» языки Писаний десакрализируются. Уяснение нетождественности формы и содержания религиозного сознания в Европе происходит во времена Реформации. Следствием этого стала легитимизация национальных языков и превращение их в субстанциональный фактор развития этнических культур, в т.ч. литературы, философии, науки, теологии и т.д. В восточнохристианской традиции это произошло значительно раньше, когда Кирилл и Мефодий изобрели славянский алфавит и перевели Библию на староболгарский язык. Однако последствия в данном случае были иными. В Киевской Руси, крещеной по греческому образцу, этот язык канонизируется, объявляется ортодоксальным и становится языком богослужений и церковной грамоты, существуя параллельно с живыми наречиями народов. Подобного рода размежевание сохранилось и потом – во времена ВКЛ. Попытку «снять» это противоречие в духе своего времени предпринял Ф. Скорина. Однако, как отмечалось выше, она не нашла поддержки ни у церковных иерархов белорусской церкви, ни у светских властей. В итоге живой, разговорный, развивающийся на фольклорной и практико-жизненной основе народный язык, оказался неподкрепленным авторитетом Священного Писания, а потому, в итоге, и вынесенным «за скобки» развития высоких форм культуры и государственной политики.

Таким образом, из изложенного следует, что становление белорусского этноса, его самосознания происходило при весьма противоречивом историческом стечении обстоятельств. Институциональные и спонтанные факторы социальной синергии средневекового белорусского общества вместе сходились не часто, поэтому резонансные эффекты синергизма (в виде, например, взлета национальной культуры и архитектуры в эпоху Ренессанса) можно наблюдать лишь в кратковременные периоды отечественной истории. Начиная со Скорины, идея служения «общему добру» приобрела национально-патриотическую и демократическую конкретизацию. В это время «фарміруецца беларускі

менталітэт – спеціфічны спосаб светаўспрымання і светаадчування, які вызначыў нацыянальны характар і своеасабліваць духоўнай культуры... З эпохай ажраджэння знітавана інтэнсіўнае развіццё вычынай філасофскай і грамадска-палітычнай думкі»⁴⁸.

В городах появлялись учебные заведения (Святоянская школа гражданского права в Вильно, Академия и университет виленский общества Иисуса, братские школы при монастырях и храмах). Белорусская молодежь (в том числе и дети крестьян) получала высшее образование в польских и других западноевропейских университетах. Белорусские ученые и просветители были хорошо знакомы с передовыми воззрениями и учениями западных философов, активно их комментировали и творчески переосмысливали. Формирующаяся интеллектуальная элита активно участвовала в обсуждении нравственных, политических и религиозных проблем своего времени. Некоторые социально-политические и правовые идеи отечественных мыслителей использовались при разработке правовых документов, в частности, Статутов Великого Княжества Литовского. Побробнее об этом пойдет речь в следующем разделе.

Взлет белорусской культуры оказался возможным во многом благодаря бескорыстной поддержке патриотически настроенными меценатами творческих умов и талантов. Такое покровительство, свойственное эпохе Возрождения, получило широкое развитие в ВКЛ в XVI – начале XVII вв. Этот феномен являлся несомненным свидетельством растущего гражданского и патриотического самосознания высшего социокультурного слоя. При дворах белорусских князей создавались культурно-просветительские центры, включавшие в себя типографии, школы, библиотеки, коллекции изобразительного искусства, антиквариата, оружия. К тому же они служили местами встреч и общения интеллектуалов, художников, богословов, поэтов, историков и философов, выпускников университетов. Характерной чертой многих белорусских меценатов была веротерпимость и свободомыслие, что, несомненно, сказалось и на общей духовной атмосфере того времени.

Вместе с тем постепенная, но неуклонная политика властей Речи Посполитой (РП) на «ополячивание» и «окатоличивание» белорусов привела в итоге к отпадению от народа его верхнего социокультурного слоя. Это, в свою очередь, обусловило лингвистическую и культурную дивергенцию духовной и интеллектуальной жизни. Рациональные формы познания и дискурса, в частности философия, получили свое развитие главным образом на польском языке.

А мейн-трэнд формирования процессов этнической самоидентификации белорусов в период ВКЛ (и позднее) был связан все же со спонтанным народным творчеством, питаемым традицией, а также потребностями самоорганизации в ситуациях внешних вызовов. Народ – это прежде всего крестьяне-земледельцы, жизнь которых определялась природными циклами и патриархальными традициями. Отсюда укоренение в ментальности белорусов установок на необходимость приспособления к существующему миропорядку –

---

⁴⁸ Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1. Мінск, БелЭн. 2005. С. 207.

природному и социальному – и настороженное отношение к изменениям, в том числе связанными с личной инициативой, направленной на преобразование мира в соответствии с собственным проектом⁴⁹. Еще одна важная черта самовосприятия белорусов обусловлена срединным, пограничным положением белорусских земель. «Беларусь никогда не ощущала себя центром, но всегда лишь частью, буфером, краем, часто «передним краем»: в составе Великого Княжества Литовского или Речи Посполитой, Российской империи, СССР, СНГ, Российско-Белорусского союза... Беларусь – это «коридор», «транзит», «мост» между цивилизациями»⁵⁰. По этому «мосту» постоянно перекачивались волны истории, часто смывая все до основания. Но всегда оставался «родны кут», «мілая старонка», «родны край», с которым человек связан рождением и кровно-родственными узами, край, бывший основой его самоидентификации. Все, что творилось «сверху» светскими и религиозными «панами» («своими» или «чужими»), мало затрагивало корневые основы жизни крестьян. Природа и геополитика, таким образом, были теми главными вызовами отечественной истории, которые в существенной степени определили характер ответов на них белорусского народа, его национальный менталитет.

Одним из показателей самобытности народа, его самосознания являются наличие этнонимических определений, складывающихся из самоназваний (так называемых *эндоэтнонимов*) и названий со стороны соседей (*экзоэтнонимов*), а также *урбанизмов* (названий жителей городов), *этникомов* (узколокальных названий), *конфессионализмов* (названий на основе принадлежности к той или иной конфессии), и *политонимов* (по критерию государственного подданства).

Этнонимические формы самосознания являются (при всей их вариативности) результатом осмысления людьми своего единства в границах различных социальных общностей – сельской, городской, сословной, государственной и т.п. на основе сопоставления себя с «другими», и фиксации (часто бессознательной) признаков демаркации «своих» и «чужих». Самым важным и принципиальным среди всех самоопределений является общее название народа.

Наиболее полные сведения о видах и способах самоопределения белорусов содержатся в различных исторических письменных источниках: летописях, хрониках, грамотах, юридических документах, переписке частных лиц и т.д. Судя по этим источникам, в те времена в Беларуси существовала сложная иерархическая система самоназваний населения. Самый узкий ареал принадлежности составляли жители отдельных сел и деревень. Далее шли самоназвания жителей городов и волостей; затем – самоопределения на основе земель (княжеств, воеводств). Общим основанием тут служили урбанизмы, т.е. названия жителей местной «столицы»: могилевцы, случане, пинчуки, оршанцы и т.д.⁵¹

Заметим, что земляческое сознание было наиболее характерным для образованных белорусов того времени. Это можно видеть на примере Ф. Скори-

⁴⁹ Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 355.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: Литовская метрика. Книга записей. Русская историческая библиотека. В 70 т. Т. 20. М., 1974. С.128–348.

ны, который постоянно подчеркивал свое происхождение из Полоцка. Объяснение этому факту кроется в том, что отдельные регионы ВКЛ обладали широкой политической и экономической автономией, что и находило свое закрепление в соответствующих юридических документах. Собственно белорусские земли и их жители также представляли собой относительно автономные субэтнические сообщества со своими характерными особенностями культуры, языка и самосознания. Поэтому не случайно, что в XVI–XVII вв. земельные этнонимы (в качестве форм местной самоидентификации) отличались устойчивостью и были распространены как в самом Княжестве, так и за его пределами.

Наиболее широкой формой самоопределения (*метаэтнонимами*) являются названия «русины» и «литвины». Соотношение этих имен, их содержание и объем на протяжении XIV–XVI вв. менялось. Название с корнем «рус», как говорилось выше, восходит к временам Киевской Руси, и было связано с экспансией Киевских князей (называвших себя «росами» или «русамии») на сопредельные территории, которые после их захвата объявлялись «русскими», равно как и население независимо от прежней племенной принадлежности. А поскольку параллельно шла христианизация язычников по православному (византийскому) канону, то они получали еще одно синонимичное «русским» название – «православные».

В летописях XII–XIII вв. население почти всех крупных белорусских городов уже называлось «русским». Вместе с тем, при описании феодальных усобиц князей, летописцы активно использовали и земельные этнонимы – «полочане», «туровцы», «изяславцы», «смоляне» и т.д.

Политический аспект понятий «Русь», «русские» акцентировался в продолжительном противоборстве великих князей Литовских и Московских за лидерство в деле объединения всех исторических «русских» земель. Отсюда название «всея Руси» в титулатуре высших светских правителей и религиозных иерархов обоих государств.

Сохранению названия «Русь», «русские» за белорусскими землями и ее жителями способствовал и тот факт, что после подписания Люблинской унии (1569) территория Украины отошла к Польше. А вот прежнее отождествление самоназваний «русский» и «православный» в связи с религиозными процессами в ВКЛ XV–XVI вв., утратило смысл. «Русскими» в тех условиях могли считать себя и католики, и протестанты, и униаты.

Этническое самосознание народа упрочивается благодаря контактам с иноэтничным населением. Ближайшими соседями белорусов были русские (без кавычек) и украинцы, также считавшие себя «русскими». Чувство некоей специфики собственной идентичности побуждало последних противопоставлять себя белорусам и называть их «литвинами», акцентируя при этом их государственно-политическую принадлежность. Таким образом, «литвин» – это определение, которое шло от иноземцев и являлось прежде всего политонимом. Поэтому данный термин – наиболее широкий по объему и абстрактный по уровню репрезентации целого – народа, включавший в себя и литовцев-аукштайтов, распространялся также на представителей всех христианских конфессий в ВКЛ.

На этом уровне причисляли себя к целому (народу) и феодалы, независимо от своего вероисповедания и этнического происхождения. «Мы и поляки, хоть и братья, – писал в письме к К. Радзивилу Л. Сапега, – однако совсем разных обычаев». И это написано, заметим, во время почти полной идеологической, конфессиональной, языковой и бытовой идентичности высшего сословия ВКЛ с польской знатью.

Укрепление данного названия произошло, как это ни странно на первый взгляд, во второй половине XVI в. после унии и возникновения Речи Посполитой. В ситуации начавшейся хаотизации белорусской духовной синергии, обусловленной всей совокупностью рассмотренных выше исторических факторов, именно магнаты остались единственными носителями государственно-политического сознания и своими действиями (чаще всего мало результативными) стремились отстаивать национальный суверенитет ВКЛ *de facto*. Однако без опоры на народ, поддержку «низов» успешными они быть не могли.

Наряду с этнонимами «русские» и «литвины» в качестве самобытной этнической формы самоопределения в XIII в. зародилась еще одна – «белорусцы», и связана она была с названием территории их расселения – «Белая Русь». Конституционное закрепление представления о собственном этническом своеобразии белорусы впервые получили в Статуте ВКЛ 1529 г.: «Мы, тутэйшыя, страна наша ни руска, ни польска, але забраны край».⁵²

Трансформация данного названия в «белорусы» произошла во второй половине XVI в. и постепенно оно стало одним из определений (наряду с другими) местного населения. Однако данный факт не следует рассматривать как показатель роста и развития этнического самосознания. Скорее его можно отнести к объективной тенденции формирования европейских наций, когда жители отдельных земель, герцогств, графств и т.п., например, Франции (бретонцы, бургундцы, гасконцы, провансальцы и т.д.) стали французами; Германии (баварцы, гессенцы, вестфальцы, саксонцы и т.д.) – дойч; Польши (куявы, мазовшане, буряли, шлензяки и т.д.) – поляками. Естественно, что этническое самосознание каждого из этих сообществ уходит своими корнями в глубокую древность. Аналогичные процессы можно проследить и у нас: «кривичи», «полочане», «туровцы», «русины», «белорусцы», «литвины», наконец, «белорусы».

Подобное восхождение этнической самоидентификации, обогащение этнического самосознания, – как справедливо пишет Ю. В. Бромлей, – это итог объединительных процессов, показатель уровня консолидации различных территориальных, этнографических, сословно-классовых, конфессиональных групп населения.⁵³

Исходя из изложенного, думается, допустимо предположение, что несмотря на все сложности, противоречия и даже в чем-то «противоестественность» процессов этнической социальной и духовной самоорганизации, общее

⁵² Цыг .: Юхо А. Я. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992. С. 175.

⁵³ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.

направление отечественной социокультурной динамики в XIV–XVII вв. в ряде существенных моментов совпадало с интенциями европейской истории.

Можно, однако, лишь рассуждать о том, как могло бы пойти развитие белорусского общества и культуры далее, если бы не катастрофические события последующих полутора столетий. Для белорусского народа они стали временем перманентных демографических катастроф⁵⁴ и постепенной, но неуклонной утраты ВКЛ своего государственно-политического статуса.

1.4. Процессы белорусской этнической самоорганизации в период Речи Посполитой

Ко второй половине XVII в. РП в силу недальновидной политики властей, стремившихся к консервации существующих порядков и сохранению привилегий высшего сословия, вступила в состояние системного политического кризиса. Он проявился в нарастающих внутренних противоречиях – политических, межэтнических, конфессиональных, сословно-классовых и др., периодически выливавшихся в кровопролитные гражданские войны. Внутренняя нестабильность усугублялась внешними вызовами. В 1654–1667 гг. РП пришлось вести затяжную войну с Московией, затем (1672–1676 гг.) с Османской империей, а в начале XVIII в. она оказалась втянутой в многолетний военный конфликт России и Швеции (Северную войну). Все эти события самым пагубным образом отразились на судьбах ВКЛ.

Колоссальные человеческие жертвы, разрушение городов, разрыв хозяйственных связей и подрыв экономики, голод, эпидемии, массовые миграции населения хаотизировали социальную и культурную жизнь общества. Эти, так сказать, общие «издержки» военного лихолетья и гражданской смуты еще более усугублялись кризисом власти внутри ВКЛ. Самые влиятельные кланы Княжества (Радзивилы, Хадкевичи, Сапеги, Пацы, Агинские, Вишневецкие, Кишки и др.) вели нескончаемую борьбу (в том числе вооруженную) за власть и влияние в стране. Эти конфликты, имевшие форму противоборства различных конфедераций (группировок) друг с другом, часто инспирировались и поддерживались Короной с целью недопущения консолидации правящего сословия ВКЛ и, таким образом, блокировали сепаратистские устремления в его кругах.

Красноречивее всего о масштабах национальной катастрофы той поры свидетельствуют следующие цифры. В 1650 г. на белорусских землях проживало 2875 тыс. человек (в Речи Посполитой – 11 млн.). В 1667 г. (т.е. после окончания войны с Московским царством) – 1337 тыс. Русско-шведская война стоила белорусам еще 700 тыс. жизней. К концу XVIII в. (1772) в Беларуси проживало 2600 тыс. человек (в Речи Посполитой – 14 млн.), т.е. на 275 тыс. меньше, чем 120 лет назад⁵⁵.

⁵⁴ Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1. Мінск, БелЭн. 2005. С. 57.

⁵⁵ Карпычев А. Н., Козловский П. Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII–XVIII // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Л., 1972. С. 86–92.

Существенно подорванным оказалось сельское хозяйство – основа экономики страны: более 50 % земель были исключены из хозяйственного оборота. Обезлюдели города. Мастерской люд насильственно вывозился в Россию. По данным Г. Сагановича, в результате поражения в войне (1654–1667 гг.) ВКЛ с Московией в Московское царство было принудительно переселено более 300 тыс. крестьян, ремесленников, шляхты в качестве пленных⁵⁶. Неудивительно, что в Москве в конце XVII ст. около 20 % населения составляли белорусы⁵⁷. Особенно пострадали восточно-белорусские земли, численность жителей которых сократилась на 60–70 %⁵⁸. В конце XVIII в. мещанское сословие (жители городов) не превышало 11 % от общей численности населения белорусских земель.

Его восполнение шло во многом за счет иммигрантов, главным образом поляков, русских (старообрядцев), евреев. Селились они в основном в городах и местечках, составляя порой от 40–50 % до 60–70 % мещанского населения (в XIV–XVI вв. – 25–30 %). Естественно, что они несли с собой свой язык, религию, культуру, которые, собственно, и определяли этническое своеобразие города.

Вообще же со второй половины XVII в. мещанство – малочисленное и слабое в экономическом отношении – не придерживалось какой-либо осмысленной национальной идеи⁵⁹. Магдебургское право, не получая развития, из институции, ориентированной на формирование правосознания горожан, превратилось в охранительный свод норм отживающего свой век феодального уклада жизни и хозяйственной (цеховой) деятельности городов. Некоторую динамику в их жизнь приносили иноэтнические группы переселенцев.

Белорусское село жило в своем собственном экономическом и социокультурном измерении. Будучи самой многочисленной группой населения, крестьянство к XVIII в. оказалось абсолютно правобеззащитным, фактически на положении рабов⁶⁰. Особенно после ликвидации копов – органов местного самоуправления. Данная несправедливость, к слову сказать, была формально выправлена в Конституции Речи Посполитой 1793 г. Однако в силу известных исторических причин это особого значения уже не имело.

Ни мещанство, ни крестьянство в понятие «народ-нация» не входили. Эта привилегия принадлежала лишь шляхте (в Речи Посполитой на момент раздела она составляла от 10 до 12 % от всего населения страны, что на порядок больше, чем, например, в России того периода). Вместе с тем этот «народ» не отличался внутренним единством. У крупной, средней и мелкой шляхты были свои интересы, нередко разнонаправленные. Будучи ополяченной, польскоязычной, белорусская шляхта все же не отождествляла себя с поляками. Весьма характерным свидетельством тому являются известные строки из письма Януша Рад-

⁵⁶ Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. Мінск, 1995. С. 12.

⁵⁷ Цит. по: Падокшын С. А. Беларуская думкаў кантэксте гісторыі і культуры. Мінск : Беларуская навука, 2003. С. 40.

⁵⁸ Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. Мінск, 1990. С. 37.

⁵⁹ Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. В 6 т. Т. 4. Мінск, БелЭн. 2000. С. 179.

⁶⁰ Там же. С. 185.

зиви́ла IX польскому королю Яну Казимиру: «Придет время, когда поляки в двери не попадут, через окна их выбрасывать будем»⁶¹.

Самоопределялся шляхтич в зависимости от обстоятельств, считая себя то «поляком, то «литвином». Но при этом не желал иметь ничего общего с «хлопами», «хамами», демонстрируя сословную спесь и противопоставляя себя народу. Не удивительно, что для «люда посполитого» «своя» шляхта была столь же чуждой, как и поляки. Все они в его глазах были «ляхами» и при случае – во времена гражданских войн и народных восстаний – различий между ними не делалось.

Подобное жесткое размежевание внутри этноса по сословно-классовому и культурно-лингвистическому критерию означало, что белорусская элита была отчуждена от реальной жизни и интересов народа.

На еще одну важную причину «деэлитизации» белорусского этноса указывал М. К. Любавский. Дело в самом статусе ВКЛ как интегрированного белорусско-украинско-литовского государства, а затем – Речи Посполитой. Из столетия в столетие многие выдающиеся творческие умы белорусского народа работали на строительство не национальной, а общей государственности и культуры, нередко отождествляя себя при этом с элитой титульной нации. Другими словами, отсутствие собственного государства как формы существования и развития белорусского социума в конечном счете обусловило феномен внутренней и внешней эмиграции верхнего культурного слоя. Внутренняя эмиграция, как указывалось выше, состояла в отождествлении себя, прежде всего с польской культурной элитой, а внешняя – в добровольном или вынужденном отъезде за границу. Укажем лишь на две символические фигуры – А. Мицкевича и С. Полоцкого. Такого рода эмиграция, как совершенно справедливо считал Любавский, самым негативным образом сказалась как на формировании нации, так и национального самосознания белорусов⁶².

Исходя из вышеизложенного следует, что: только в рамках собственной национальной государственности белорусский народ может иметь ориентированную на национальные интересы элиту и полноценно реализовать свой потенциал.

Фундаментальные деструкции социальной синергии по самым разным основаниям: «верхи и низы», «город и деревня», «стремление к независимости и единение с Польшей» закреплялись культурными, лингвистическими, конфессиональными, правовыми, социально-психологическими и т.п. различиями. Особенности указанных «различий» в белорусском обществе (которые естественным образом наличествуют в любом социуме) заключались в том, что они не дополняли друг друга, а, напротив, взаимоисключали. Иначе говоря, все составлявшие белорусское общество социальные группы, *de jure* объединенные государственно-политическим статусом (и Статутом) ВКЛ, *de facto* являлись

⁶¹ Прыбытка Г. Барацьба магнацкіх групак у другой палове XVII пачатку XVIII ст. // Спадчына. 1995. № 5. С. 83.

⁶² Любавский В. К. Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918.

замкнутыми и самодостаточными сообществами без каких-либо общих консолидирующих идей, идеалов, лидеров, интенций, политической воли.

Все эти диссипативные процессы находили свое отражение в национальном сознании. Мыслители и общественно-политические деятели того времени – Л. Зизаний, М. Смотрицкий, И. Копиевич, Г. Косинский, С. Полоцкий и др. видели и фиксировали лишь некоторое своеобразие этнонима «белорусы» и связанные с ним самоопределения. Вместе с тем, они не проводили существенных различий между ними, украинцами и русскими, считая их ветвями одного целого – древнего «русского народа». Аналогичных представлений придерживались и исследователи «дальнего зарубежья»: «отец» славянской филологии – чех Я. Домбровский, другие европейские языковеды и историки.⁶³

Тем не менее белорусский народ всегда находил в себе силы к сохранению собственной идентичности и духовный потенциал к возрождению. В униатских храмах и школах при православных братствах и монастырях некоторых католических орденов продолжало звучать белорусское слово. Безусловно значимой в общекультурном плане была активность ополяченной белорусской шляхты в области сценического и музыкального искусства XVIII в. Функционировали учебные заведения. Поэтому известное высказывание М. Богдановича, что этот период отечественной истории и культуры является временем «летаргии национальной жизни», не следует воспринимать слишком буквально.

Принципиальное значение в сохранении этнической само- и экзоидентификации белорусов имел факт существования территориальной целостности ВКЛ, несмотря на все перипетии истории. В XVII–XVIII вв. за восточными и центральными землями Беларуси стабильно закрепляется название «Белая Русь». Появляются связанные с данным *топонимом* устойчивые выражения – «белорусский край», «белорусский язык», «белорусская вера», «белорусская шляхта» и др. Однако глубинного социокультурного содержания они, как и прежде, не несли, а служили главным образом для геополитических обозначений соответствующих областей Беларуси и характеристики некоторых этнических особенностей ее жителей.

Ближайшие соседи идентифицировали белорусов по разным основаниям. Так, белорусов из Речи Посполитой в России называли «литвины-белорусы», а подданных царя (живших на смоленщине и псковщине) – просто «белорусцами». В качестве синонимов были также распространены названия «русские», «русины». В Литве, где данные этнонимы не получили распространения, в качестве синонимов «белорусам» использовались определения «униаты» или «православные».

Со второй половины XVIII в. в связи с нарастающим обострением отношений между Речью Посполитой и Россией белорусский народ в идеологических спорах между «польскими патриотами» и «великорусскими державниками» все чаще стал идентифицироваться по конфессиональной принадлежности:

---

⁶³ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С.106–118.

католик – значит поляк, православный – русский, остальные – литвины, или униаты. Отсюда и соответствующая политика – полонизации или, позднее, русификации, что, естественно, лишь хаотизировало процессы белорусской национальной духовной синергии и национальной идентичности. Последние попытки возродить собственную государственность и «литвинское» самосознание были предприняты Т. Костюшко (ставившим именно такую цель) силой оружия, а затем М. К. Огинским, но уже путем дипломатии в качестве главы Комиссии временного правительства ВКЛ.

Война 1812 г. разрушила эти планы. С разделом Речи Посполитой между «тремя разбойниками с большой дороги» (К. Маркс) – Австрией, Пруссией и Россией – и исчезновением *de jure* ВКЛ, государственно-политический политоним «литвины» утратил свое объективное значение: остались «русские», «белорусы», «униаты», «полочане»...

Таким образом, к началу XIX в. исчезли исторические, социальные и политические условия существования белорусско-литовского государства. Центрировавшее его сословие – шляхетский «народ-нация» – исчез без следа в полиэтническом многообразии населения северо-западных губерний Российской империи. Белорусский народ («тутэйшыя») – дезинтегрированный и разобщенный, продолжал существование в рамках локальных субэтнических сообществ. Его возрождение было связано с активностью уже нового творческого меньшинства, разночинной интеллигенции, исходившей из подлинно национальных интересов, и стремившейся к консолидации общества на основе исторических традиций и духовных ценностей белорусов.

1.5. На пути к возрождению национальной идентичности

После разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. Давление на национальные основы жизни продолжалось, но теперь уже с позиций великодержавного российского шовинизма. Тем не менее, оно уже не было столь разрушительным, как в Речи Посполитой. В условиях нового исторического «вызова» белорусский этнос оказался способным к творческому «ответу». Он проявился во второй (после эпохи Ренессанса) волне национального возрождения, которое пришлось на вторую половину XIX–начало XX в. Это было время формирования и развития белорусской национальной идеи, классической белорусской литературы, «белорусистики», появления национального театра и книгоиздательства, периодической печати, время массовых восстаний и возникновения политических партий, наконец, провозглашение Белорусской Народной Республики.

Однако начался «имперский» период отечественной истории довольно парадоксально. Процесс ополячивания населения не только не прекратился, но, напротив, еще более усилился. Вслед за шляхтой в него оказались вовлеченными мещанство и крестьянство. Объясняется сей странный на первый взгляд

факт просто – Александр I дело образования в Белорусском округе отдал на попечение своему другу польскому магнату А. Чартарыйскому.

В учебных заведениях, созданных еще во времена Речи Посполитой, обучение велось на польском языке во всех средних и начальных учебных заведениях. Для более эффективной полонизации населения на уровне его высших сословий Полоцкий иезуитский коллегиум (в 1812 г.) преобразуется в академию. Как и прежде, в основном на польском языке и латыни велось преподавание в Виленском университете, хотя здесь среди профессоров (в основном уроженцев Беларуси) настроения были иными.

Равнодушие имперских властей к положению дел на своих вновь приобретенных территориях хорошо объяснил в свое время русский этнограф А. Пыпин: на белорусский край в Петербурге «смотрели скорее как на польский, чем на русский», считали его «по большей части польским и чужим», «сами русские ... слабо припоминали и в московские, и в новейшие времена свое единство с белорусами» и долго не подозревали о возможности какой-либо иной политики и иных отношений с ними». ⁶⁴

Национально-освободительное восстание 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Западной Беларуси и его вооруженное подавление вынуждают центральные власти в корне пересмотреть свою прежнюю политику невмешательства. Ответные действия были радикальными и жесткими. В 1836 г. выходит указ царя о запрете преподавания в учебных заведениях на польском языке, замене его русским, закрытии католических и униатских школ (в том числе тех немногих, где обучение детей велось на белорусском языке), а также запрете богослужений на белорусском языке. За активное участие студентов и профессуры в восстании 1830–1831 гг. закрывается Виленский университет. Специальным указом (1839) Николай I упраздняет униатство, а также названия «Беларусь» и «Литва». На это же время приходится отмена действия на территории Беларуси Статута ВКЛ 1588 г. Еще один шаг: запрет на печатание книг на белорусском языке, а также на его использование в богослужебной практике уже католического костела. Для управления делами Северо-западного края и проведения русификаторской политики на белорусские земли широким потоком хлынуло русское чиновничество, помещики (на конфискованные маёнтки и земли осужденных участников восстания), военнослужащие, служители культа. «Успешность» этого предприятия в немалой степени была связана с продолжающейся волной эмиграции, в том числе немногочисленного высшего культурного слоя, вызванное поражением восстаний 1830–1831 гг. и 1863г. В итоге неизвестный М. Муравьев-вешатель через двадцать лет заявит: нужно понимать всем – «Северо-западный край всегда был и есть русский» ⁶⁵.

Переход к жизни в новых экономических, социально-политических и ценностно-духовных условиях был для белорусского народа достаточно противоречивым. Обретение безопасности и стабильности стимулировало рост наро-

⁶⁴ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь. В 2 т. Т. 4. СПб., 1892. С. 23, 26, 30, 60.

⁶⁵ Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. У 4 т. Т. 2. Мінск, 1940. С. 555.

донаселения, развитие городов, интенсификацию связей между различными регионами, формирование новых производственных отношений, приобщение белорусов к великой русской культуре.

Вместе с тем имперская политика России в отношении своих северо-западных территорий была селективно-циничной. Особенно отчетливо это просматривается на этническом составе городского населения. На конец XIX в. собственно белорусов в городах проживало 2,5 %. 53,2 % составляли евреи, 37,5 % – русские, 1,4 % – поляки. Данный факт особенно впечатляет в связи с тем, что именно город в рассматриваемый период являлся центром культуры, формирования и воспитания национальной элиты, средоточием образования и просвещения, «точкой» роста этнического сознания.

Оценивая, однако, в целом исторические и социокультурные предпосылки становления белорусской нации в новых условиях, следует (еще раз подчеркнем) признать, что они были все же более благоприятны, нежели прежде.

Прежде всего констатируем тот факт, что существование белорусского этноса царизмом отнюдь не игнорировалось. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные архивные документы, вовлеченные в научный оборот профессором О. Г. Буховцом. Так, во «Всепоподданнейшем отчете» ковенского губернатора за 1896 год говорилось о необходимости того, «чтобы литвин осознавал себя таковым». Данные слова были подчеркнуты губернатором и, что чрезвычайно примечательно, – Николай II в своей пометке на отчете согласился с этим мнением наместника⁶⁶. А в пространной «Записке», подготовленной канцелярией министра внутренних дел в 1904 г. и одобренной министром П. Святополк-Мирским, прямо ставилась задача «пробуждать национальное самосознание местных уроженцев (украинцев, белорусов, литовцев)». Гродненский генерал-губернатор К. Кршивицкий в «Прошении» правительству в 1906 г. предлагал введение богослужения в католических костелах на «белорусском наречии»⁶⁷.

Эти предложения и проекты, предлагавшие столь принципиальные изменения в традиционно-охранительном правительственном курсе, были продиктованы сильным польским влиянием в крае и вытекающей из этого угрозой польской ассимиляции «слабого национальным сознанием» и «культурно-неопределенного» местного населения. По этой причине правительство и содействовало развитию национального самосознания малороссов, белорусов и литовцев. Предполагалось, что это содействие «нанесет последний удар полонизму»⁶⁸.

События первой русской революции побудили правительство объявить о некоторых реформах в области национальной политики. Так, намечалось ввести в Западном крае преподавание ряда предметов на национальных языках. Однако что касается украинского и белорусского языков, то их преподавание,

⁶⁶ Буховец О. Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (статья вторая) // Современная Европа. 2009. № 3. С. 76.

⁶⁷ Там же. С. 75.

⁶⁸ Там же. С. 76.

ввиду близости к русскому, было признано не отвечающим «потребностям дня». Вместе с тем за ними все же признавался статус «языков», а не всего лишь наречий, как несколько десятилетий назад. Но после поражения революции 1905–1907 гг. проекты реформ были положены под сукно.

Истоки второй волны Возрождения восходят к появлению ряда анонимных белорусскоязычных произведений («Тарас на Парнасе», «Энэіда навыварат», «Гутарка старога дзеда» и др.), творчеству П. Багрыма, стихам на родном языке (к сожалению, утраченных) «литвина» А. Мицкевича. Первые объективные взгляды на белорусскую культуру и язык начали появляться в 30-е гг. XIX в. в русской (журналы «Молва», «Маяк») и польской (альманах «Рубон») периодике. Немало поспособствовала пробуждению интереса российско-польской общественности к истории и этническому своеобразию белорусского края полемика между польскими и российскими учеными на предмет большего «права» той или другой стороны на земли и душу белорусов. Научный этос требовал представления объективных фактов. Они появлялись с обеих сторон и *volens nolens* работали на белорусскую идею, пробуждение этнического самосознания. Следует указать на важную роль в «открытии» белорусов как нации таких известных российских ученых-белорусоведов, как А. Шахматов, Д. Зеленгин, А. Соболевский, М. Янчук, В. Любавский и др.; прогрессивных деятелей польской культуры – Я. Карловича, Я. Аношки, К. Буйницкого, Э. Ожешко.

С 30–40 гг. XIX в. начинается интенсивное движение и белорусского общества в направлении консолидации на основе интереса к возрождению языка, разработке его грамматики, изучению национальной истории и культуры, национальных традиций, публикаций на родном языке. Я. Чечот, отмечая своеобразие белорусского языка, называл его «кривичским». Польский лингвист начала XIX в. Линде связывает белорусский язык с языком Статутов и подчеркивает его самобытность⁶⁹. В 1870 г. вышел в свет серьезный лексикографический труд И. Носовича «Слоўнік беларускай мовы». Фундаментальный вклад в изучение белорусского языка внес Я. Карский.

Высоким уровнем национального самосознания пронизано творчество первых белорусских писателей – В. Сырокомли, В. Дунина-Марцинкевича, Я. Барщевского, А. Рыпинского, Я. Лучины, А. Гуриновича, К. Калиновского, Ф. Богушевича и др. Они же были и создателями нового белорусского языка. Причем «новая беларуская літаратурная мова складалася выключна на аснове жывых народных гаворак і практычна поўнасьцю вызвалілася ад царкоўнаславянізмаў»⁷⁰. Вскоре литературные возможности «мужыцкай мовы» были продемонстрированы и в серии переводных изданий. В это время на белорусском языке издаются произведения А. Мицкевича, А. Пушкина, И. Крылова, И. Франко, а также Шиллера, Гете, П. Верлена и других авторов. Всего с 1859 по 1915 г. на белорусском языке увидели свет более 20 названий переводных книг⁷¹.

⁶⁹ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск, 2003. С. 399.

⁷⁰ Культура Беларусі: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1. Мінск, 2010. С. 578.

⁷¹ Фарміраванне і развіццё беларускай савецкай культуры. Мінск, 1958. С. 108.

Первым деятелям белорусского возрождения приходилось сталкиваться не только с противодействием официальных властей, но и необходимостью преодоления социально-психологических предрассудков относительно своего этнического статуса самих белорусов, в своем абсолютном большинстве неграмотных. Непростым был и вопрос о выборе алфавита – латиницы или кириллицы. Дело в том, что те немногие белорусы, которые владели грамотой, знали ее в латинском написании. Вместе с тем произведения публиковались и на кириллице (полностью на кириллическую графику белорусский язык перешел только в середине 1920-х гг.).

Существенный вклад в пробуждение национального сознания вносили и ученые-этнографы: Ю. Крачковский, И. Носович, И. Берман, Е. Романов, П. Шейн, М. Никифоровский и др. На середину XIX в. приходится расцвет поисково-исследовательской деятельности П. Шпилевского. Он был, пожалуй, одним из первых белорусских краеведов, кто на основе богатейшего этнографического, фольклорного и языковедческого материала заявил о существовании белорусов как вполне самобытного и самостоятельного этноса. Ф. Нарбут – первый историк ВКЛ, который посвятил свои труды общей истории Беларуси с древнейших времен, является автором девятитомной «Истории литовского народа». Профессора права Виленского университета И. Ярошевич и И. Данилович в своих работах проводят четкую грань между литовско-белорусской и польской историей. В 1844 г. И. Ярошевич издал первую историю белорусского права и государственного устройства. Накопленный исследователями материал по различным аспектам «беларусісцікі» дал все основания историку О. Турчиновичу заявить: «Белоруссия имеет собственную историю».⁷² Работы названных ученых способствовали осознанию народом своей историко-культурной самобытности, и, прежде всего интеллигенцией, студенческой молодежью, обучавшейся главным образом в вузах Санкт-Петербурга и Москвы, поскольку собственных высших учебных заведений, после закрытия Горы-Горецкого земледельческого института в связи с активным участием преподавателей и студентов в восстании под руководством К. Калиновского, в Беларуси не было.

Немногим более чем через десять лет после указов Николая I о запрете всего белорусского в Минске в 1852 г. состоялась первая театральная премьера на родном языке – опера «Ідылія». Либретто к ней написал В. Дунин-Марцинкевич, а музыку – С. Монюшко («отец» польской классической музыки). Тем самым, как отметил М. Богданович, вновь был проложен путь белорусской речи из деревни в город⁷³. К концу столетия театры широко распространились по Беларуси, а их зрителями были не только мещане, но и крестьяне из близлежащих деревень. О важности этого вида искусства в деле формирования сознания и вкусов народа в свое время хорошо сказал Гете: «если вы хотите создать нацию, создайте вначале театр».

⁷² Цит. по: Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 405.

⁷³ Багдановіч М. Поўны збор твораў. У 3 т. Т 2. Мінск, 2001. С. 268.

Тогда же начинают возникать первые публичные библиотеки. Среди них – Виленская публичная библиотека с приданным ей музеем древностей. Для изучения представленных в нем материалов была создана специальная комиссия, внесшая существенный вклад в объективное изучение истории Беларуси. Появляются белорусские издательства, белорусскоязычная периодика («Вольная Беларусь», «Грамада», «Раніца», «Крапіва», «Bielorus» и др.). Однако особая роль в становлении и формировании у широкой белорусской общественности чувства национальной идентичности принадлежала газете «Наша ніва». На ее страницах активно публиковали свои произведения Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, Тётка, Т. Гартны и другие авторы. Все это в конечном счете и стало основой для возникновения классической белорусской литературы. Появляются также первые социально-философские эссе (Сулима, Абдиралович), в которых предпринимаются попытки системного осмысления феномена белорусской истории и белорусской нации.

На волне пробуждения национального самосознания вновь актуализируются идеи независимости белорусского края. Белорусское национальное движение начало оформляться накануне первой российской революции. Его ядром стала Белорусская социалистическая громада (БСГ). Впервые более чем через столетие культурного и политического анабиоза на ее учредительном съезде в декабре 1903 г. прозвучало требование культурно-национальной автономии для Беларуси. С течением времени идеология национальной независимости пускает все более глубокие корни. Но лишь в городской среде. Что касается деревни, то, как признавал видный деятель национального движения К. Езовитов, в крестьянскую массу оно «еще не проникло, а потому на них – крестьян – опереться нельзя»⁷⁴. (Данное свидетельство еще раз подтверждает: городская среда и образование – необходимые предпосылки формирования национально ориентированного сознания).

В 1915 г. в Вильно (центре белорусского возрожденческого движения) создается конфедерация ВКЛ с программным требованием восстановления независимого белорусско-литовского государства. После февральской революции таким центром становится Минск. На съезде политических партий и движений создается Белорусский национальный комитет во главе с Р. Скирмунтом. Дальнейшее развитие военных и политических событий привело к консолидации патриотически настроенных сил общества и объявлению Радой независимой белорусской республики. И хотя во многом это был формальный политический жест, он оказал влияние как на укрепление национального самосознания народа, так и последующие действия в области строительства белорусской государственности и развития культуры.

Подобные фундаментальные сдвиги в ментальности народа стали возможны, во-первых, в силу спонтанного действия определенных социально-политических факторов, во-вторых, были результатом целенаправленной деятельности нового творческого меньшинства – формирующейся национальной

---

⁷⁴ Цит. по: Игнатенко И. М. Великий Октябрь в судьбах белорусского народа. Минск, 1987. С. 92.

интеллигенции (элиты). Подчеркнем: данный процесс имел характер самоорганизации, и от десятилетия к десятилетию «тагачаснай» белорусской истории шел по восходящей, вплоть до формирования государственно-политического сознания. В итоге же он перешел в русло практических действий, а именно: создания политических партий, борьбы за власть и провозглашения de jure Белорусской Народной Республики 25 марта 1918 г.

«Имперский» период отечественной истории имел свои особенности как в характере «вызовов», так и «ответов». Воспринимать и осмысливать их следует в контексте происходивших тогда в Европе процессов. Подробно о них речь шла в подразделе 1.1. Здесь лишь кратко напомним основные из них.

1. В XIX – нач. XX вв. западная цивилизация вступила в полосу фундаментальных преобразований во всех сферах своей жизнедеятельности: экономической (промышленный переворот), политической (выход на историческую арену народа – «восстание масс»), социальной (демографический бум, эмансипация женщин), духовной («ядром» мировоззрения эпохи становится наука и связанные с ней идеологические проекты).

2. Общественные преобразования закрепились в конституировании правового государства, гражданского общества, демократической системе образования, локализации церкви, идеологии прав и свобод человека.

3. Происходил процесс активного становления европейских наций и государств, в том числе и в форме национально-освободительных движений. В разных временных зонах и более того – различных регионах – он имел свою специфику.

В контексте европейских событий рассматриваемый период отечественной истории выглядит вполне репрезентативно. Численность населения Беларуси за полвека (к 1914 г.) удвоилась. Городское население увеличилось со 148 тыс. в 1825 г. до 990 тыс. человек в 1914 г.⁷⁵ Динамично развивалась экономика. Вклад Беларуси в ВВП Империи составил в 1913 г. 10 %. Состоялось «открытие» белорусского этноса. Начался процесс формирования национальной элиты и национального самосознания. В культуру и духовную жизнь возвращается белорусский язык. Возникает белорусистика. Национальное сознание эволюционирует за столетие от уровня обыденно-фольклорных представлений до возникновения классической литературы и социально-философской рефлексии. Формируется и быстро развивается политическая инфраструктура общества – от нелегального студенческого кружка «Гомон» в С.-Петербурге до создания многопартийной политической системы и целенаправленных политических действий.

Таким образом, взаимодействие народной и формирующейся высокой (профессиональной) культур в рассмотренный период начало обретать синергичный характер. Однако в этом процессе, по сути, отсутствовали важнейшие опосредствующие звенья, которые могли бы обеспечить их реальное, масштабное взаимодействие – система образования, грамотность населения, средства

---

⁷⁵ Беларусь. Грамадскія традыцыі. В 6 т. Т. 6. Минск : БелЭн., 2002. С. 25.

массовой информации. В лучшем случае можно говорить лишь об отдельных точках такого соприкосновения («Наша ніва» и т.п.). В силу причин, о которых речь шла выше, белорусский город не стал центром консолидации и роста национального самосознания. Но, главное, не было политического института и политической воли, которые могли бы «запустить» и обеспечить системное функционирование всех подсистем и механизмов социокультурной синергии белорусского общества.

Поэтому еще раз подчеркнем: все достижения имперского периода отечественной истории были связаны со спонтанными процессами самоорганизации белорусского народа, а официальные социальные институты Империи участия в них практически не принимали. Провозглашение БНР, а затем и БССР в составе СССР – их логическое завершение в тех конкретных исторических условиях.

1.6. Институализация белорусской социокультурной синергии

Советский период – это время кардинальной перестройки всех основ жизни белорусского общества (в рамках, естественно, целого, которым являлся Советский Союз). Происходила она по сценарию коммунистического идеологического проекта с вовлечением в процессы обновления (так или иначе) практически каждого человека. Утопичность самого проекта сегодня очевидна («по плодам его»), но несколько поколений людей воспринимали заявленные в нем идеи и идеалы как вполне осуществимые.

Для белорусов советский период истории начался драматически – с раздела территории и населения на две части: советскую (восточную) и польскую (западную). Различными почти на двадцать лет оказались векторы их социально-политического и культурного развития. Этот своеобразный исторический эксперимент оказался опосредованным и социальным экспериментом, развернувшимся в советской части Беларуси, а затем, после воссоединения, продолжившийся на всей территории Республики. Он фактуально позволяет удостовериться в роли и возможностях институализированных действий в процессах государственного и национально-культурного строительства, развития этнического сознания народа.

Импульс, сообщенный деятелями национального движения процессам белорусского возрождения, оказался не только воспринят, но и получил масштабную государственную поддержку со стороны новой власти – руководства БССР. Последнее в выработке своей национальной политики и практических действиях исходило из известной резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», указавшего на великодержавный шовинизм как главную угрозу делу становления нового общественного строя. В этой связи подчеркивалась необходимость добиваться доверия ранее угнетенных наций, развития на их родном языке органов власти, суда, курсов и школы как общеобразовательного, так и профессионально-технического направления,

культурно-просветительских учреждений, прессы, театра и т.д.⁷⁶ Суть этой политики «коренизации» населения заключалась в трансляции средствами национальных языков и культур интернациональной доктрины большевизма.

Исходя из этой идеологической установки, в Белоруссии было объявлено о развертывании политики всеобъемлющей белорусизации республики. Ее «точкой отсчета» принято считать июль 1924 г., когда пленум ЦК КП(б)Б утвердил широкую программу национально-культурного возрождения. Эту программу предполагалось осуществить быстро, в духе максималистских иллюзий того времени. Однако вскоре пришло понимание всей сложности, многогранности проблемы – начинать ее решение приходилось практически «с нуля». Усугублялась она и тем, что в начале 1919 г. значительная часть белорусской территории отошла к РСФСР, а возвращалась затем по частям – в 1924 и 1926 гг. Укрупнение страны породило новые и неожиданные проблемы: необходимость переубедить русифицированное население в важности возрождения белорусской культуры и языка. Многие «новые белорусы» отказывались признавать свои этнические корни, но вместе с тем и не идентифицировали себя с русскими, предпочитая быть просто «тутэйшыми»⁷⁷. Нигилистические настроения по отношению к политике белорусизации были свойственны и для многих «ответственных работников», особенно Гомельской и Витебской губерний, подвергшихся наибольшей русификации, хотя белорусы составляли там до 70 % населения⁷⁸.

Данные факты красноречиво свидетельствуют как о степени диффузности этнического самосознания белорусов, так и о нетривиальности задачи, за решение которой взялась новая власть. По мере уяснения ее глубины и сложности, приходило понимание того, что опыт и знания вынужденной эмигрировать значительной части национальной интеллигенции могут оказаться весьма полезными. На основании амнистии в республику вернулись А. Смолич, М. Горецкий, А. Цвикевич, В. Ластовский и десятки других. Интеллектуальным штабом по руководству белорусизацией стал Наркомат просвещения во главе с В. Игнатовским, а организационно-идеологическая и административная поддержка обеспечивалась партийными комитетами всех уровней.

Масштабность предприятия требовала комплексного подхода, включавшего в себя:

1) теоретическое осмысление феномена белорусизации; исследование и разработку фонетических, лексических, терминологических и грамматических аспектов белорусского языка; выработку принципов и изучение белорусской истории, культуры, государства и права; определение направлений археологических работ; подготовку и издание учебников и учебных программ; подготовку кадров белорусской интеллигенции;

⁷⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). В 10 т. Т.2. 1917–1922. М. : Политиздат, 1983. С. 366.

⁷⁷ Лыч А., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск, 1996. С. 204.

⁷⁸ Там же. С. 203.

2) создание соответствующих социальных институтов, призванных реализовывать сформулированные выше задачи. Таковым стал, в первую очередь, Институт белорусской культуры (Инбелкульт), открытый в феврале 1922 г. Активными сотрудниками его различных секций были Я. Купала, Я. Колас, Е. Карский, Я. Лёсик, М. Громыко, В. Голубок и др. Несколько ранее (с октября 1921 г.) начал свою работу Белорусский государственный университет. В 1928 г. Инбелкульт преобразуется в Белорусскую академию наук, сохраняя при этом свою белорусоведческую направленность;

3) многовекторность практических действий, точкой пересечения которых должен быть конкретный человек, его сознание. Наиболее важным из этих «векторов» была школа. Белорусский язык и культура становятся обязательными предметами изучения на всех ступенях системы образования. К концу 20-х гг. белорусскоязычными стали около половины школ-семилеток, а в 1930 году до 88 %⁷⁹. Сложнее шел этот процесс в высшей школе из-за нехватки квалифицированных преподавателей-белорусов, отсутствия в нужном количестве книг, учебников, специальной литературы, методических пособий на белорусском языке.

Процесс «коренизации» существенно интенсифицировался после придания белорусскому языку статуса государственного. В соответствии с требованиями закона, на государственный язык переводится делопроизводство, в т.ч. в воинских частях. С 1927 г. на белорусском языке стал выходить орган ЦК КП(б)Б «Большавік Беларусі». Перестраиваются средства массовой информации. В 1927 г. в республике издавалось 20 газет, из них 10 – на белорусском языке; из 16 журналов 10 были белорусскоязычными. К 1928 г. доля книг, изданных на белорусском языке, достигла 81,8 % от общего по республике тиража⁸⁰. Языками национальных меньшинств периодики были иврит, русский и польский.

Важнейшим инструментом политики белорусизации являлось национальное искусство (литература, театр, музыка, кинематограф, изобразительное искусство), обретшее институционализированные формы. Были образованы разнообразные творческие союзы и объединения. Наряду с драматическими театрами, широко распространенными на Беларуси в 20-е годы, в 1933 г. появляется театр оперы и балета, а ранее – в 1932 г. – консерватория, в 1937 г. – Белорусская государственная филармония. Писатели, поэты, художники, режиссеры, актеры, композиторы, музыканты, вдохновляемые идеалами национального возрождения, своими произведениями возвращали народу его историю, культуру, язык, традиции, память, способствовали возвышению его эстетических вкусов и потребностей, и тем самым вносили свой вклад в формирование новой белорусской ментальности.

Таким образом, в 20-е годы в результате акцентированной государственной политики и энтузиазма деятелей национально-культурного возрождения

⁷⁹ Літаратура і мастацтва. 1991. 20 снежня.

⁸⁰ История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 319.

были заложены институциональные основы для подлинной белорусизации страны, а также определены духовные – гуманистические и национально-демократические – ориентиры развития нации. Вместе с тем следует понимать, что столь стремительная «национализация» могла быть обеспечена лишь командно-административной системой. Только в ее рамках был возможен, например, такой факт: если в 1925 г. белорусским языком владели 22 % «ответственных работников», то в 1927 г. – 81 %⁸¹.

Но та же система позволяла при случае не менее стремительно отыграть вспять инициированный ею процесс. Что и случилось. Дальнейшее развитие событий пошло по другому руслу. Ощувив в далеко зашедшей «национализации» республик потенциальную угрозу единству страны, большевитское руководство развернуло кампанию борьбы против «буржуазных националистов» и «национальных демократов» («нацдемов»). К тому же на них можно было списать и «издержки» коллективизации.

В СССР начинается свертывание политики либерализации (НЭПа, практики партийных дискуссий, права на инакомыслие, критику власти, свободу самовыражения, контактов с границей и т.д.) уже к концу 20-х гг. Социальная и духовная синергия переводятся в режим одновекторного командно-волюнтаристского функционирования. Разрушаются механизмы социальной самоорганизации. Вся духовная жизнь общества берется под жесткий партийно-идеологический контроль и направляется на «правильную дорогу». Главными задачами провозглашаются индустриализация, коллективизация и воспитание трудящихся в духе пролетарского интернационализма. Это повлекло за собой смещение акцентов в национальной политике, а также в отношении к ориентированной на национально-демократические ценности интеллигенции. Последняя объявляется препятствием на пути советизации.

В 1930 г. инспирируется первый процесс над деятелями белорусской культуры по отработанному до того на Украине сценарию: они обвиняются в участии в некоем «Союзе освобождения Белоруссии». Среди арестованных – наркомы, ученые, писатели; всего – более ста человек. Фабрикуется дело против Я. Купалы, которое он «закрывает» попыткой самоубийства. Тем не менее и его, и Я. Коласа вынуждают выступить в партийной печати с осуждением своей прошлой литературной деятельности и критикой национально-демократического движения⁸². Подвергся преследованиям и вынужден был застрелиться первый президент АН Белоруссии В. Игнатовский. Собственно, это и была идеологическая «точка» в процессе белорусизации.

В 1933 г. в борьбу с «нацдемовщиной» в Беларуси включается «центр». Газета «Правда» уже своим заголовком ставит перед республиканским руководством прямую задачу «Очистить наркомат Наркомпроса Белоруссии от классового врага».⁸³ В результате тотальной «чистки», из партии было исключено около 10 тыс. человек, в основном интеллигенция. В следующем году «раскры-

⁸¹ Літаратура і мастацтва. 1993. 12 лютага.

⁸² Звезда. 1931. 14 снеж.

⁸³ Правда. 1933. 2 марта.

вается» террористическая организация «Белорусский национальный центр». Репрессиям подверглись 161 человек. «Врагов» отыскивали всюду. К. Пономаренко, первый секретарь ЦК КП(б)Б, в письме к Сталину называет республиканский союз писателей «центральным штабом нацифашистской пропаганды». Репрессировано было 238 литераторов. «Национально-фашистскими элементами» оказался «замусорен» и белорусский театр.

Волна репрессий прокатилась также по научным учреждениям республики. Были расстреляны Президент АН БССР П. Горин (Коляда), вице-президент В. Щербаков, 26 академиков и 6 членов-корреспондентов. Целые научные подразделения – Институт философии и советского строительства, Физико-технический институт, Институт экономики были закрыты из-за отсутствия сотрудников⁸⁴.

В итоге тонкий, еще только формирующийся культурный слой национальной элиты, образовавшийся в годы «национализации», понес колоссальные потери.

В соответствии с генеральной линией партии на слияние наций и воспитание нового – «советского» – человека и формирование новой исторической общности – «советского народа» начинается процесс дебелорусизации. Принципиальное значение в этом плане имели два события. Первое – реформа белорусского правописания (1933 г.), целью которой было «воспитание трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма» путем приближения лексических и грамматических норм белорусского языка к русскому. Этот, по существу политический акт по отношению к языку, явился одним из оснований набравшего с течением времени силу национального нигилизма. Второе – перевод обучения в школе на русский язык. К 1940 г. в большинстве белорусских школ обучение в V–X классах велось на русском. Полностью русскоязычными были все 25 вузов.

В республике высшая школа ежегодно готовила тысячи высококвалифицированных специалистов для всех областей народного хозяйства, что вело к существенному повышению общего интеллектуального потенциала народа. По численности студентов на 100 тыс. населения – 24 человека – Беларусь в предвоенные годы опережала Германию, Италию, Францию⁸⁵. Естественно также, что абсолютное большинство студентов в вузах были белорусы. Это обстоятельство важно подчеркнуть в связи с положением и возможностями белорусской молодежи в «усходніх крэсах» Польши. В Виленском университете процент студентов-белорусов в период 1919–1937 гг. колебался от 0,9 до 2,8 % от общего числа обучающихся⁸⁶.

В Западной Беларуси продолжалась политика тотальной полонизации белорусского населения. К 1938 г. были закрыты все белорусскоязычные средние школы. Польские власти по отношению к белорусам с зеркальной точностью

⁸⁴ Возвращенные имена. Сотрудники АН Белоруссии, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992. С. 12–14.

⁸⁵ Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. В 5 т. Т.3. Минск, 1980. С.26.

⁸⁶ Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. В 6 т. Т. 4. Мінск, БелЭн., 2000. С. 297.

копировали политику «второго рейха», в котором, напомним, полякам (а они были самым многочисленным этническим меньшинством в Германии) запрещалось обучать детей на родном языке и даже вести богослужение в костелах. В этом смысле для советских властей идеологически выигрышной была демонстрация своей национальной политики, что в определенной мере содействовало продолжению процесса белорусизации. Ее своеобразный «ренессанс» пришелся на время воссоединения белорусских земель. В западных регионах обучение в большинстве школ переводится на белорусский язык. До войны там был открыт целый ряд высших и средних учебных заведений, учреждений культуры.

Однако главным в гуманитарном образовании и воспитании рядовых граждан и национальной интеллигенции были отнюдь не гуманистические и национально-демократические ценности и идеалы, а большевистская идеология, основанная на догматизме, культе личности и классовой нетерпимости. Еще более воинственной и реакционной она стала в послевоенные годы.

Жестко контролировалась и направлялась не только деятельность ученых-обществоведов, но и художников. Социалистический реализм, героика борьбы и труда, руководящая роль партии – вот круг дозволенных тем. Табу было наложено на обращение деятелей культуры к национально-исторической проблематике, на лирику и просто реалистическое отображение действительности. Показательны в этом отношении идеологические процессы над А. Ахматовой и М. Зощенко.

Продолжением этой политики в Беларуси явилось изъятие из первого послевоенного издания сочинений Я. Купалы 160 его лучших произведений, в которых он воспевал национально-освободительные устремления народа⁸⁷. Вынуждена была писать покаянное письмо в ЦК КП(б)Б старейшая поэтесса Беларуси К. Буйло в связи с обвинением ее партийным руководством республики в «неправильном» понимании любви к Родине, выраженном в сборнике стихов «Світанне». Насильственное отлучение высокой (профессиональной) культуры, в том числе философии, от ее глубинных истоков и превращение в инструмент идеологического воздействия вело как к деградации самой культуры, так и деформации национального самосознания.

Данный процесс усилился в связи с вымыванием белорусского языка из школьного (на всех уровнях обучения) и профессионального образования. К началу 50-х гг. этот процесс зашел так далеко, что стал предметом специального рассмотрения на пленуме ЦК КПБ (июнь 1953 г.). Были даны соответствующие поручения Министерству образования, советским органам на местах. Однако практических последствий эта директива почти не имела. В отношении вузов из-за отсутствия соответствующих кадров преподавателей этот вопрос даже не обсуждался. Беспредельное господство русского языка привело к тому, что значительная часть населения стала воспринимать его уже не только как средство повседневного общения, но и как родной.

---

⁸⁷ Запісы. Беларускі інстытут навукі й мастацтва. В 25 т. Т. 17. Нью-Йорк, 1983. С. 40.

В послесталинский период ситуация в культуре начинает меняться. Процессы духовной синергии становятся сложнее и разнообразнее. С одной стороны, – продолжалась политика русификации. Дополнительный импульс ей сообщил приезд в Минск на празднование 40-летия БССР Н. Хрущева в 1959 г. В своей речи он сформулировал программный тезис политики партии в языковом вопросе: «чем раньше мы будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм»⁸⁸. И, должным образом оценив рвение местного партийно-государственного аппарата, пообещал, что «Белоруссия первой придет к коммунизму». Для белорусского языка это означало превращение его в элемент декора на национальном портрете Беларуси.

Было бы, однако, неверно экстраполировать ситуацию в лингвистической сфере на процессы развития духовной культуры и формирование национального самосознания в целом. Так как в это время намечается, особенно в искусстве, научно-гуманитарных исследованиях поворот к национальной проблематике, реалистическому осмыслению и репрезентации белорусской социальной и духовной синергии. Литература, театр, кинематограф, музыка, изобразительное искусство, эстрадный жанр (особо следует выделить феномен «Песняроў»), в некоторой степени восстанавливают порушенную традицию синергизма высокой культуры и народного творчества и выводят белорусскую культуру на уровень международного признания.

Серьезную работу в области исследований отечественной философской мысли, языка, истории, права, культуры, этнического самосознания осуществили белорусские философы, историки, этнографы, искусствоведы, правоведы и др., что также можно рассматривать как продолжение той традиции, которая была заложена деятелями белорусского национального возрождения начала века, учеными Инбелкульта. Вопрос в том, насколько органично достижения отечественной высокой культуры рассматриваемого периода стали достоянием массового сознания и маркером самоидентификации белорусского социума?

В 1992 г. Независимым институтом социально-экономических и политических исследований было проведено комплексное исследование «Развитие белорусской нации»⁸⁹. Опрашиваемым по методу стандартизированного интервью задавалось множество вопросов, в т.ч. об их отношении к России и русским. Результаты исследования свидетельствуют, что представители титульной нации независимой уже в то время Белоруссии не рассматривали русских как «других». Они включали их в «МЫ»-общность. А вот украинцы и поляки воспринимались как самые близкие, но «другие». В данном исследовании изучались и иные аспекты темы «Россия и русские». Так, отвечая на вопрос о ментально-культурной близости и о предпочтительных для Белоруссии партнерах по сотрудничеству, респонденты на первое место ставили Россию и русских. А на вопрос: «Представляет ли опасность для белорусской нации то обстоятельство, что значительная часть белорусов

⁸⁸ Правда. 1959. 6 марта.

⁸⁹ Ермолаев Ю. С., Карбалевиц В. Н., Ломако В. Н. и др. Развитие белорусской нации: Анкета республиканского опроса. Минск, 1992.

разговаривает на русском языке»? в общей сложности 77 % опрошенных ответили «нет»⁹⁰.

Результаты данного социологического исследования следует оценивать диалектически, т.е. с пониманием конкретно-исторических обстоятельств подобного положения вещей и без излишнего алармизма. Дело в том, что в рамках советской национальной политики делалась ставка, с одной стороны, на безусловное развитие каждой советской нации и народности, а с другой – на модернизацию нерусских республик, стремление поднять их экономику до уровня самой России. Реализуя эти задачи, советский режим, пишет английский русист Д. Ливен, на окраинах страны «сам создал нации из в большинстве неграмотных клановых и племенных обществ»⁹¹. Модернизационные трансформации, в том числе индустриализация, урбанизация и культурная революция осуществлялись в контексте политики русификации. Это был естественный процесс в том смысле, что реализовать столь масштабный проект можно было лишь на основе развитых форм культуры и средств коммуникации. Важнейшим среди них был русский язык.

Следуя догмам «ленинской национальной политики», советская власть, однако, не допустила полной ассимиляции белорусов (и украинцев) в русском народе. Хотя это вполне могло бы произойти, о чем свидетельствует факт «перехода в русские» белорусов Смоленщины и Псковщины, оказавшихся по итогам «нарезки» территорий союзных республик в РСФСР. И такая ассимиляция, как подчеркивают Д. Фурман и О. Буховец, была бы не более «неестественным и преступным актом этноцида», чем «растворение» провансальцев во французской нации, сицилийцев и сардинцев – в итальянской, баварцев – в немецкой⁹². Реальные же факты таковы: белорусы в XX в. обрели статус титульной нации, собственную государственность (*de jure*), БССР стала одной из равноправных республик Союза, страной-учредительницей ООН (пусть и чисто формально). Так что идея «белорусская нация – государство» в ее гражданско-государственной версии состоялась, даже если не все вполне это осознают. А вот культурно-лингвистический аспект этого процесса оказался деформированным. Белорусский язык оказался почти полностью вытесненным из системы образования, государственного делопроизводства, СМИ и живого общения. По результатам опросов, в начале 1990-х годов в качестве разговорного его использовали всего-навсего 1,5–2 % горожан⁹³. Естественно, что и потребителем продукции национального духовного производства оставалась лишь незначительная часть населения республики.

В целом итог «национализации по-советски» выглядит несколько парадоксально. Белорусское общество начала XX в. (в основной массе это

⁹⁰ Там же. С. 11, 12, 15.

⁹¹ Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 191.

⁹² Фурман Д. Е., Буховец О. Г. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 60.

⁹³ Літаратура і мастацтва. 1991. 20 снежня.

крестьяне) было носителем традиционной народной культуры и «беларускамоўным». Но при этом они весьма смутно осознавали свою «самость», хотя и не идентифицировали себя ни с русскими, ни с поляками. Высокие формы культуры немногочисленной национальной интеллигенцией создавались на формирующемся литературном белорусском языке. Синтез этих культур носил эволюционный характер, а становление нации шло в рамках этнокультурной модели. После провозглашения БССР в результате административно-командных действий государства (через институты управления, судопроизводства, систему образования, Академию наук, учреждения культуры, средства массовой информации и т.д.), а также спонтанной активности патриотически настроенной интеллигенции были заложены основы для масштабной белорусизации национальной жизни и формирования многомерной национальной духовной синергии. Принципиальное значение в этом смысле имело первое десятилетие советской истории. Однако смещение идеологических акцентов в национальной политике советской власти привело к существенному вымыванию корневых основ самоидентификации белорусского социума и его замещению «интернациональным» содержанием. В результате через несколько десятилетий белорусские советские горожане по культуре ничем не отличались от русских, общались по-русски, плохо или совсем не говорили на белорусском литературном языке, однако четко знали, что они – белорусы, а их родной язык – белорусский. Подобного рода противоречие в национальном самосознании означает, что процесс националстроительства в рамках советской модели «самоопределения наций» остался незавершенным.

Подытожим изложенное в предыдущих параграфах и эксплицируем содержание глубинных пластов этнического самознания белорусов.

Национальное самосознание любого народа обладает сложной многоуровневой структурой. В ней, в частности, можно выделить формы высокой культуры, зафиксированные в произведениях искусства, этических концепциях, научных теориях, философских учениях, теологических воззрениях, идеологических и правовых доктринах. По ним можно судить об уровне развития национальной культуры, ее месте в интеллектуальной и духовной истории человечества. Эти формы динамичны, изменчивы и достаточно очевидны, наглядны. Осваивая их, подрастающее поколение входит в мир идей и ценностей своего народа. Вместе с тем в структуре национального самосознания присутствует и еще один пласт, который формируется в течение многовековой жизни этноса и закрепляется в установках его коллективного бессознательного. Эти установки определяют социальный характер народа, его восприятие и отношение к природе, к власти, регулируют ролевое поведение человека и социальных групп («пан» и «мужик»), определяют проявление эмоциональных реакций человека (экспрессия, сдержанность), а также содержат их оценку («балбатун», «маўчальнік», «шалёнец»). Можно сказать, что они, в конечном счете, определяют тип личности («американец», «немец», «поляк», «итальянец», «белорус») с отличающимися ее особенностями мировосприятия, общения и поведения. Архетипы (т.е. установки) коллективного бессознательного

являются очень устойчивыми и инертными структурами сознания. Всем известны примеры диаспор (китайцев, вьетнамцев, турок, армян, русских и т.д.), которые, оказавшись в другой стране, среди другого народа, воспроизводят микромодель своего отечества. Сказанное справедливо и по отношению к внутренней миграции. Переезжая в город, крестьяне «везут с собой» и свое мировосприятие, и ценности, и ментальные установки. Их трансформация – процесс достаточно длительный и зависит как от детерминант общественного бытия, так и от целерациональных действий социальных институтов.

Общий исторический контент формирования национального самосознания белорусов и его основные черты тезисно можно представить в следующем виде.

❖ Белорусская идентичность складывалась почти исключительно как крестьянская или производная от крестьянской.

❖ Крестьянский уклад жизни сформировал экоцентричный (природоориентированный) менталитет с установками на сохранение существующего в мире (природном и социальном) порядка.

❖ Пограничное, межцивилизационное геополитическое положение белорусских земель, пересечение, взаимодействие и взаимовлияние культур Запада и Востока в отечественной истории привели общественному сознанию психологию терпимости, толерантности, стремления к поиску компромиссов.

❖ Отпадение «верхов» от «мужицкого народа» обусловило, во-первых, отсутствие в общественном сознании белорусов ценностей социальной или индивидуальной исключительности, во-вторых, социально-исторического опыта идентификации себя с целым – государством, Родиной. Определяющее значение для крестьянина имел свой «край», «кут», «родная старонка». В-третьих, развитие национального самосознания шло в разных языковых формах и имело дивергентный характер.

❖ Многовековой опыт угнетения, потерь и страданий привел к накоплению в менталитете белорусов интенций приспособления к изменяющимся социально-политическим и духовным обстоятельствам. В основе тактики выживания был не отказ от собственной идентичности, но и не борьба за ее защиту, а уход от конфликта, самосохранение через дистанцирование. Отсюда – «памяркоўнасць», пассивность, безынициативность.

❖ Вера и конфессиональная принадлежность не стали для белорусов основой для духовной самоидентификации; напротив, в начале конфессиональная разобщенность, а затем насильственная «униатизация», а потом «православизация по-русски» и «деправославизация по-большевистски» хаотизировали духовную синергию.

❖ Общинная жизнь со свойственными ей установками возлагания ответственности за бытие индивида на коллектив, пана, государство

сформировала такую характерную черту этнического самосознания, как патернализм.

❖ Образ жизни народа и коллизии отечественной истории не содействовали пробуждению личности, ее выходу за пределы повседневности, ее отпадению от абсолютов и авторитетов.

❖ Белорус – это бытовой человек. Он ориентирован на мир повседневности, у него развито прежде всего чувство ответственности перед свояками и близкими («гутэйшасць»), но очень слабо развито чувство личности, интереса к публичным делам и проблемам.

❖ Советский период обеспечил становление и институализацию форм высокой (профессиональной) культуры. Фактом стало укоренение в массовом сознании белорусов идеологии (и психологии) некоторого этнического своеобразия. Вместе с тем он закрепил в ментальности белорусов комплекс пиетета, некритического отношения к государственной власти и чиновно-бюрократическому аппарату.

❖ Кроме названных, следует выделить и такие черты национального самосознания, как острое чувство социальной справедливости, трудолюбие, героизм, готовность к самопожертвованию во имя «общего блага»⁹⁴.

Сегодня развитие белорусской нации связано с комплексом новых социально-исторических реалий, в том числе экономических, политических и культурных. Важнейшим среди них является факт суверенного существования Республики Беларусь. Новые исторические условия ставят перед белорусским обществом задачу понять, что из структур национального самосознания нужно взять с собой в «иную современность» (У. Бек), продолжать культивировать, от чего следует отказаться и какие установки должны быть сформированы заново. Очевидно, что в ситуации «иной современности», ее вызовов, на передний план выдвигается креативный, деятельностно-инициативный потенциал социума. Проявляет себя и реализуется на практике он в лоне определенной культурной традиции, которая является не только сокровищницей накопленного социального и духовного опыта, но и источником актуального творчества, питающего жизненной энергией современность и обеспечивающего связь между прошлым и будущим.

В историко-культурном наследии Беларуси значительное место принадлежит творчеству интеллектуальной элиты. Однако в силу исторических обстоятельств «в свое время» встреча двух потоков национального самосознания – народной культуры и культуры элитарной, в том числе философской, носила лишь sporadicкий характер. В условиях строительства суверенного белорусского государства, формирования нации с четкой системой маркеров национальной идентичности такого рода «встреча» необходима на постоянной основе. Результатом ее должно стать конструирование новых образов Беларуси и белоруса. В следующем разделе речь пойдет об особенностях отечественной философской традиции.

⁹⁴ Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 354–360. См. также: Фурман Д., Буховец О. Парадоксы белорусского самосознания // Дружба народов. 1996. № 6. С. 81–87.

*«Правильно философствовать – это значит, познав многое и едва ли не все, осуществить именно наилучшее»
Л. Залусский «Общая философия» (1640)*

2 РАЗДЕЛ

Философская мысль Беларуси

2.1. Проблемы изучения философской мысли Беларуси

Историю философской мысли Беларуси определяют как историко-философскую дисциплину, которая изучает локальную (региональную) традицию мышления интеллектуальных элит Беларуси, связанную с зоной восточно-европейского пограничья⁹⁵. История философской мысли Беларуси – это, с одной стороны, дисциплина, которая занимается изучением интеллектуальной традиции в Беларуси, с другой стороны – это сам процесс формирования национальной философии, ее выделение из общеевропейского контекста. Как дисциплинарно организованное знание история философской мысли Беларуси формируется только в середине XX в., когда появляются исследования, посвященные отдельным мыслителям, создается корпус репрезентативных текстов, осуществляются переводы с латыни, польского и старославянского языков. Но впервые интерес к белорусским мыслителям прошлого проявился в 20-е годы XX в., когда в центре внимания исследователей оказались жизнь и творчество Франциска Скорины. На сегодняшний момент накоплен богатый материал по истории философской мысли Беларуси, который постоянно дополняется и анализируется.

Традиционно принято спрашивать о том, насколько правомерно говорить о существовании национальной философии, ведь сама философия (точнее, каждый конкретный философ) претендует на универсальность и общезначимость своих выводов. В нашем случае, говоря о национальной философии, будь это белорусская, польская, русская или любая другая, прежде всего имеется в виду обращение к уникальному духовному опыту своего народа, к его особым мировоззренческим структурам, к формулировке важнейших философских проблем и поисков ответов. При таком подходе история философской мысли Беларуси обретает свое право на существование и выполняет миссию сохранения того уникального национального опыта мышления, который был присущ предшествующим поколениям.

При изучении философской мысли Беларуси необходимо учитывать ряд обстоятельств, которые зачастую выпадают из поля зрения исследователей. Первое из них связано с географическим (территориальным) фактором. Существование Беларуси в современных территориальных и государственных границах – это факт XX века. Однако на протяжении многих столетий белорусские земли входили в состав различных государственных образований, таких как

⁹⁵ Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 2008. С. 32.

Полоцкое, Турово-Пинское, Смоленское княжества, затем Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя и СССР. Тем не менее многие достижения культуры тех времен правомерно рассматриваются и историей белорусской философии, поскольку Беларусь является одной из правопреемниц и наследниц этих государств. Отечественные мыслители предшествующих столетий редко соотносили себя с конкретным этносом, более значимой для них оказывалась конфессиональная принадлежность. Причем это в наибольшей степени было присуще начальному периоду развития нашей интеллектуальной традиции. Национальная культура Беларуси всегда рассматривалась как часть общеевропейской культуры, тем более что исторически белорусская культура была тесно интегрирована в европейскую, начиная с эпохи Средневековья и вплоть до начала XIX века.

Процессы формирования наций, которые начались в Новое время, во многом определили облик современной Европы. Не обошли они стороной и белорусский этнос, хотя процесс «строительства» белорусской нации начался только в XIX веке. С этого периода можно уже вполне обоснованно говорить о национальной принадлежности того или иного мыслителя.

Еще одно важное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, – это существование на белорусских землях различных языковых традиций. На протяжении всей истории Беларуси здесь были распространены старославянский, старобелорусский, латинский, польский, русский языки, иврит, современный белорусский язык. Некоторые из этих языков являлись исключительно средством коммуникации в рамках конкретной этнической общины, другие использовались более или менее широко в зависимости от конкретных культурно-исторических и социально-политических условий. Белорусский язык претерпел за это время достаточно серьезные изменения. Учитывая все сказанное, в философское наследие Беларуси правомерно включать все значимые для отечественной культуры тексты вне зависимости от того, на каком языке они написаны.

Третьим обстоятельством и, наверное, чаще всего вызывающим споры, является то, что философская мысль Беларуси развивалась в условиях цивилизационного разлома, конфессиональных конфликтов и религиозной полемики. На землях Беларуси сталкивались интеллектуальные традиции католической и православной ветвей христианства, впоследствии к этому противостоянию подключилась и протестантская. Все это проявилось в достаточно пестрой интеллектуальной картине и определило особенности существования и развития белорусской философской традиции.

Таким образом, мы определили основные проблемы, которые возникают при изучении отечественной философии, и очертили рамки, в которых она формировалась, а именно: 1) существование белорусских земель в разных геополитических образованиях, 2) отсутствие единого языка, 3) развитие в поликонфессиональном и мультикультурном пространстве. В связи с вышеизложенным, предмет истории философии Беларуси является достаточно широким, выходит за территориальные и языковые рамки собственно «белорусскости» и

включает в себя все значимое для белорусской культуры и что так или иначе было воплощено в различных формах интеллектуальной деятельности. Именно эти особенности национальной философии обозначены в соответствующем разделе действующей типовой программы по философии.

2.2. Основные этапы развития философской мысли Беларуси

2.2.1. Философская мысль эпохи Средневековья

Важнейшим событием для восточнославянских земель стало крещение Руси, которое знаменовало собой появление качественно новой культуры, постепенно вытеснившей на периферию старое мифологическое мировоззрение. Принятие христианства землями Руси положило также начало интеллектуальной, связанной с философией, традиции в развитии белорусской культуры.

Белорусское средневековье начинается в X в. и продолжается до XVI в. При этом, как говорилось ранее, на наших землях с течением времени утвердилось христианство разных конфессиональных направлений: православного, католического, а затем и протестантского. Все это наложило свой отпечаток на своеобразие формирующегося белорусского менталитета и философской мысли. Для характеристики восточнославянской культуры этого периода часто используют термин «культура ученичества». Христианство, как уже отмечалось, было принесено извне, канон которого уже давно был выработан. Отечественные мыслители должны были его освоить, воспринять и творчески переработать. Поэтому первоначально мы не обнаруживаем оригинальных философских текстов. Во-первых, потому, что раннехристианская культура не была ориентирована на авторство или оригинальность и подписывать своими именами произведения было не принято. Во-вторых, сама философия еще не говорила от собственного имени, но использовалась в качестве инструмента для обоснования истин теологии.

Византийско-болгарская культура этой эпохи выступала посредницей, через которую восточнославянские мыслители получали доступ не только к христианским текстам и христианской культуре, но также к некоторым философским текстам и культуре античного мира. Привнесенная книжная культура дала мощный толчок развитию духовной жизни восточнославянских, в том числе белорусского, народов. Однако существует и иная сторона этого процесса. Киевская Русь получила через болгарское посредничество огромный массив, прежде всего, религиозных текстов, а также комментариев произведений античных авторов, которые, однако, носили избирательный и адаптированный характер. Вместе с тем, многое осталось вне поля зрения восточнославянских мыслителей. Практически все оригинальное античное наследие было им недоступно. Поэтому научная и философская мысль здесь не получила такого развития, как на латиноязычном Западе. Латынь, объединившая интеллектуальную и духовную жизнь католической Европы,

долгое время была неизвестна на белорусских землях. Церковнославянский же язык, с одной стороны, способствовал укреплению греко-византийской веры на восточнославянских землях, а с другой – он не стал инструментом развития высоких форм светской культуры: литературы, науки, философии.

В XIV в. возникает еще один фактор, который сыграл ключевую роль в дальнейшем развитии белорусской культуры и во многом определил ее характер. Происходит католическое крещение Литвы, образование Великого Княжества Литовского, в состав которого вошли белорусские, литовские и украинские земли. Это событие открыло доступ белорусским мыслителям к латинскоязычным текстам и, прежде всего, к логическим трактатам Аристотеля, которые на землях Киевской Руси были доступны только через комментарии Иоанна Дамаскина. Еще одним каналом, по которому проникали к нам философские тексты, были труды арабских и еврейских ученых. Так, на территории Беларуси появились тексты псевдо-Аристотеля. Философское наследие эпохи Средневековья ассоциируется с произведениями Кирилла Туровского, Климента Смолятича.

Особенность белорусского Средневековья в XIV–XVI столетиях специфицируется особыми взаимоотношениями между основными ветвями христианства. Великое Княжество Литовское изначально создавалось как полиэтничное и поликонфессиональное. В этой связи перед средневековым белорусским обществом стояла задача выработки идеологии религиозной терпимости, которая и стала фундаментальным принципом его существования в последующие эпохи. Еще князь Гедимин в своих «Посланиях» сделал определенную заявку на построение бесконфликтного, справедливого государства: «Мы установим такой мир, который христиане еще не знали»⁹⁶.

2.2.2. Философская мысль Беларуси в эпоху Возрождения и Реформации. Политическая философия XVI–XVII вв.

В начале XIV в. в европейской культуре началось возрождение античной традиции и ее переосмысление с точки зрения нового мировоззрения. Это положило начало эпохе Возрождения (Ренессанса), формированию нового образа мира и человека. В этом процессе активное участие приняла и философия. К главным ее особенностям относят *гуманизм* (признание человека высшей ценностью) и *антропоцентризм* (человек рассматривается как центр этого мира). Начавшись в Италии, ренессансное движение затем было подхвачено гуманистами в других европейских странах. Для белорусской истории аналогичный период наибольшего расцвета интеллектуальной культуры начался в начале XVI в. Эпоху Возрождения также называют «золотым веком» нашей культуры и именно так она воспринимается большинством отечественных исследователей.

В связи со сказанным может возникнуть вопрос: а что именно возрождали отечественные мыслители? Итальянцы образцом для подражания избрали культуру Древнего Рима и Древней Греции. Однако и белорусские мыслители

⁹⁶ Послание Гедимина 26 мая 1323 г. // Послания Гедимина. Вильнюс, 1966. С. 40–41.

(как правило, это были представители магнатских родов) пытались отыскать свое великое прошлое. Эти искания иногда приобретали форму различных мифов, в частности о происхождении аристократии Великого Княжества Литовского. К одному из таких преданий, например, принадлежал «миф о римском происхождении» белорусско-литовской шляхты.

Ренессансные идеи проникали на белорусские земли двумя путями. Во-первых, достаточно распространенной была практика приглашения деятелей культуры из Италии и других стран, которые распространяли идеи Возрождения. Во-вторых, многие представители аристократии и шляхты отправлялись в так называемый «Гранд тур» – посещали европейские страны, а многие и получали там образование. Возвращаясь на родину, они приносили с собой новые идеи и стимулировали их распространение. Помимо западного вектора существовал также и южнославянский, знаменовавший собой своеобразное «православное возрождение»⁹⁷.

Одним из важнейших событий той эпохи является изобретение книгопечатания. В Беларуси первопечатником является наш выдающийся гуманист Франциск Скорина. Его гений проявился в том, что он хорошо осознал силу книжного слова и образования, в том что реализовал свои идеи на практике. Издание Скориной Библии на родном языке – это духовный подвиг, совершенный ради своего народа, а само это событие стало свидетельством высокого уровня развития белорусской культуры.

Вслед за ренессансными тенденциями на белорусских землях начало проявлять себя и реформационное движение. В истории европейской культуры это движение за духовное обновление католицизма, которое выявилось в его критике и церковных преобразованиях. Влияние католической церкви в эпоху Средневековья было огромным, а ее статус – непререкаемым. Однако с течением времени существующий порядок вещей стал подвергаться сомнению. Римская курия, клир, монашество во все большей степени утрачивали связь с идеалами и духом первоначального христианства, что, в конечном счете, и привело к подрыву его авторитета и возникновению движения протестантизма. Важным фактором в обновлении католицизма стали ренессансные идеи, которые способствовали появлению нового образа человека, его места и предназначения в мире, взаимоотношений Человека и Бога.

Началом Реформации принято считать деятельность Мартина Лютера в Германии, Жана Кальвина в Швейцарии и Яна Гуса в Чехии. Достаточно быстро после знаменитых тезисов Лютера в Виттенберге реформаторские идеи проникли и на территорию Великого Княжества Литовского, в том числе через студентов, обучавшихся в чешских и немецких университетах. К середине XVI в. размах Реформации на белорусских землях достиг небывалых высот. Протестантизм в той или иной версии был принят многими магнатами и стал на некоторое время одной из определяющих конфессий в ВКЛ наряду с католи-

---

⁹⁷ Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. Том 2. Эпоха Адраджэння. Мінск : Беларуская навука, 2010. С. 215.

цизмом и православием. Одним из наиболее известных представителей Реформации в Беларуси был магнат Николай Радзивилл Черный, сыгравший огромную роль в продвижении протестантизма. Среди выдающихся мыслителей-протестантов – Сымон Будный, Василь Тяпинский, Андрей Волан и многие другие.

В целом в реформационном движении выделяют умеренное (кальвинисты, англикане, лютеране) и радикальное (антитринитарианцы, анабаптисты и менаниты) направления. На белорусских землях умеренное направление было представлено кальвинистами и лютеранами, а радикальное – антитринитарианцами. Главные принципы реформаторов наиболее точно отражают определения Лютера – «*sola gratia*» (только Божья милость), «*sola fides*» (только вера), «*sola Christo*» (только Христос) и «*sola Scriptura*» (только Писание)⁹⁸. Это означало следующее: во-первых, что человек, грешный по своей сути, может получить спасение только по милости Бога, при условии искренней веры. Принцип «только Писание», во-вторых, означал, что только в Священном Писании Бог раскрывает свой замысел в отношении человека и мира. Что касается авторитета Святого Предания – т.е. трудов Отцов церкви, то радикальные реформаторы их вообще отрицали. И, наконец, принцип «только Христос» означал требование верить в Христа и во всем руководствоваться его примером, т.е. «прожить» его жизнь.

Говоря о Великом Княжестве Литовском, следует отметить, что Реформация отразилась, прежде всего, на экономической и политической жизни страны. В реформаторском духе были осуществлены некоторые социальные и политические преобразования. Все это соответствовало пропагандируемой Реформацией идее свободы личности и нашло свое отражение в расцвете социальной и политической мысли ВКЛ (А. Волан, Л. Сапега, А. Олизаровский и др.). Ассимиляция ренессансных и реформаторских идей высшим классом способствовала утверждению в ВКЛ принципов религиозной свободы и веротерпимости, политической свободы, верховенства закона, разделения властей, равенства людей, которые были воплощены в третьем Статуте Великого Княжества Литовского.

Эпоха Возрождения и Реформации – время господства аристотелизма в интеллектуальном пространстве Беларуси. Доминирование данной традиции отмечается вплоть до XVIII в. Аристотеля именуют «великим философом, писателем великой политической мудрости», его «Политику» многократно переиздают, комментируют, и вне всякого сомнения, именно «Политика» Аристотеля была самой востребованной книгой как в учебных заведениях, так и в библиотеках обычных горожан. Кроме произведений Аристотеля большой популярностью пользовались сочинения Ж. Бодена. Пик социально-политического и культурного расцвета ВКЛ, а затем Речи Посполитой совпал со временем распространения европейских теорий «общественного договора», «общественного блага», образа высоконравственного христианского правителя, которые заполнили интеллектуальное пространство Беларуси.

---

⁹⁸ Акінчыц, С. Залаты век Беларусі. Мінск : «Юніпак», 2002.

В период XV–XVI вв. на белорусских землях создается система подготовки юридических кадров и сеть учебных заведений соответствующего профиля. С XVI в. изменяется восприятие образа короля (великого князя в ВКЛ), он – первый среди равных, инструмент власти и выразитель воли шляхты, защитник прав национальной элиты. Правовые нормы рассматриваются как выражение воли государя и шляхты. В это время сформировалась идеология «шляхетской демократии», которая закрепляла особое положение шляхты в обществе и политике, придавала национальной культуре того времени элитарный характер, но, вместе с тем, требовала, чтобы элита была эталоном во всех своих мыслях и действиях. В эту эпоху появляется понятие «гражданское (или политическое) общество», которое терминологически дифференцируется с понятием «государство». «Гражданское (или политическое) общество» в источниках XVI–XVII вв. – это сообщество национальной элиты – шляхты, наделенной высокими моральными качествами и гражданскими добродетелями: патриотизмом, активной политической позицией, развитым правосознанием, признанием высшей политической ценностью государственной суверенитет и свободу. Среди теоретиков «шляхетской демократии» – политические деятели А. Волан, Л. Сапега, профессор А. Олизаровский. Они сравнивали государственное устройство Речи Посполитой с Римской республикой и считали, что полноценное «гражданское общество», ограничивающее власть правителя, есть воплощение высшей политической мудрости.

Приоритетной ценностью и одновременно социальной миссией элиты – шляхты была защита правопорядка: «Пусть правит король, а королем никто не правит, только Бог и право», «Короля можно упросить, а право – вещь глухая, неупросимая», – эти фразы принадлежали секретарю трех королей, политическому деятелю Речи Посполитой А. Волану и содержались в его «Политических речах». Авторы конца XVI – нач. XVII вв. рассматривали право как средство, обеспечивающее свободу в государстве. В их понимании свобода отсутствует там, где нет никаких законов и там, где имеются такие законы, которые «умножают произвол злых людей». Следовательно, такое государство не может находиться в состоянии свободы. Свобода возникает из ограничения любой власти и государь также должен быть связан правом. А. Волан призывал сенаторов Речи Посполитой к гражданской мудрости и политической активности: «Если король при вашем попустительстве нарушает законы, если употребляет свою власть не на общее благо, а на гибель всех, а вы не препятствуете его недостойному властолюбию, то разве не берете на себя вину за то, что республика управляется плохо?»⁹⁹

Понимание политической власти как соглашения между населением определенной местности и князем (правителем), как «общественного договора» можно считать традиционным для белорусской политико-правовой мысли. Ве-

---

⁹⁹ Цит. по: Падокшын, С. А. Беларуска думка ў кантэксце гісторыі і культуры. С. 176.

чевые собрания, система местных органов власти (волостные старцы, копные суды) сохранялись до XVII в.

Для обозначения государства в актах XVI в. употребляются термины «господарство» (в значении «имение», «хозяйство»), «панство» (в значении «верховенство власти»), «речь посполитая», которая понималась как общее дело, общее благо. Последний термин получил широкое распространение с 1529 г., момента принятия первого Статута ВКЛ. Подобное понимание государства закрепляется в теоретической и учебной литературе: «О политической общности людей» (1651 г.) А. Олизаровского, «Общей философии» (1640 г.) Л. Залусского. По их мнению, отношения власти формируются на основе естественных отношений между социальными общностями, первичными из которых являются дом и семья. Государство создается благодаря отношениям между поселениями, в которые объединяются семьи. Таким образом, природа государства имеет договорной и территориально-семейный характер.

Показательно, что в первых учебных курсах по теории политики («О политической общности людей» А. Олизаровского) подчеркивается значение горизонтальных связей и отношений, а также суверенитет общества по отношению к государству. Эта теоретическая парадигма не просто закрепила существующий порядок политической деятельности народа – шляхты, выборы правителя, но и создала стандарты в политической культуре и поведении будущих поколений, тем самым способствовала самовоспроизводству данных политических идеалов. Следует учесть, что социальное развитие белорусских земель в составе Речи Посполитой достигло довольно высокого уровня по меркам Европы, чему способствовало распространение магдебургского права, практически всеобщая грамотность и образованность городского населения, благоприятные экономические условия.

Отличием белорусской интеллектуальной традиции в период Возрождения и Реформации является ее практическая направленность: политические идеалы – гражданские добродетели, концептуализированные в европейской политической литературе, были осмыслены интеллектуалами того времени и рекомендованы учебными пособиями для будущих поколений элиты. Другим важным отличием является демократичность интеллектуальной традиции (диссертации по философии, праву, медицине защищались представителями практически всех сословий: шляхты, горожан и даже крестьян, причем каждый ученый имел возможность работать как на родине, так и за рубежом), а также распространенность знаний в публичной сфере.

Показательно, что гражданские добродетели определяются не только отношением к государству, а в большей степени – легальными формами гражданской активности. Этноконфессиональная дифференциация национальных элит была постоянным источником напряженности. Итогом религиозной полемики первой половины XVII в. стало обоснование модели «общественного блага», политико-правового регулирования этноконфессиональных вопросов. Католик, канцлер Лев Сапега в письме к униатскому архиепископу И. Кунцевичу, осуждая его политику насилия в отношении православных, писал: «...Все, что не со-

гласуется с миром и общественной пользой, может смело рассматриваться как преступление. Хорошо сказал мудрец: к тому, что мы не можем изменить, следует относиться терпимо и не осуждать»¹⁰⁰. Этноконфессиональная конфликтность, угрожающая целостности и суверенности государства, была в поле внимания блестящих деятелей того времени, среди них сам король Владислав IV, Лев Сапега, православный митрополит Петр Могила, униатский митрополит Вельямин Рутский и другие. Интеллектуалы, разъединенные по этническим и конфессиональным признакам, смогли объединиться, показав пример всем слоям населения и выступив в защиту общегражданских ценностей.

2.2.3. Вторая схоластика и философия Просвещения в Беларуси

В XVI в. в европейской интеллектуальной мысли возникает – в ответ на реформаторские идеи – такое явление, как вторая схоластика. Как известно, своего апогея схоластическая философия достигла в XIII в. Однако в последующие века наблюдался упадок схоластики. Попытки противостоять как упадку в схоластической философии, так и потере авторитета церкви привели к возникновению второй схоластики, которая оказала огромное влияние на всю европейскую философию. «В рамках второй схоластики происходит систематизация средневекового рационализма, завершение разработки философского понятийного аппарата, окончательное установление границ между теологией и философией (по предмету, целям и методу познания), а также дифференциация философских дисциплин»¹⁰¹.

Схоластический ренессанс в Европе проходил под влиянием Тридентского собора, в ходе сессий которого сформировался новый облик католической церкви. Задача по продвижению новых, реформированных идей была возложена на университеты. В этом процессе особую роль сыграло Общество Иисуса (орден иезуитов), которое возвысилось именно в это время и стало опорой обновленного католицизма. Иезуиты пользовались большим влиянием на университетских кафедрах, а вскоре стали открывать и собственные образовательные учреждения. Зарождение профессиональной философии в Великом Княжестве Литовском также связано с деятельностью иезуитов. В 1570 г. был создан Коллегиум иезуитов в Вильне, в 1579 г. реорганизованный в Виленский университет, где обучение стало доступным для светской молодежи. Затем коллегиумы были открыты в Полоцке, Орше, Витебске, Минске, Несвиже и других городах.

Основой преподавания в коллегиумах и университетах, в том числе и на землях ВКЛ, была программа «Ratio Studiorum» – свод педагогических правил, принятый в Обществе Иисуса. Сама система образования была очень развитой и многоуровневой. Иезуитское образование, в итоге, стало самым лучшим, и по курсам, разработанным Обществом Иисуса, учились не только католики, но также и протестанты, и даже православные.

¹⁰⁰ Письмо канцлера ВКЛ Л. Сапеги архиепископу И. Кунцевичу от 12.03.1622 г. // Памятники философской мысли Белоруссии. Минск, 1991. С. 77.

¹⁰¹ Шмонин Д. В. В тени Ренессанса : вторая схоластика в Испании. СПб, 2006. С.16–17.

Несмотря на выстроенную систему образования, иезуитские университеты, в том числе и Виленский, на начальном этапе существования, имели ряд недостатков. Образование, предлагаемое иезуитами, с одной стороны, имело четкую идеологическую направленность и прививало уважение к католической церкви. С другой стороны, это образование не давало естественнонаучных, медицинских, правовых знаний и поэтому не удовлетворяло растущую потребность общества в знаниях такого рода.

Как уже отмечалось, вторая схоластика знаменовала собой обновление католицизма и возвышение на европейской интеллектуальной арене ордена иезуитов. Однако в XVII в. авторитет иезуитов и их системы образования значительно пошатнулся. Аристотелизм, хоть и в доработанной версии Фомы Аквинского, перестал удовлетворять новых философов. Зарождавшийся новоевропейский рационализм постепенно вытеснил схоластическую философию. Место аристотелизма занимает деизм, который оставляет Богу только роль перводвигателя. Все эти процессы в конечном счете привели к становлению просветительской философии.

Эпоха Просвещения в Европе датируется 2-й пол. XVIII в. – нач. XIX в. Сам просветительский проект, возникший во Франции, претерпел разнообразные локальные трансформации. Прежде чем просветительская философия укрепила свои позиции на белорусских землях, прошел длительный период изменений в рамках самой схоластики. Идеи новой науки, появившиеся в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой благодаря активному изучению философами и учеными достижений западной мысли, поставили перед необходимостью кардинально менять ситуацию в рамках своего национального интеллектуального пространства. Еще с сер. XVII в. происходят значительные изменения в структуре схоластических курсов, куда активно проникает естествознание, постепенно вытесняя теологию. Здесь особо следует отметить творчество таких мыслителей, как Адам Кмициц, Илья Копиевич, Антоний Скорульский и Бенедикт Добшевич. Не являясь, по сути, просветителями, своим творчеством они, тем не менее, способствовали распространению просветительских идей в Беларуси.

Непосредственно начало Просвещения в Беларуси связано с деятельностью Станислава Конарского, целью которого было распространение демократических идей Просвещения. Его программа «Collegium Nobilium», обнародованная в 1755–1756 гг., положила начало перелому в преподавании философии.

Говоря о Просвещении в Беларуси, исследователи выделяют три периода его развития: ранний, классический и поздний. Представителем раннего Просвещения является Казимир Нарбут. Его идеи, собственно, и определили содержание раннепросветительской философии в Беларуси. Одна из задач Нарбута – обоснование свободы философии от религиозного догматизма. Нарбут говорил о необходимости пользоваться только собственным разумом в познании, который в состоянии самостоятельно, без каких-либо ссылок на догмы и авторитеты, отыскивать истину. В то же время Нарбут

говорит о том, что разум может ошибаться, однако он должен уметь признавать и исправлять свои ошибки. Делом разума является поиск истин и знаний, которые должны способствовать решению практических проблем человеческого общества. Поэтому Нарбут критикует и отрицает предшествующую традицию за отсутствие практической ориентации.

Таким образом, говоря о специфике раннепросветительского типа философской культуры, отметим то, что ее основу составляет критика средневековой схоластической философии, а также попытка обосновать значимость естественнонаучного знания в ситуации противоборства с теологией.

Вместе с освобождением философии от схоластики приходит и новое понимание предмета философии. Философия перестает быть отдельной сферой знания, а тесно сближается с естествознанием, политикой, экономикой. Такое понимание философии характерно для классического периода Просвещения, представителями которого в Беларуси были физиократы. Основателем физиократизма считается французский экономист Франсуа Кенэ. Главная идея физиократов заключалась в том, что благодаря познанию законов природы и общества можно изменить экономику любой страны и обеспечить благополучие граждан. Эти идеи были подхвачены мыслителями Речи Посполитой, которые надеялись, что применение физиократической теории на практике поможет вывести страну из состояния кризиса.

В результате реформ Образовательной комиссии физиократизм стал единственной философской школой в Беларуси и Литве. Как отмечают исследователи, он вытеснил не только традиционные схоластические курсы, но и новоевропейскую философию. Это стало основанием изъятия курса философии из университетских программ. Ее рассматривали как устаревшую форму знаний, которая должна быть преодолена в рамках нового оптимистического миропонимания.

Наиболее значимым представителем школы физиократов в Беларуси является Иероним Стройновский. Среди его заслуг – открытие кафедры права в Виленском университете. В своем трактате «Наука естественного и политического права, экономической политики и права народов» философ рассматривал вопросы, которые выходили за рамки физиократизма. Основной интерес для мыслителя представляли проблемы общественного и государственного правления. Он предпринял попытку обосновать свои идеи с точки зрения естественного права и естественного порядка вещей. Социальное и государственное устройство должны соответствовать идеалам разума.

Позднее Просвещение является наиболее плодотворным и значимым периодом. Данный период характеризуется постепенным спадом и закатом просветительской философии. В это время появляются романтики, философия романтизма, что вынуждает просветителей активнее защищать свои идеи и убеждения. Философия позднего Просвещения является своеобразным итогом достижений предшествующей мысли. Однако это не только итог, но и пик расцвета просветительской философии, время, когда возникает рефлексия над собственным интеллектуальным наследием. Появляется

потребность не просто перенимать и внедрять достижения западноевропейского Просвещения, но и формировать собственную национальную философию. Отсюда проистекает обращение к истории философии и науки, возникает полемика по поводу наследия западноевропейского Просвещения. В творчестве Яна Снядецкого и Аниола Довгирда наиболее ярко отразилась данная установка. Свою позицию они формулируют, критически осмысливая и сопоставляя свои взгляды с кантовской философией и всей идеалистической традицией. Под сомнение ставится, с одной стороны, абсолютная уверенность просветителей в возможности познания вещей как они есть сами по себе, а с другой – агностицизм. С позиций материализма, рационализма и эмпиризма данные мыслители пытаются преодолеть ограниченность просветительского подхода к разуму, вплетая свои рассуждения в русло европейской критической традиции. Таким образом, центральной проблемой, которая определяет содержание данного периода, является проблема познаваемости мира и границы возможностей разума.

Если говорить о белорусском Просвещении в целом, то следует отметить, что, несмотря на значительную зависимость от западной философии, белорусские философы разрабатывали свои оригинальные концепции, направленные на решение проблем, поставленных перед ними современным им обществом. Несмотря на определенные различия в трактовках разума, он, так или иначе, мыслится как главный инструмент познания. При этом важно подчеркнуть, что просветители утверждают идею социальной, культурной и политической обусловленности разума, его исторической ограниченности. Несмотря на существование границ познания, просветители верят, что объективное изучение общества и природы, осуществляемое с помощью разума и точных методов, должно стать основой целенаправленного изменения мира и общества.

XVIII в. для Беларуси – это время новых политических идей. Видные деятели той эпохи, считали, что рациональная организация экономики, политического управления, защита прав и свобод человека станет общим делом всех настоящих граждан и патриотов своей страны. «Павловская республика» П. К. Бжостовского, реформаторская деятельность А. Тизенгауза в Гродно, работа в составе Образовательной комиссии И. Хрептовича и католического епископа И. Масальского, правозащитная деятельность православного епископа Г. Конисского – все это свидетельства того, насколько весомой может быть деятельность интеллектуалов. Активная общественная и политическая деятельность наших знаменитых соотечественников показывает пример служения своему народу и своей стране, достойный всяческого восхищения и подражания.

Под гражданскими добродетелями в XVIII в. понимали активную политическую и общественную позицию граждан: защита «прав диссидентов» Г. Конисским, социально-экономические модернизации (И. Хрептович, П. Бжостовский, А. Тизенгауз), научно-просветительскую деятельность (К. Нарбут, Ф. Папроцкий), организацию фонда поддержки публичного образования (И. Масальский) и даже революционную активность (Т. Костюшко,

Я. Ясинский, И. Еленский). Гражданские добродетели определяются ответственностью за судьбу страны и общества.

Дальнейшее развитие философии в Беларуси было связано с критикой Просвещения. В недрах самого Просвещения начали переосмысливаться основные категории, которыми оперировали просветители. Эпистемологическая проблематика, активно разрабатываемая Просвещением, сменяется антропологической, что опять-таки явилось результатом нового понимания разума и философии. На место универсального разума приходит исторический, обусловленный определенной культурой и традицией. Наряду с активным развитием естественных наук начинаются исследования в области этнографии, истории, политики, права.

Следующая эпоха знаменует собой становление романтизма, критически относящегося к наследию Просвещения. Значимым становится не покорение природы, а поклонение ей, не индивид, служащий целям общества, а личность, уникальная в своей единичности.

2.2.4. Развитие философской мысли Беларуси в XIX – нач. XX вв.

XIX век в истории развития Европы – это период выхода на историческую сцену наций-государств, так называемая эпоха нациостроительства. Белорусские земли в этот период входили в состав Российской империи, и среди белорусских мыслителей существовали различные мнения относительно будущего народа. Уже в эпоху Просвещения, названную «веком разума», философы пытались отыскать некие универсальные законы развития как природы, так и общества. Просветители в поисках различных моделей устройства общества стали обращаться к истории, обнаруживая, что разум также имеет историческую природу, меняется и развивается. Данный факт ставил под сомнение претензии разума на универсальность. Таким образом, внутри самого Просвещения происходили процессы, которые затем повлекли за собой его отрицание и начало новой эпохи – эпохи романтизма.

Романтизм, как известно, наиболее ярко представлен в искусстве, особенно в литературе. Возникнув первоначально в Германии как оппозиция классицизму, это литературное течение получило распространение и в других странах. Наряду с новым эстетическим мировосприятием, романтизм нес в себе и определенное философское мировоззрение. Строгим и застывшим философским системам просветителей была противопоставлена живая и чувственная литература.

Следует отметить, что романтизм относится к числу наименее изученных явлений в белорусской духовной традиции. Лишь недавние исследования И. М. Бобкова позволили выделить романтизм в отдельный этап развития отечественной философской мысли. Он отмечает, что в эпоху романтизма происходит смена приоритетов в иерархии философского знания. На первое место выдвигаются проблемы нарождающейся философской антропологии.

Если просветителей интересовал человек как таковой (т.е. в аспекте его общих, родовых качеств), то романтиков занимали проблемы личности, героя, гения, вопросы тайны и смысла жизни.

Обращение к собственным корням и традиции – особенность белорусского романтизма. Мыслители этой эпохи обнаруживают для себя новый объект исследования – народ и его историю. Особо следует отметить Зориана Доленга-Ходаковского. обстоятельно исследовав прошлое славянских народов, он выдвинул идею, что настоящая история народа кроется «под крышей дома крестьянина», а «там, в дыму, что вьется над головой, живут еще старые обряды, поются давние песни и среди простых танцев слышны имена забытых богов». Это означало, что не высокая и застывшая культура шляхты и магнатов является значимой, а самобытная культура народа, в которой проявляется подлинный дух места и времени. Начинания Доленга-Ходаковского оказались затем весьма важными для развития белорусской этнографии.

Но, несомненно, ключевой фигурой эпохи романтизма является Адам Мицкевич. Для белорусского, польского и литовского народов он стал символом национального пробуждения. Свое мировоззрение поэт изложил в «Книгах польского народа и пилигримства», которые были написаны под явным влиянием религиозной идеологии. В этой работе Мицкевич обращается к теме родины и свободы. Развитие народов он рассматривает как историю освобождения от гнета идолов. Иисус Христос стал для него символом свободы, началом освобождения. Но идолы не исчезли навсегда; в его время их олицетворениями стали правители трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Османской. Стать вестником новой борьбы, по мнению Мицкевича, суждено польскому народу, который был расчленен разделами Речи Посполитой, но не умер и дожидается своего часа. Таким образом, во взглядах Мицкевича прослеживается идея мессианизма – направления, в котором развивались различные варианты реформирования мира, так или иначе связанные с библейским сюжетом о втором пришествии Христа.

Особую роль в развитии белорусского романтизма сыграло общество филоматов (затем переименованное в общество филаретов), организованное Адамом Мицкевичем совместно с Томашем Заном, Яном Чечотом и другими студентами Виленского университета. Некоторые исследователи рассматривают деятельность данного общества как исток национального возрождения, поскольку среди его главных политических задач было освобождение земель Речи Посполитой от власти Российской империи. Одним из инструментов достижения этой цели филоматы считали народное просвещение.

Романтизм как культурное явление и интеллектуальное течение развивалось в определенных социально-политических условиях. Как уже отмечалось, это был период пробуждения наций, в том числе и белорусской. В XIX в. мы обнаруживаем по крайней мере три белорусских национальных проекта: литвинский, белорусский и «западнорусистский». Западнорусизм рас-

смачивает территорию Беларуси как часть восточнославянских земель и соответственно, делает акцент на православии и русском характере народа. Литвинский проект в центр своего внимания помещает Великое Княжество Литовское и ставит перед собой задачу его возрождения. И впервые в рамках белорусского проекта возникает идея Беларуси. Территория, которая входила в состав ВКЛ, Речи Посполитой, а затем Российской империи, впервые получает собственное название, а народ, населявший эту землю, впервые рассматривается как самостоятельный и имеющий право на независимое существование. Начало этого проекта связано с творчеством Яна Барщевского, Франтишка Богушевича и Винцента Дунина-Мартинкевича, а также с деятельностью Кастуся Калиновского. Творчество данных мыслителей не вписывается в рамки привычного способа философствования, но по своему существу это была философская мысль, выраженная в литературной форме, а главным объектом размышлений выступал народ и особенности его культурного и исторического развития.

Этот проект впоследствии станет идеологической основой культурно-просветительных и политических программ пробуждения и освобождения белорусского народа. Роль новой интеллектуальной элиты взяла на себя разнородная интеллигенция. Она впервые увидела в крестьянском народе огромную силу, способную противостоять русификаторской политике царского правительства. Этот народ также виделся им потенциальным ядром будущей белорусской нации. Но прежде его следует «разбудить» и просветить, вывести из летаргического состояния. Европейские теории «естественного права», «общественного блага», верховенства разума, воплощенного в праве, прочно вошли в самосознание белорусской элиты, и получили отражение в критической литературе XIX в., в программных документах различных демократических и революционных организаций.

Что касается тех работ, которые непосредственно можно отнести к философским, то здесь следует отметить эссе Игната Абдираловича (Кончевского) «Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду», изданную в 1921 г. Основная проблема, которую пытается проанализировать Абдиралович, – это поиск собственных путей развития белорусского народа.

Идею самобытности нашей культуры развивал классик белорусской литературы Максим Богданович. В своей известной работе «Белорусское Возрождение» (1914) Богданович постулировал право белорусов на самостоятельное существование.

Следует отметить, что духовные устремления белорусской интеллигенции, в том числе поэтов и прозаиков начала XX в. оказали мощное влияние на развитие национального самосознания. В творчестве многих белорусских писателей содержатся глубокие философские идеи, в которых фиксируется специфика мировоззрения и социального характера, свойственных белорусам.

В советский период белорусской истории философская мысль прошла непростой путь эволюции. И несмотря на все проблемы и противоречия этого пути, следует отметить, что отечественная интеллектуальная традиция не

только сохранилась, но и была обогащена. Ее связующей нитью стала история философской мысли Беларуси. Изучение и реконструкция белорусской философии может рассматриваться как своеобразная творческая лаборатория анализа особенностей развития национального самосознания и поиска маркеров национальной идентичности.

В настоящее время как в философском, так и социально-политическом дискурсе в Беларуси большую роль играют два доминирующих тренда: европейский (который имеет основательную укорененность в белорусских текстах начиная с эпохи средневековья) и русскоязычный (российско-советский). Вместе с тем по сравнению с эталонными (выстроенными и многократно отрефлексированными) философскими традициями стран-соседей белорусская философская культура является в большей степени усваивающей, чем изобретающей, но при этом она практически и публично ориентирована, открыта, обладает несомненной динамичностью и способностью к росту.

2.3. Развитие гносеологической и естественнонаучной проблематики в философской мысли Беларуси

При рассмотрении истории формирования гносеологической и естественнонаучной проблематики в Беларуси выделяют два основных периода. Первый период с XI в. по XVII в. включает в себя эпохи Средневековья, Возрождения, Реформации и Контрреформации. Второй охватывает конец XVII и XVIII столетие. Он включает в себя этап формирования эклектической философии и эпоху Просвещения. Эти два периода являются неравнозначными как с точки зрения длительности, так и содержания.

XI–XVII вв. – это время безраздельного господства религиозного мировоззрения, которое на белорусских землях было представлено тремя основными конфессиями: православием, католицизмом и протестантизмом. Гносеологическая проблематика, проблемы экспериментального естествознания были, по понятным причинам, на периферии философского мышления. Христианская традиция того времени и богословы ориентировали человека не на познание законов природы, а на усвоение аристотелевских текстов, в которых, как тогда считалось, содержатся все ответы на естественнонаучные вопросы. С течением времени в средневековой Европе сформировалось уникальное интеллектуальное пространство, единое в своей приверженности аристотелизму.

С XI в. Беларусь также начинает присоединяться к этому пространству. На ее территорию проникают идеи Аристотеля в их христианской интерпретации, а также тексты других античных авторов. Каналом проникновения существовало, по крайней мере, три. Первый – болгаро-византийский. Через него транслировались философские категории и понятия, общая матрица рассуждений, которые были восприняты белорусскими мыслителями и так или иначе развивались ими впоследствии. Вторым и гораздо более мощным каналом ассимиляции наследия античных философов (после вхождения белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского) стал западноевропейский. Бла-

годаря миссионерской деятельности католических священников, получения молодежи ВКЛ образования в западных университетах, античная традиция укоренилась в виде схоластики. Третьим каналом стала арабо-еврейская традиция. «С 60-х–70-х годов XV века в границах ВКЛ на старобелорусском языке появляются переводы и компиляции различных логических, астрологических и естественнонаучных трактатов, а также апокрифических текстов, которые не имели ничего общего с традиционной греко-византийской литературой аналогичного рода. <...> Как правило, это памятники арабской литературы философского, астрологического и медицинского характера, которые прошли еврейскую обработку. С одной стороны, они имели научно-познавательный характер, а с другой – предсказательно-астрологический»¹⁰².

Среди основных текстов, из которых белорусские мыслители получали сведения о философских и естественнонаучных представлениях Аристотеля, следует упомянуть «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Автор данного произведения опирается на наработки Василия Великого и Севериана Говальского. В «Шестодневе» содержались сведения по астрономии, ботанике, зоологии, физиологии человека, которые являлись пересказом идей Аристотеля. Аристотелевские идеи также содержатся в «Изборнике 1073 года». Средневековые белорусские мыслители впервые получили возможность оперировать такими категориями, как сущность, явление, природа, случайность и некоторыми другими.

Позднее основным источником сведений о природе стал корпус текстов псевдо-Аристотеля «Проблемы Аристотеля» («Problemata Aristotelis»). Этот трактат являлся сборником фрагментов из сочинений самого Аристотеля, сюда входили отрывки из «Истории животных» и «О происхождении животных». В нем также можно было обнаружить цитаты из трудов других античных авторов (например, Александра Афродизийского, Плутарха). «Проблемы Аристотеля» представляли, по своей сути, не научный трактат, а своеобразный учебник-справочник, из которого читатель мог почерпнуть необходимые ему знания медицинского и астрологического характера, здесь содержались сведения по физиологии, физиогномике, анатомии, а также о лечении травами и минералами.

В Европе существовало несколько вариантов «Проблем Аристотеля», а в Речи Посполитой перевод этого произведения появился только в 1535 г. и был осуществлен Андреем из Кобылина, который также был известен под именем Глабер. Глабер воспользовался латинской версией, имевшей распространение в Европе, и добавил к ней переводы из других средневековых учебников. В предисловии к переводу Глабер анализирует стремление человека к познанию и говорит о том, что желание познавать и что-то уметь является естественной потребностью человека. Чем больше человек движется к совершенству, тем сильнее он хочет равняться на высшее и бессмертное существо – Бога. Науки являются способом, с помощью которого человек может совершенствовать свою

---

¹⁰² Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха Сярэднявечча. Мінск : Беларуская навука, 2008. С. 416.

душу. Среди всех наук наиболее важной является, по мнению Глабера, философия, поскольку она учит обо всех вещах с точки зрения первой причины – Бога, благодаря чему человек и устремляется к нему¹⁰³.

Далее он указывает, что для понимания того, что написано в книге, необходимо знать, что человек обладает двумя видами познания: чувственным (внешние чувства) и рациональным (внутренние чувства), хотя их нельзя рассматривать отдельно. Чувственное познание человек получает от внешних органов чувств, таких как зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Внутренние чувства, как называет их Глабер, находятся в мозге, к ним относятся, во-первых, чувство, с помощью которого человек среди общего в вещах может выделить особенное, во-вторых, фантазия и мышление, затем идет суждение, а в задней части мозга располагается память¹⁰⁴. В целом следует отметить, что трактат, переведенный и переработанный Глабером, для Речи Посполитой был новаторским, поскольку читатель впервые мог читать книгу, которая не была посвящена христианской морали, а скорее относилась к естествознанию и философии.

Схоластическая традиция XVII в. отличалась обилием религиозно-морализаторских и полемических сочинений, критики в адрес естествознания. Важнейшим центром религиозной схоластики стала Виленская иезуитская академия. В конце XVII в. наиболее известным схоластом был Войцех Тылковский (1624–1695), профессор Виленской иезуитской академии, руководитель папской семинарии в Вильно. Работы Тылковского «Занимательная философия» и «Научные беседы, содержащие в себе почти всю философию» пользовались огромной популярностью в Речи Посполитой и Европе в целом. Сочинения Тылковского были главным источником естественнонаучных знаний для иезуитской интеллектуальной элиты. В.Тылковский ставил в своих работах такие традиционные для европейского средневековья «научные» проблемы, как: может ли дерево говорить и на каком языке, могут ли существовать звери без голов, могут ли ангелы бросать камни, может ли собака стать козой и т.д. В разделе «Метафизика» Тылковский задает вопрос: «Что делал Бог в течение многих лет, прежде чем сотворил мир?» и отвечает: «Любил самого себя». Рассматривает он и космологические вопросы: «Некоторые учат, что в центре мира находится Солнце, а Земля вокруг него вращается, но это мнение осуждено Святой церковью... Если бы Земля вращалась вокруг Солнца, то строения и люди отлетали бы от нее точно так, как отлетает все то, что кладут на мельничный камень. Вращение же звезд и планет полностью находится в ведении ангелов»¹⁰⁵.

Анастазы Людвиг Керсницкий (1673–1733) в своих сочинениях также продолжает схоластическую традицию. Керсницкий родился в д. Гольшаны Ошмянского повета, учился в Вильно и Пинске, преподавал в иезуитских коллегиях Гродно, Варшавы, в Виленской Академии. Керсницкий настаивает на

¹⁰³ Andrzej z Kobyłina. Gadki o składności członków człowieczych. Krakow, 1893. S. 7–8.

¹⁰⁴ Там же. С. 8–9.

¹⁰⁵ Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии. Минск, 1973. С.139–150.

тезисе о божественном вмешательстве в деятельность людей. Посредством ангелов Бог направляет развитие событий: ангелы обратили в бегство запорожских бунтовщиков, осадивших Слуцк, король Казимир выиграл битву, вдохновленный ангелами... и т. д.

Темы космологии и причин человеческой деятельности волновала и иезуита Яна Пошаковского (1686–1757). Он руководил Слуцкой и Несвижской иезуитскими коллегиями и его важнейшие сочинения были написаны в Несвиже. Популярностью у широкого читателя пользовались его календари, издававшиеся с 1735 по 1749 годы в Вильно и Варшаве. В «Историческом и политическом календаре на 1739 г.» Я. Пошаковский критиковал гелиоцентрическую систему Н. Коперника и утверждал, что мир состоит из неба и Земли, Земля стоит посреди неба и не может двигаться, Солнце пробегает каждую минуту 4320 миль. Продолжая традицию европейской патристики о примате веры над разумом, Пошаковский предупреждал читателей о том, что Бог может больше совершить, чем мы можем понять и что полагаться лучше на веру, а не на разум. Я. Пошаковский утверждал, что в возникновении безбожия и атеизма виноваты люди своевольные, развратные, впавшие в безумие, так как нет ни одного здравомыслящего человека, разум которого смог породить идею, отрицающую существование Бога.

Первая половина XVIII в. отмечена появлением антисхоластических настроений. Некоторые мыслители данного периода сознательно дистанцировались от религиозного мировоззрения, что порой вызывало подозрения в их приверженности атеизму. Но к середине XVIII в. устанавливаются компромиссные отношения между схоластикой и так называемой философией «новых» (*philosophia resentiorum*). В это время возникает интерес к проблеме гелиоцентризма и к учению Николая Коперника. Идеи, выдвинутые Коперником, в течение долгого времени активно критиковались его оппонентами. Во-первых, из-за их несоответствия библейским текстам, во-вторых, в силу противоречия свидетельствам органов чувств и, в третьих, они не соответствовали церковной доктрине об исключительном статусе Земли в мироздании. Тем не менее, благодаря настойчивости Дж. Бруно, Галилея и их последователей гелиоцентризм постепенно был признан в Западной Европе. В Беларуси же новые идеи приживались с большим трудом, поскольку система образования контролировалась иезуитами, оставшимися приверженцами традиционных (т.е. геоцентрических) взглядов на мир. Однако с течением времени и сюда также стали проникать новые открытия и идеи. Психология, физика, география выделелись в отдельные отрасли исследования, что способствовало распространению естественнонаучных знаний.

В XVII в. упоминание имени Коперника в Речи Посполитой встречается крайне редко. Только с 30-х годов XVIII в. белорусские мыслители начинают более или менее обстоятельно рассматривать его учение, хотя в большинстве случаев как ошибочное. Так, А. Я. Цукерман в качестве примера приводит курс, прочитанный И. Лукьяновичем в Гродно в 1737 г., в котором содержался раздел

по астрономии. В этом разделе дается описание трех систем мира: Птолемея, Николая Коперника и Тихо Браге. Учение Коперника при этом отвергалось, но само изложение его взглядов в данном курсе способствовало знакомству с ним все большего количества слушателей. Позднее С. Новицкий в своем курсе лекций в 1753 отмечал, что система Птолемея устарела и противоречит данным астрономических наблюдений и законам механики, и что им соответствует система Коперника, но вместе с тем она не может быть принята в силу противоречия Библии. Из этого мыслитель заключает, что необходимо принять систему Браге, так как она представляет собой компромиссный вариант.

Наиболее полно распад схоластического мировоззрения, с одной стороны, и формирование новых философских и естественнонаучных взглядов, – с другой, проявился в творчестве философов-эклектиков – Антония Скорульского, Бенедикта Добшевича и Станислава Шадурского. Эклектическая философия, по сути, остается еще преемницей средневековой традиции, однако в ней уже формируется критическое отношение к некоторым положениям теологии, а порой и отказ от них.

Белорусские земли находились достаточно далеко от центра интеллектуальных дискуссий, поэтому здесь не было открытого и резкого противостояния философии и теологии. Новые идеи принимались осторожно, с сомнениями и оговорками. Так, С. Шадурский и Б. Добшевич в своих работах критиковали воззрения великого голландского философа Бенедикта Спинозы, которые, как известно, серьезно подорвали интеллектуальный авторитет схоластики в университетах Европы.

В основе эклектического направления лежало мировоззрение, бывшее, по сути, обновленной версией средневековой доктрины, основанной на незыблемой иерархии библейских знаний и ценностей. Главные изменения в ней касались статуса Бога. Если ранее делался акцент на понимании Всевышнего как творца, который постоянно и непрерывно участвует в судьбах мира и человека, то в Новое время Бог понимается по аналогии с механиком. Его главная функция – привести сотворенный им мир с присущим ему божественным порядком в движение посредством «первотолчка». А затем Всевышний как бы «самоустраняется». Мир, природа, таким образом, развивается уже самостоятельно, а Бог лишь гарантирует незыблемость такого мироустройства. Подобная точка зрения называется *деизмом*.

В 1755 г. в Вильно вышла в свет книга Антония Скорульского «Комментарии философии, это значит логики, метафизики и физики». В ней он последовательно излагает логику, физику и метафизику, а также систематически рассматривает естественнонаучные и философские идеи. Но при этом Скорульский подчеркивает основополагающее значение истин Священного писания в истолковании действительности. Так, он критически оценивает идеи атомистов, от Демокрита и Эпикура до Гассенди. «Мы отрицаем систему атомистов и в изложении Эпикура и исправленную Гассенди, поскольку, кроме того, что Эпикур недостаточно обосновывает (атомов) неделимость, кажется, что они оба неправы, когда приписывают им движущую си-

лу, (будто бы) им метафизически свойственную (*intimat*); потому как эта идея активной силы (*virtus activae*) обычно противопоставляется идее инертной материи – которая бы не имела строения и разновидности; вывести все состояния только из одного строения частиц – это было бы даже неудобно»¹⁰⁶. Скорульский также полагал, что мир не является бесконечным в пространстве и времени, а находится в границах, обозначенных творцом. В обосновании этих идей Скорульский ссылается на Святого Августина, а также Пифагора, Платона. В целом, Скорульский ставил под сомнение большинство достижений новой науки, особенно идеи Николая Коперника.

Компромиссные тенденции отчетливо видны и в философии Бенедикта Добшевича. В 1760 г. он издал книгу на латинском языке «Идеи новых философов», в которой подробно рассмотрел взгляды Гассенди, Декарта, Галилея. В 1761 г. вышел его главный труд «Лекции по логике». Хотя философия Б. Добшевича еще связана со схоластической традицией, в ней уже отчетливо просматривается интерес автора к новоевропейской философии и естествознанию. «Философия, – писал Добшевич, – всегда и повсюду тесно связана с математикой. Если бы мы хотели лишить философию этой ее основы – математики, это, по сути, означало бы не что иное, как выступить против самой ее природы. Лишить философию ее математической основы равносильно тому, что, скажем, пробовать ходить без ног»¹⁰⁷. Добшевич не только делал акцент на естествознании, но настойчиво искал связь философии, логики и естествознания. Анализируя те или иные аспекты логики, Добшевич нередко прибегал к помощи математики, используя ее в качестве комментариев к положениям логики. Отстаивая позиции рационализма, Добшевич принимал в качестве критериев познания принципы ясности и очевидности, которые были предложены Декартом.

В своем учении об истине Добшевич выделял три ее вида: логическую, метафизическую и моральную. Соответственно им выделялись три вида познания: историческое, философское и математическое. Под историческим он понимал познание фактов, их восприятие; философское познание устанавливает причину и основу существования предметов; математическое – причину количественных соотношений.

Наряду с эклектическим в это же время появляется и антисхоластическое направление в философии. Представители этого направления принципиально отрицали возможность какого-либо консенсуса между схоластикой и новой философией. Более того, они выступали против преподавания схоластики и схоластической логики в учебных учреждениях. Такая позиция была четко сформулирована в работе А. Верней «О предмете логики», которая вышла в свет в Вильно в 1764 г. Верней выступал и против теории врожденных идей Декарта. Он был сторонником сенсуализма, а высшим философским авторитетом считал Локка. Картезианский принцип «*cogito*

¹⁰⁶ Доросевич Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. Минск : Наука и техника, 1971. С. 25.

¹⁰⁷ Там же. С. 31.

ergo sum» сменяется им на новый – «se esse esse cogitantem» («быть, значит быть мыслящим») ¹⁰⁸.

Таким образом, процесс формирования новой философии шел постепенно, через компромиссы, полемику, критику, а затем ассимиляцию новых идей и включения их в программы учебных заведений.

Начало эпохи Просвещения в Беларуси связано с деятельностью белорусского философа Казимира Нарбута, хотя многие исследователи считают его переходной фигурой от эклектической философии к просветительской. Будучи педагогом и ученым, первым философом белорусского Просвещения, К. Нарбут призывал учеников опираться на опыт и наблюдения, а не на авторитеты прошлого. «Каждый, кто не желает допускать ошибки, должен подвергать критическому анализу чужие мнения и суждения, от кого бы они не исходили». Нарбут критикует оторванность философии от практического знания и видит ее цель в решении общественных и научных проблем, ссылаясь на идеи Декарта, Локка, Ньютона. Из научно-философского наследия Нарбута до наших дней дошло несколько конспектов лекций, которые были им прочитаны в Домбровице в коллегии на латинском и польском языках, и несколько сочинений, изданных в Вильно.

Размышления Нарбута о познавательных способностях человека отражены в его работе «Логика, или наука о размышлениях и рассуждениях» (1769). В «Логике» Нарбут пишет о том, что философия есть знание или наука о Боге и всех материальных вещах. При этом он замечает, что данное определение, которое он заимствовал у немецкого философа Христиана Вольфа, является правильным: «Такое определение является полезным и истинным, ведь человек, видя ее (философии – авт.) широкие границы и не имея достаточных знаний о вещах, будет идти дальше и искать каждый раз больше, зная, что может его ум и чего требуют вещи. Кажется, что за столько столетий философия не имела значительных итогов, не была даже увеличена, зато удерживалась в очень узких границах, была слишком очерченная и неправильно познанная. Как только несправедливые границы были сняты, сразу много нужных вещей к философии прибыло и ежедневно прибывает» ¹⁰⁹.

Логике Нарбут определяет как науку, которая учит познанию и достижению истины и дает необходимые для этого правила. Логика делится на врожденную и искусственную. Врожденная логика проявляется в умении людей видеть какой-то натуральный порядок вещей и даже находить ошибки во мнениях других людей, но при этом человек может и не осознавать, какими правилами при этом пользуется. Каждый человек от рождения имеет свои умственные способности, потому одним рассуждать о вещах легче, чем другим. Но кроме собственно врожденной логики существует и логика приобретенная, «искусственная», которая возникает в результате сознательной тренировки ума.

¹⁰⁸ Там же. С. 40.

¹⁰⁹ Kazimierz Narbutt. *Logika czyli nauka o rozważaniach i rozsądzaniach*. Wilno, 1769. R. I §2.18.

Искусственная логика следует из потребности более точного познания вещей. Поскольку мир предстает перед человеком неупорядоченным и разнообразным, то врожденной логики подчас не хватает, чтобы достигнуть истины. Потому искусственная логика – это знание законов правильного мышления и суждения о вещах. Задача логики – дать правила, необходимые для достижения истины и избегания ошибок. Истину Нарбут определяет как «соответствие представления либо суждения самой вещи, которая сообщается через выражение либо мнение. Ложью является несоответствие представления или суждения представленной вещи»¹¹⁰. Для того чтобы получать истинные суждения, Нарбут и предлагает держаться определенных правил, которые он называет «критикой».

В общем, для Нарбута характерно понимание разума как исторического явления, потому его можно исправлять и совершенствовать посредством самого же разума, который способен устанавливать себе цели и сознательно избегать ошибок. Это самосовершенствование разума является основанием развития философии и знания.

Источником наших знаний, по Нарбуту, является опыт, который делится на внешний и внутренний. Отсюда берут начало все наши идеи. Приоритетным, по его мнению, является внешний опыт, который связан с ощущениями, а затем только появляются какие-то внутренние переживания и идеи душевной деятельности. Опыт и умозаключения – это единственные методы точного и безошибочного познания.

В вопросах гносеологии Нарбут солидарен с требованием Декарта о необходимости избавления философии от ошибочных представлений и предрассудков. Но при этом он смягчает методологический радикализм Декартова принципа сомнения. Нарбут полагал, что сомнение, безусловно, является важным и необходимым компонентом познания, но должно быть умеренным, а в тех случаях, когда человек сталкивается с тайнами божественного промысла, оно и вовсе неуместно.

Таким образом, творческая деятельность Нарбута стала важной вехой в развитии философского и научного знания в Беларуси и оказала серьезное влияние на учеников и последователей.

Одним из продолжателей просветительской традиции в Беларуси стал уроженец Могилевщины, выдающийся философ Аниол Довгирд. Наибольшее влияние на формирование его философского мировоззрения оказали идеи Ф. Бэкона, Д. Локка и Э. Кондильяка.

В своем творчестве Довгирд большое внимание уделял проблемам гносеологии и логики. Логику Довгирд трактовал достаточно широко. В его понимании эта наука поглощает теорию познания, а также важнейшие проблемы психологии. Она является главной составной частью философии, должна предшествовать ей и направлять ее и другие науки. Логика, по словам философа, «есть наука мышления, взятого в его наиболее общем применении, или нау-

---

¹¹⁰ Там же. R. II §1.44.

ка мышления о всех без исключения предметах человеческого познания, которое только может быть»¹¹¹. Однако логике предшествовали экспериментальные и опытные науки: «Известно, что люди гораздо раньше мыслили и находили истину в различных предметах своих поисков с помощью самой природы, чем появилась логика или наука общего мышления. Гораздо ранее рассуждали, чем начали говорить или писать о правилах рассуждения. В общем, легко понять, что наука общего мышления не могла возникнуть не из чего иного, а только из анализа частных истин и частных наук, открытия которых должны были ей предшествовать»¹¹².

До открытия законов логики люди успешно применяли эти законы в практической жизни. Они обладали естественной логикой, как говорит Довгирд, и только с течением времени, накоплением и обобщением огромного опыта у них появляется искусственная логика, или логика как наука. Естественная логика дана самой природой в виде способности различения истины и лжи.

Взаимоотношение логики и естественных наук Аниол Довгирд видит следующим образом: логика является лишь методом познания для остальных наук, ни в коем случае не подменяя последние. Логика, по словам философа, «не ставит себе целью извлечение каких-либо конкретных сведений, но дает лишь способы их последовательного приобретения во всех отраслях одного и того же человеческого познания, то есть познания всего мира. Поэтому добротность правил логики может быть доказана лишь путем их верного применения»¹¹³. Логика должна лишь помогать конкретным наукам в разыскании истины. И в свою очередь она обогащается за счет открытий частных наук.

Оценивая философские воззрения Довгирда в целом, следует отметить, что его идеи оказали существенное влияние на укрепление позиций рационального мышления в Беларуси.

Среди философов-просветителей Речи Посполитой наибольшей известностью пользовался Ян Снядецкий. Это был человек, в круг интересов которого входили математика, естествознание, литературная критика, философия, астрономия. Такое разнообразие интеллектуальных запросов, в принципе, соответствовало духу эпохи.

В 1807 году Снядецкий был назначен ректором Виленского университета. Благодаря его стараниям при университете был открыт ботанический сад, основана ветеринарная школа, анатомический театр, учреждены магистратура и научно-педагогический совет¹¹⁴. За время своей преподавательской деятельности им написаны учебники по алгебре, тригонометрии и географии на польском языке. После освобождения от должности ректора Снядецкий возглавил астрономическую обсерваторию при университете.

¹¹¹ Дорощевич Э. К. Аниол Довгирд – мыслитель эпохи Просвещения. Минск, 1967. С. 71.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 72.

¹¹⁴ Brzozowski, S. Jan Śniadecki: życie i dzieła / S. Brzozowski. Warszawa : Arct, 1904. S. 58.

Среди главных философских работ Снядецкого – «Трактат о немецкой философии», «Философия человеческого разума». Снядецкий являлся представителем эмпиризма и сенсуализма в философии, а также последователем шотландской философии здравого смысла. Главным источником знаний, по мнению Снядецкого, служат чувства. Поэтому человек не может познавать вещи вне зависимости от чувств. Единственное, что мы можем знать о вещах, – это то, как они предстают перед нами, благодаря чувствам. Таким образом, человек познающий всегда имеет дело с миром явлений и взаимоотношений между ними, а также с правилами их познания. Основу любой науки, по Снядецкому, составляют наблюдение и опыт, с помощью которых накапливаются новые факты о тех или иных вещах. Любая наука в качестве предмета выбирает определенный фрагмент реальности и пытается отыскать среди исследуемых феноменов тот, из которого можно было бы вывести все остальные. Только определив такой феномен, наука становится организованной.

Творческое наследие Яна Снядецкого оказало большое влияние на многих белорусских ученых, среди которых следует упомянуть Анджея Снядецкого, Винцента Карчевского и Петра Славинского, продолживших научные исследования в Виленском университете.

Закрытие Виленского университета в 1831 году знаменовало окончание эпохи Просвещения в Беларуси и привело к тому, что многие начинания белорусских философов так и не были полностью реализованы. Интерес мыслителей следующего периода – периода романтизма – был направлен на изучение народной культуры, этнографии, истории, языка. В творчестве романтиков не было места проблемам естественных наук, которые, по их мнению, уводили от поиска ответов на действительно важные вопросы о человеческом бытии. Гносеологическая проблематика в Беларуси не разрабатывалась вплоть до 40-х годов XX века. Ее возрождение связано с открытием Института философии при Академии наук БССР и кафедры философии в Белорусском государственном университете. В этот период начались исследования актуальных проблем научного познания, логики и методологии исследовательской деятельности, которые продолжаются и в настоящее время.

2.4. Религиозно-философская мысль Беларуси: персоналии и концепции

Климент Смолятич – один из наиболее известных русских богословов и философов эпохи средневековья, являлся митрополитом Киевским в период 1147–1155 гг. В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич поставил Климента Смолятича киевским митрополитом без разрешения Константинопольского патриарха в нарушение норм канонического права. До призвания на митрополичью кафедру Климент был монахом монастыря в городе Зарубе, недалеко от Орши.

Из многочисленных сочинений Климента Смолятича сохранилось лишь «Послание писано Климентом митрополитом русским Фоме пресвитеру, истол-

ковано Афанасием мнихъ». Самый древний из известных списков этого сочинения был найден в сборнике XV в. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Существует несколько изданий этого памятника, а также ряд работ, посвященных ему. Наиболее полной и авторитетной работой по творчеству Клименту Смолятича является исследование Н. Никольского¹¹⁵.

Сочинение состоит из двух частей. В первой части Климент отвечает на упреки Фомы, обвиняющего его в тщеславии. Климент, мол, представляет себя «философом», вместо «почитаемых писаний» ссылается на античных авторов Гомера, Аристотеля и Платона. В Древней Руси философом (любомудром) обычно называли очень образованного человека, познавшего различные науки и прочитавшего много книг. Отвечая пресвитеру Фоме: что есть себялюбие, Климент Смолятич отмечает, что себялюбие есть, прежде всего, стремление к материальным благам, а не к духовной пище. «Те суще славы хотях иже прилагают дом к дому и села к селу, изгой же, сябры и бърти ти пожни и диды же старано. От этого окоянный Климент зело свободен»¹¹⁶. Христианская мораль, считает Климент, не запрещает поисков смысла в Священном Писании, напротив требует его тщательного изучения, христианин не может быть невеждой. Сама монашеская жизнь, отречение от мира является предпосылкой для очищения разума с целью более глубокого проникновения в смысл священных истин.

Климент Смолятич в своих рассуждениях придерживается точки зрения тех христианских писателей, которые считали Библию божественной универсальной книгой, знание в которой записано особым смысловым кодом, а расшифровка этого кода и есть знание о мире. Знание Климент сравнивает с огнем, который, вобрав достаточную силу, очищает золото и другие драгоценные металлы от примесей. Как огонь, разгораясь, становится всеильным, так и разум в результате учения приобретает способность раскрывать истинный смысл божественных текстов, очищать высшую мудрость от всего наносного, вызванного восприятием божественного слова несовершенным человеческим разумом.

Вторая часть Послания содержит толкования библейских выражений. Однако исследователями не выяснена роль «Афанасия мниха», который, судя по заголовку, принимал участие в «истолковании», поэтому степень авторства Климента в этой части Послания остается неизвестной.

Письмо митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Фоме ценно для нас тем, что в этом тексте впервые в истории культуры Восточной Европы встречается относительно целостное понимание природы и сущности познания. Климент признает необходимость рационального знания, постоянного духовного совершенствования, расширяет возможности разума в познании тайн бытия. Не случайно в средневековых текстах, в том числе летописных, Климент назван «книжником и философом, каких в Русской земле еще не бывало».

---

¹¹⁵ Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.

¹¹⁶ Там же. С. 31.

Кирилл Туровский – церковный деятель Древней Руси. Родился около 1130 г. в Турове, умер около 1182 г. Прославился как писатель и проповедник. Современники называли Кирилла Туровского «русским Златоустом». Кирилл Туровский является автором многочисленных торжественных «Слов», поучений, молитв, канонов (сохранилось около 70 произведений). Один из первых просветителей на белорусских землях.

Литературное творчество Кирилла Туровского пользовалось большой популярностью у древнерусского читателя. Известно большое число списков (копий) его сочинений, которые помещались в сборниках различного содержания: Апокалипсисе, Скитском патерике, Прологе с приложениями, Кормчей, книг Синаксаре, однако чаще всего произведения Кирилла Туровского встречаются в Златоусте и Торжественнике и помещаются рядом с творениями Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Григория Богослова, Епифания Кипрского. На мировоззрение Кирилла Туровского сильное влияние оказали сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина. При интерпретации их взглядов Кирилл Туровский пользуется славянской философской терминологией, созданной на основе аристотелевской и платоновской.

Основой построения мира у Кирилла Туровского является иерархическая лестница существ небесного и земного мира, сотворенных Богом и стоящих под ним. Ангелов в одной из молитв он называет «пресветло предстоящими первоначальному свету огнеобразными светилами, которые круговращаются над миром соблазнов»¹¹⁷. Как и его предшественники, Кирилл Туровский всячески превозносит креативные способности Бога. Он называет его творцом веков, воздателем кончины, создателем божественных сил, сотворившим время и лета, умерившими день и ночь часами, начинающим годы и времена умеряющим, имеющим власть жизни и смерти над всеми живущими на земле. Бог для Туровского есть первопричина всего, творец видимого и невидимого мира.

В сочинениях Кирилла Туровского заметны черты влияния аскетического мировоззрения. Он пишет, что при поступлении в монастырь человек должен хорошо осознавать те жертвы, которые он должен будет принести Богу, так как пострижение требует полного растворения, глубокой нивелировки собственного Я перед авторитетом монастыря. «Ты как свеча, – поучает Кирилл послушника – волен себе до двери церкви, а потом не смотри, что и как с тобой сделают. Ты как одежда знай себя до тех пор, пока не возьмут тебя в руки, а потом не сожалей, если разорвут тебя на тряпки, имей же волю свою только до ворот монастыря, по принятию же всего отдай себя в послушание». Монах сам должен стать жертвой Богу, «принося вместо муки молитву, вместо масла слезы»¹¹⁸.

В наиболее развернутом виде место и роль человека в мире рассматривается в притчах Кирилла Туровского. Так, в притче о добром царе и мудром со-

¹¹⁷ Творения святого отца нашего Кирилла Епископа Туровского с предварительным курсом истории Турова и Туровской епархии до XIII века. Издание преосвященного Евгения епископа Минского и Туровского. – Киев, 1880. С. 256.

¹¹⁸ Там же. С. 39, 286.

ветнике, Кирилл Туровский пишет о природе человеческого сознания. Он представляет тело человека городом, которым управляет добрый царь-разум. «Царь весьма добр, кроток, милостив», это значит, что он больше всего заботится о теле, потакает своим чувствам, которые Кирилл называет жителями этого города. Однако этот царь неразумен в том, что не заботится столько же о душе, не помышляет о бесконечных муках для живущих здесь нечестивых, не готовится для будущего века, для жизни духовной и праведной». Виновниками этого являются друзья царя – житейские мысли, не дающие думать о смерти, лишь один мудрый советник постоянно напоминает царю об опасностях, которыми грозит его беспечность. И только ночная суета и волнения, т.е. болезнь человека, заставляет его оставить земные заботы и, смущая его ум, призывают вооружиться против опасностей. Под этим оружием Кирилл Туровский понимает пост, молитву, слезы, воздержание и духовную чистоту, показывая тем самым, что истинное спасение человека от злой материальности – это монастырская жизнь и монашеская мораль.

Много места в творчестве Кирилла Туровского занимают вопросы познания. Кирилл Туровский пропагандирует мудрость, призывает тщательно читать и понимать божественные книги: «Хорошо братие – поучает он, – и весьма полезно разуметь учение божественных писаний, ибо сие и душу соделывает целомудренную и наклоняет к научению ум и сердце, поощряет добродетели и всего человека делает расположенным к благодарности... Ибо сладок медов сот хорош сахар, но книжный разум лучше их обоих, он есть сокровище вечной жизни»¹¹⁹.

Способностью же к самостоятельным рассуждениям, по мнению Кирилла Туровского, обладают только те, кто освящен печатью Святого духа. Этим даром, по мнению писателя, обладают лишь пророки и отцы церкви: «Для украшения праздника церковь требует великого учителя и мудрого проповедника, а мы нищи словом и мутны умом и не имеем огня Святого Духа на сложение душеполезных слов». Те, кто не отмечен печатью Бога, могут лишь излагать прочитанное, ибо в «грешной душе не рождается ни дело доброе, ни слово полезное.» Большинству людей Кирилл Туровский вообще отказывает в возможности рассуждать, считая, что «утруждающий свой мутный ум и имеющий худой разум, не могущий по порядку изложить течение мысли подвергается насмешке, подобно слепому стрельцу, не могущему попасть в намеченную цель»¹²⁰.

Творчество Климентя Смолятича и Кирилла Туровского является значительной вехой в развитии древнерусского философствования. В их произведениях впервые в оригинальной древнерусской литературе используется философская терминология, в сочинениях Кирилла Туровского широко применяется аристотелевская диалектика. Их произведения в последующем приобрели общерусскую значимость и в качестве канонического образца, и как полезные для воспитания нравственности художественные произведения.

---

¹¹⁹ Там же. С. 101.

¹²⁰ Там же. С. 159, 249.

Франциск Скорина – один из выдающихся представителей эпохи Возрождения на землях Великого Княжества Литовского. Родился в Полоцке около 1490 г. в купеческой семье. Окончил Краковский университет со степенью бакалавра философии, затем учился в Италии, где получил степень доктора философии. В 1512 г. после успешной сдачи экзаменов ему присудили также степень доктора медицины.

После открытия в 1517 г. типографии в Праге Скорина издал Псалтырь и 22 книги Ветхого Завета. Особенностью книг Библии, изданных Скориной, было то, что они сопровождалась предисловиями и послесловиями, были богато иллюстрированы гравюрами. Кроме того, в Библии Франциск Скорина поместил и свой портрет. В Вильно Скорина издает «Апостол» и «Малую подорожную книжицу», которые являлись религиозными сочинениями и были адресованы мирянам. Из них простые люди могли почерпнуть знания не только религиозного характера, но и практические и научные сведения.

Особый интерес у исследователей вызывает конфессиональная принадлежность Скорины. Его считали католиком, протестантом и православным. Однако четких высказываний по этому поводу у самого Скорины нет, поэтому наиболее вероятно, что Скорина не являлся жестким приверженцем какой-либо одной ветви христианства, а лояльно относился к каждой из них. Исследователи трактуют такую позицию как проявление христианского гуманизма. В этом отношении также интересен факт издания библейских книг на языке, близком к народному, что воспринималось тогда среди православных как явление неортодоксальное, вносящее раскол в единство православной церкви. Перевод Библии Скориной сыграл огромную роль в становлении белорусского языка и национальной культуры.

Возрождение на наших землях во многом было связано со средневековой христианской культурой. Переход к гуманизму эпохи Возрождения на нашей территории осуществлялся через синтез раннехристианских и западноевропейских ренессансных идеалов. Этот синтез обнаруживается в мировоззрении Скорины, сформированного под влиянием христианства, средневековой теологии и философских идей Возрождения. Значительную роль сыграло и знакомство мыслителя с античной традицией, а также народными этическими и эстетическими представлениями. В своем творчестве Франциск Скорина обращается к социально-политическим, правовым, эстетическим проблемам, однако ядром его философии является этика. Скорина осуществил попытку интерпретации Библии в духе ренессансного гуманизма, синтеза христианской этики с этическими воззрениями античных мыслителей.

Скорина пересматривает христианскую трактовку земного существования человека, согласно которой земная жизнь является лишь приготовлением к жизни загробной, и утверждает самоценность человеческой жизни и земного бытия. Поэтому этика Скорины направлена на реальную жизнь, на интеллектуальное и моральное совершенствование, поскольку без знаний и совершенной

нравственности человеческое существование на земле не может быть счастливым.

В предисловии к Притчам Соломоновым Скорина пишет, что главным предназначением человека является совершенная земная жизнь, а главной проблемой этики, соответственно, – как жить и поступать в этой жизни. Если обратиться к комментариям к Экклезиасту, то можно обнаружить свидетельства хорошего знакомства Скорины с античными философско-этическими концепциями высшего блага и попытки соединить христианскую этику с нравственными принципами аристотелизма и стоицизма. Высшее благо в трактовке Скорины – это совершенная нравственная жизнь на земле, служение Богу посредством служения людям, постоянное развитие интеллектуальных способностей. Из этого проистекает и разрешение проблемы индивидуального и общественного блага («посполитое доброе»). Скорина рассматривает человека как общественное существо и утверждает примат общественного над индивидуальным, поскольку только в обществе человеческая жизнь может быть наполнена истинным смыслом. Каждый человек должен служить общему благу, используя для этого все свои знания и способности. Однако мыслитель не абсолютизирует примат общественного блага над благом индивидуальным, но предлагает гармоническое решение проблемы их взаимоотношений. Совершенствование общества возможно только благодаря совершенствованию каждого человека, воспитания в нем моральных качеств, развития добродетелей, необходимых для общественной жизни. Все интеллектуальные и нравственные добродетели обретают смысл только в случае служения человека «посполитому доброму». Следует отметить, что Скорина не противопоставляет духовное и плотское в человеке, а ищет возможности их примирения. Признавая авторитет духовных ценностей, мыслитель в то же время понимает важность для человека и земных «богатства», «имения», «красоты и крепости телесной».

Скорина полагал, что в основе всех правовых и моральных норм лежит «прирожденный закон», написанный Богом в сердце и разуме каждого человека. Собственно, стремление к законности – это естественная потребность, существующая с момента сотворения человека. Еще до создания писаных законов на основе чувства естественной законности человек был способен отличить добро от зла. В своей жизни, по мнению Скорины, человек руководствуется двумя законами – естественным и писаным. Естественный закон состоит в том, чтобы поступать с другим человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой. На основе естественного закона, а также на врожденном чувстве справедливости, человеколюбия, на человеческом разуме строятся и все писаные законы. Закон у Скорины выступает всеобщей мерой социальной гармонии, на основе закона должно строиться общество как единый социальный институт. Нарушение закона ведет к дисгармонии и разрушению единства общества.

Проблемы нации, религии и государственности в религиозной полемической литературе к. XVI – 1-й пол. XVII вв.

Существование двух главных христианских церквей – восточной (православной) и западной (католической) на территории Беларуси создало объективные предпосылки теологической полемики, которая особенно остро развернулась в конце XVI – 1-й пол. XVII вв. Poleмика уходит корнями в межцерковные дискуссии, которые не прекращались с момента разделения (1054 г.) некогда единой Вселенской христианской церкви. Традиционным предметом полемики являлись толкования догматов, различное понимание которых складывалось на протяжении нескольких веков внутри восточной и западной церквей. Наиболее спорным было Filioque. Другие различия между католицизмом и православием носили литургический, канонический и обрядовый характер, среди них – принцип главенства папы Римского, его единовластие в церкви, совершение Евхаристии на опресноках, celibат и другие вопросы. Наибольшие вспышки межцерковной полемики наблюдались в периоды заключения Лионской (1274) и Ферраро-Флорентийской (1439–1445) унии. В этом же ряду стоит и Брестская церковная уния (1596 г.), которая рассматривалась ее сторонниками как фактор христианского церковного объединения под властью папы Римского. С религиозной точки зрения идея церковного объединения была фикцией, т.к. повернуть историю на шесть веков назад, к единству вероучения не представлялось реальным.

На тематику религиозной полемической литературы конца XVI – 1-й пол. XVII вв. оказал влияние этнорелигиозный конфликт между представителями христианских конфессий, который был спровоцирован решением властей, объявивших греко-католическую церковь правопреемницей православной церкви. Poleмические сочинения были чрезвычайно популярны и широко распространены. Это произведения различных жанров: от публицистики и эпистолярного жанра до крупных теологических сочинений. Богословы полемизирующих сторон стремились доказать преимущества, «апостольские» истоки, древность и многовековые устойчивые традиции своей веры как единственно верной. Poleмисты рассматривают проблему духовной традиции и преемственности в своей церкви, вопросы триадологии, учение о сотворении мира, антропологию и идеал святости как «истинно нравственной» жизни, социально-политические и церковные события, унию, ее характер, причины и следствия. Разработка данных проблем требовала досконального знания теологических основ вероучения, огромной ответственности перед своими церквами. Кроме того, в полемике затрагивались проблемы построения стабильного безконфликтного общества и государства, именно в нем были заинтересованы представители всех конфликтующих сторон.

История полемики включает два этапа. Первый – 1596–1620 гг., когда обсуждались факты заключения унии и ее причины, оценивались действия православных епископов, принявших унию, состояние дел в церквах, правильность и каноничность церковного объединения. Основные произведения этого периода: переписка униатского митрополита Ипатия Потя (1598–1599) с князем Константином Острожским, влиятельным защитником православия; его же сочинения: «Уния греков с костелом Римским» (1595), «Антиризис» (1599), «Гармо-

ния Восточной Церкви с Костелом Римским» (1608); произведения Мелетия Смотрицкого «Антиграфия или ответ на язвительное сочинение» (1608), «Фринос или Плач Восточной Церкви» (1610); сочинения иезуитского идеолога, ректора Виленской академии Петра Скарги: «Берестейский собор и оборона его» (1596), «О единстве церкви» (1577); богословские работы Кирилла Транквиллиона Ставровецкого.

Второй этап полемики охватывает период с 1620 до конца 20-х годов. Главной темой стало восстановление православной иерархии, законность которого оспаривалась католиками и униатами. Poleмика развернулась между М. Смотрицким – автором серии полемических работ и униатским митрополитом Иосифом Вельямином Рутским (1613–1637), архимандритом Троицкого монастыря Антонием Селявой и Л. Кревзой. К этому периоду также относятся работы М. Смотрицкого униатского периода, православного Киево-Печерского архимандрита Захария Копыстенского и брестского игумена Афанасия Филипповича.

Взаимосвязь смыслоформирований таких понятий как «нация», «религия», «государственность» прослеживается в полемической литературе в двух последовательно сменявших друг друга теоретических и деятельностных моделях:

I. «Истинная церковь» или идеальный социум, направляемый в развитии вероисповедными традициями. Иначе говоря, церковь трактовалась как синоним общества, а государство как страж церковных интересов. Католическими и православными деятелями (П. Скаргой, И. Потеем, М. Смотрицким, И. Вишенским и др.) отстаивалась концепция моноцерковного государства, причем именно одну государственную религию считали гарантом стабильности. С этой идеей были связаны и попытки униатского митрополита Иосифа Вельямина Рутского учредить государственную униатскую автокефальную церковь с постом патриарха. Материалы полемики этого периода отражали убеждение авторов каждой конфликтующей стороны об интеллектуальном и нравственном превосходстве, богоизбранности этноса («поляков» или «русинов»), истинности веры и церкви. Важное место в социально-философских концепциях полемистов занимала идея унии, которая представлялась католиками и униатами как фактор церковного объединения и «распространения высшей, истинной веры и культуры» среди православного населения. Православные же видели в унии угрозу существованию своей культуры и веры и расценивали Брестскую церковную унию как политическую и религиозно-культурную экспансию Ватикана.

II. «Общественное благо» – признание поликонфессиональной структуры общества, необходимости свободы вероисповедания и политико-правового регулирования межконфессиональных конфликтов. В данном контексте трактовка национальной идеи в полемической литературе приобретала политическую направленность, ее целью считалось сохранение суверенитета государства. Религия же рассматривалась на институциональном уровне, любая церковь – не более чем институт в рамках поликонфессионального государства. Так, король Речи Посполитой, католик Владислав IV в своей коронационной речи «Racta

Conventa» на Коронационном сейме обещал разрешить все межрелигиозные распри. «Общественное благо» рассматривалось как цель любого государства. Большинство известных деятелей того времени высказывались на эту тему, среди них король Владислав IV, православный митрополит Петр Могила, униатский митрополит Вельямин Рутский и другие. Защитники собственной веры, церковные и политические деятели выступали за стабильное государство и свободу вероисповедания. Православный киевский митрополит Петр Могила в своей «Парафимии или молитве об умирении православной церкви» призывал соблюдать законы Речи Посполитой, верно служить «наяснейшему королю» и «просить в молитве за Короля, Сенат и за всю Речь Посполитую»¹²¹.

Определение признаков народности представляло собой не менее важный круг вопросов в полемической литературе того периода и шло от идеи богоизбранности одной церкви, святости языка и истинности веры к признанию равных прав других народов и потребности в мирном сосуществовании народов, церквей и языков в одном государстве. Для этого процесса характерны были следующие закономерности: а) формулировка определения народности, выявления ее характерных черт были тесно связаны с обращением к традиционной для каждого направления историософии и к реальным общественно-политическим отношениям; б) по мере осознания сложности общественно-политических отношений и государственно-правового устройства усложнялось определение народности, признаками которой к 20-м годам XVII в. православные полемисты называют язык, вероисповедание, этнические характеристики, территориальный аспект, общность исторического развития, ментальные особенности (М. Смотрицкий, З. Копыстенский). Униат В. Рутский, пропагандируя идею унии, писал о существовании общности политической, подразумевавшей наличие не двух народов («русинов» и поляков) в ВКЛ, а одного – «литвинов», который является, по мнению В. Рутского, целостным, сформировавшимся этносом; в) в 20–30-е гг. XVII в. обсуждение культурно-национальных проблем переносится в политико-правовую сферу. Православные полемисты (М. Смотрицкий, З. Копыстенский, А. Филиппович) обращаются к правовым основам, регулирующим межнациональные отношения в Речи Посполитой, к актам Люблинской унии, где было закреплено равноправное соединение народов. Согласие и уважение между народами Речи Посполитой способствовали ее выдвижению в Европе как сильнейшего государства. Нарушение согласия поставило страну на грань катастрофы. Православные полемисты занимали патристическую позицию, своей «Отчизной» считали «Корону Полскую». Понятие «патриотизм» они понимали как «общественное благо», гражданский мир на основе веротерпимости, правовые гарантии межнационального согласия. Униатские авторы (М. Смотрицкий, В. Рутский) обращались к понятию «право народов», считая его синтезом традиции, естественного, гражданского и политического права. Вопросы права народов рассматривались ими в связи с проблемами государственного суверенитета и национального самоопределения. Опре-

---

¹²¹ Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1898. С. 96–97.

деляющую роль сыграла идея «общественного блага» – основа плюралистичного, многонационального общества.

Таким образом, творчество полемистов отражало поиск оптимальной модели общественного устройства, направленный на разрешение многочисленных социально-политических и национальных конфликтов в стране. В результате полемики сформировалась идея «общественного блага» в «суверенном многонациональном государстве», ставшая идейным истоком постепенного складывания основ белорусской нации, национальной консолидации на принципах веротерпимости и толерантности, национального самоосознания в качестве самостоятельного субъекта политических отношений.

Кирилл Транквиллион Ставровецкий – выдающийся богослов, публицист и церковный деятель 1-й пол. XVII в. Пройдет духовную эволюцию от православия к унии. Его православные сочинения – «Зерцало богословия», ставшее первым опытом изложения православной богословской системы на русском языке, а также «Евангелие учительное», «Перло многоценное» были популярны во всех славянских государствах. В рамках апофатического (отрицательного) богословия развивал диалектические идеи о возникновении жизни на Земле. В 1626 г. перешел в унию под влиянием митрополита В. Рутского, стал архимандритом Черниговских униатских монастырей.

Иеромонах Кирилл Транквиллион Ставровецкий в сочинении «Зерцало богословия» развивал библейский тезис о том, что земной мир – есть прообраз божественного. По его мнению, все «земное», весь видимый мир создан гармоничным и прекрасным. Гармония сотворенного мира строится на взаимодействии четырех стихий: воды, земли, воздуха и огня: «една стихія другой преподает своего квалітатіс, албо качества». Земля воде – холод, вода воздуху – влажность, воздух огню – «порущення», огонь земле и воздуху – теплоту. Божественная гармония проявляется в большом свете – природе и в малом – человеке. Развивая диалектические представления о мире, Ставровецкий вводит понятия «противности» – противоположности, которые считает закономерными и необходимыми для того, чтобы различать «несотворенное существо от створенного, бессмертное от смертного, доброе от злого, свет от тьмы, правду от лжи»¹²². В богословии Ставровецкого диалектика служит атрибутом гармонии видимого мира как прообраза божественного.

Пытаясь определить место человека, Ставровецкий выделяет три мира: духовный (ангелы и святые), видимый (природа), малый (человек). Автор пишет также о существовании четвертого мира – «злосливого», который состоит из четырех «злостей: заздрість, пиха, лакомство и убійство». Его творец – дьявол, а обитатели этого света «злые свовольные люди». Четвертый свет, по его мнению, отстоит от «мира Божьего»¹²³. Характеристика четвертого света содержит в себе концепцию зла и дает основание полагать, что Бог не является

¹²² Ставровецкий Т. Зерцало богословия. Почаев, 1618, Унев, 1692. Разд. 2., гл. 5.

¹²³ Там же. Разд. 2, беседа 2, гл. 10.

источником зла. Отрицается прямая связь зла с материальным миром. Зло допускается Богом как необходимый элемент для космической гармонии. Ставровецкий говорит о несубстанциональности зла, он переносит зло из области онтологии в область нравственности. Концепция зла Ставровецкого совмещает два основных подхода к трактовке зла, данных в святоотеческой (патристике) литературе: зло, с одной стороны, – это результат дурного пользования свободной волей (нравственный аспект). Эта трактовка получила наибольшее распространение в церкви и принадлежит Иоанну Дамаскину. С другой стороны, зло рассматривается как необходимость для гармонии (онтологический аспект). Ставровецкий практически цитирует Псевдо-Дионисия и Василия Великого.

Трактовка зла как составной части гармонии дает ключ к пониманию процесса творения. При воплощении божественных идей в видимом мире происходит умаление блага, видимый мир искажает их, – в этом смысле зло есть объективный результат этого искажения, который «свовольные» люди дополняют «искажением» субъективным.

В концепции Ставровецкого зло и добро являются диалектическими противоположностями. Видимый мир соткан из противоречий, а зло вне связи с добром не существует, т.к. зло не сотворено Богом. Зло может существовать, паразитируя на добре, уменьшая его. Ставровецкий считает, что добро лишением самого себя уделает злу место в бытии.

Богословская система Ставровецкого в Киеве и Москве была объявлена еретической из-за несправедливого обвинения в отрицании Бога. «Богословие есть ведомость и зрение невидимых бытностей, не матереальных речій, а смыслом нашим неподвластных и безплотных существ». Смысл богословия, по мнению Ставровецкого, состоит в отказе от установления адекватности любых образов и сравнений: «Бог есть не бог, світ несвіт, премудрость, непремудрость, отчество, неотчество, несыновство, недух, нетроица, неединица, недвижение, нестояние, и ниодноже от сих бог есть». Бог определяется как высшая форма бытия, для которой характерны бесконечность: «без початку и без конца, без ограничения, сквозь всіх переходит без заборони». Это «существо пресущественное, сама истотная бытность». Ставровецкий подчеркивал близость своих представлений к апофатическому (отрицательному) богословию, для которого был характерен отказ от антропоморфизации Бога. Его книги были запрещены и сожжены. Ставровецкий, как бы предвидя будущие обвинения, писал так: «Но да не речет кто, яко извожу внебытие Бога, да не будет се; но непостиженном, постигаю непостижимого Бога»¹²⁴.

В антропологической системе Ставровецкого человек выступает как микрокосм, который придает смысл всему земному: «Удивляємося сему небеси еже украшено солнцем, луною, звiздами, такожде и землі, яко украшена есть горами и дубравами и различными цвiти и сущим чоловіком на ней». Ставровецкий пишет: «Бог поставил человека над всеми красотами властителем и сторожем,

---

¹²⁴ Там же. Разд. 2, беседа 2, гл. 10.

разумным шафарем, чтобы ведал потребно». Связь между Богом и человеком обеспечивает фактор «разумности» вместе со свободной волей. Человек обязан совершенствоваться, «полнота» человеческой жизни – это и есть «истинное бытие» с точки зрения Ставровецкого.

Ставровецкий обращается к проблеме свободной воли и пишет, что она обеспечивает связь между Богом и человеком. В то же время он предупреждает, что «самовластье двояко: жизнь или смерть». Подчеркивая, что мера выступает нравственной категорией: «что без меры, то грех», он иллюстрирует это положение на примере: «невинно вино, але пьянство проклято». Мера и разум являются основой человеческого счастья. Ставровецкий призывал своих соотечественников к моральному совершенствованию и удовлетворению нужд индивидуума в поисках объективного знания и личного счастья, к установлению гражданских добродетелей и прочных основ государства. Определяющим звеном его нравственной системы является культ добродетели как активного блага, направленного на пользу человека и общества. Человек выполняет роль промежуточного звена между смертной и бессмертной частями мироздания. Таким образом, мыслитель создает идеал образованного человека, наделенного большой добродетельной силой, необходимой для преобразования «естественного», физического человека в человека культурного. Личность у Ставровецкого, с одной стороны, выступает божьим творением, с другой – вместилищем разума. Однако его рассуждения часто следуют в русле церковных нравоучений. Например, он предупреждает: «грешных людей косит Косарь: князей и царей, не милостивых роскошников, и патриархов, и папезов, философов и краснословов». Зло в конечном итоге исчезнет и после огненного потока «земля будет чиста и светла как кристалл и не будет на ней ни зверей лютых, гадов ядовитых».

Кирилл Транквилион Ставровецкий – личность, без сомнения, яркая. Он открыл целое направление для творчества ученых, стал предтечей этических систем XVII в., созданных профессорами Киево-Могилянской академии. Ставровецкий наметил систему практической этики, дал идеал человека образованного, деятельного, активного – в этом и состоит «истинность» человеческого бытия. Он впервые высказал мысль о том, что почитание человека в обществе как награда за его деятельность выше, чем затворническая жизнь аскета.

Афанасий Филиппович (1595 – 1648) – брестский игумен, церковный и общественный деятель, автор сочинения «Диариуш или Спис деев праведных» (1646), активный борец с унией. Получил прекрасное образование, знал польский, латинский, греческий и церковнославянский языки. Именно это обстоятельство побудило литовского канцлера и гетмана Льва Сапегу пригласить Афанасия Филипповича к себе на службу в качестве придворного учителя для нового самозванца – претендента на московский престол Яна Дмитровича (Лубы). В 1627 г. Филиппович принял монашеский постриг в Виленском Святодуховом монастыре и вскоре был направлен в Кутеинский монастырь (под Оршу), где была организована типография. В 1632 г. он был рукоположен в сан свя-

щенника и был назначен наместником в Дубойский монастырь под Пинском, но в 1636 г. этот монастырь был отнят у православных и передан сначала униатам, а потом иезуитам. Видя гонения на православную церковь, Афанасий Филиппович едет в Москву, где докладывает в посольской избе о притеснениях православной церкви, просит защиты и помощи. О своих приключениях по пути в Москву и обратно он написал подробный рассказ, который потом вошел в его книгу «Диариуш».

«Диариуш» – это не только путевые записки, это подробное изложение социальных, историософских, политических взглядов того времени. Значительное место в тексте занимают рассуждения автора о полномочиях короля и структуре власти. Филиппович строит целую модель государственного устройства и адресует ее королю.

Фигуру короля Филиппович определяет как посредническую, хотя и главную в структуре центральной власти в стране. Король, по его мнению, должен учитывать интересы всех социальных групп, при этом стоять вне религиозных конфликтов. Столкновение восточных и западных религиозных традиций выразилось в соперничестве православных и католических правовых и социальных теорий, а потому апелляция к королю – закономерность для Речи Посполитой. Свою миссию Филиппович объяснял божественной волей. Филиппович не обвиняет в преследованиях православной церкви одного короля, главная причина всех бед – анархия и произвол шляхты, а также вмешательство Ватикана.

В основе схемы власти Филипповича лежат представления автора о дарах Святого Духа, в соответствии с которыми он приводит уровни политической системы. Король занимает первую ступень: «мудрость – зверхность. То есть король пан в панстве своем». Королю предлагается сосредоточить в своих руках всю законодательную власть. На второй ступени находятся «разум – скарбы, добра его рухомые и нерухомые». Здесь, видимо, речь идет о национальном богатстве страны, о котором, по мнению автора, король должен заботиться и приумножать его. Третья ступень – «порада-рада». «Сенат, сенод, сеймы, суды вшелякіе» – представительные органы шляхты, которым отводилась лишь совещательная функция. Исполнительная власть занимает четвертую ступень в таблице Филипповича. Это «мужность-моц. Власт, ряд, реимент, офіціери, преложоные». Пятую ступень занимают слуги и подданные короля, а шестая – «побожность» и седьмая – «боязнь божая», очевидно призваны напоминать королю о христианских методах руководства страной. Подтверждает эту мысль и фраза, взятая Филипповичем из Библии, явно относящаяся к первой ступени, к королю: «Зачало премудрости страх», – это еще одно напоминание о суде Божьем и каре за несправедливое управление¹²⁵.

Подобное соответствие «даров Святого Духа» ступеням государственной иерархии несвойственно православным авторам, уделявшим большое внимание

---

¹²⁵ Филиппович А. Диариуш // Коршунов, А. Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество. Минск, 1965. С. 164–165.

толкованию «даров». Очевидно, Филиппович в своем стремлении убедить короля ссылкой на авторитет Писания сознательно использовал метод эклектического совмещения.

В конечном итоге Филиппович признает высшим источником права закон и волю Божию. Он напоминает, что «в сем дочасном свете станул реимент духовный в Троице Святой единый, а над телом – человек в смыслах здоровый»¹²⁶. Духовное руководство земным миром вручено пяти патриархам, которые обладают одинаковыми правами в церковных делах.

Согласно воззрениям Филипповича, король ответственен перед Богом не только за себя лично, но и за всякого человека – его подданного. Церковь должна помогать королю в управлении советами (в этой связи характерна практика посланий жалоб от православного населения королю). Под влиянием церкви государство призывалось к усовершенствованию принципа гражданской справедливости согласно принципу христианской любви. У А. Филипповича присутствуют явные рассуждения о десакрализации королевской власти: Филиппович не считает эту власть абсолютной и незыблемой и даже дает советы королю. Подданные короля, по мысли Филипповича, наделены знаниями и политической свободой – в этом смысле общество рассматривается им как суверенное относительно государства. Афанасий Филиппович, осуждая политику Ватикана и критикуя католицизм, тем не менее признает все права католической церкви в Польше.

Аргументируя свои взгляды, А. Филиппович писал о том, что он видит божье провидение в принесении христианства княгиней Ольгой из Константинополя и панной Дубровкой (Домбровкой) и князем Мечиславом из Рима: «Зтых причин двоякую веру чинили и двояко ся здравна русь и поляки звлаща в набоженстве заховали». Это было лишь возможно при том, что когда Россия (здесь имеется в виду ВКЛ) перешла под власть польских королей, они дали обязательство обеспечить свободу вероисповедания православным, примером тому служат статус и конституция короля Августа (1585)¹²⁷.

Жизнь А. Филипповича сложилась трагически. С 1641 г. Филиппович пытался выхлопотать для православных жителей Бреста грамоту, подтверждающую их религиозные права, и с этой целью прибыл в Варшаву на сейм. Получив первый отказ, он, не теряя надежды и в 1643 г. вновь прибывает на очередной сейм, на этот раз уже в сопровождении мещан брестского православного братства. С собой Филиппович привез семь изображений чудотворной иконы Купятицкой Божьей Матери, а также описание своего путешествия в Москву и сопроводил его угрозами и описанием Божьего гнева на «отступников от истинной веры». Он смело выступил перед королем Владиславом IV, его речь понравилась королю, который пожелал заверить собственной печатью привилей, подтверждающий права православных Бреста. Однако накануне недруги Филипповича объявили его сумасшедшим и поместили под арест. После много-

---

¹²⁶ Там же. С. 166–167.

¹²⁷ Там же. С. 158.

численных злоключений в Варшаве Филипповича передали православному духовному суду, по решению которого Филиппович был заключен в Симеоновский монастырь. Однако и там Филиппович развернул активную общественную деятельность, направленную на защиту прав православного населения. В 1643 г. происходит его встреча с московским послом князем А. Львовым, который прибыл для выяснения вопроса о самозванце – претенденте на московский престол Яне Фавстине Лубе или Дмитровиче. Эта встреча оказалась роковой для Филипповича. В ноябре 1644 г. он был арестован и провел более года в тюрьме. Большая часть текста «Диариуша» была написана им в это время. Филиппович был освобожден и назначен игуменом в Симеоновский монастырь. Однако в 1648 г. он был вновь арестован. Его обвинили в том, что он якобы оказывал помощь восставшим казакам Богдана Хмельницкого и приговорили к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 5 сентября 1648 г.

Творчество А.Филипповича – один из важнейших духовных символов XVII в. Его личность демонстрирует незаурядную духовную силу, огромную волю и колоссальную творческую энергию, свойственную деятелям эпохи барокко.

Иосиф Вельямин Рутский (1574–1637) – униатский полемист, богослов и церковный деятель. Прошел духовную эволюцию от кальвинизма в католицизм, который принял в Праге во время учебы в университете, а затем в унию. По окончании учебы в Риме в 1603 г. вернулся в Литву, вступил в Свято-Троицкий монастырь, стал его игуменом, архимандритом. Являлся ректором Виленской униатской семинарии (1603–1605). Участвовал в униатской миссии 1605–1606 гг. в Москве во время походов Лжедмитрия. Стал униатским митрополитом в 1613–1637 гг. Создатель Базилианского Ордена и его первый протоархимандрит.

В основе организации униатской церкви в первой половине XVII в. лежали принципы католической эkkлезиологии, которая трактовалась как обновленный вариант православной церкви, с одной стороны, и как воплощение христианского единства, с другой стороны. Первые десятилетия ее насильственного насаждения, захвата православных храмов и монастырей, политика правовой анархии в отношении православных отвернули население от униатской церкви. Приметы кризиса того времени: падение авторитета униатской церкви, разложение моральных устоев ее иерархов, финансовые злоупотребления. Они были замечены митрополитом В. Рутским, который выдвинул идею обновления униатской церкви и ее реформирования через оживление монашеской жизни. Монастыри XVI–XVII вв. превратились в пристанище шляхты, которая искала в них материальную выгоду. В период 1607–1617 гг. В. Рутский написал «Правила монашеской жизни», где изложил пути выхода из кризиса церкви. В

их центре стояла идея принятия Устава Василия Великого и реорганизации монастырей¹²⁸.

Центральной идеей реформ В. Рутского стало создание Базилианского ордена (1617). К этому времени число базилианских монахов превысило сотню, они были размещены в Виленском, Жировицком, Битеньском, Минском и Новогрудском монастырях. При двух последних существовали школьные заведения. Устав Василия Великого требовал строжайшей аскезы и постоянных молитв. Редакция В. Рутского придала ему современные черты. Новизна состояла в постановке школьного образования и самостоятельной подготовке преподавательских кадров, хотя первоначально, по ходатайству В. Рутского, базилиан-преподавателей готовили в иезуитских коллегиях. Курс обучения включал два года. Организацию учебных заведений В. Рутский считал одной из главных: орден мыслился как привилегированная и высокообразованная каста.

В основу административно-иерархического устройства Базилианского ордена были положены организационные принципы иезуитского ордена. Административные должности у иезуитов и базилиан даже имели одинаковые названия. На капитуле (собрании) реформированных монастырей (1617), прошедшей в Новгородовичах (около Вильно) была образована Конгрегация Святой Троицы, которая существовала до 1743 г. и стала одной из двух провинций Ордена Св. Василия. Монастыри отныне составляли одно целое и управлялись выборными настоятелями-игуменами. К монастырям приписывались приходы, а иноки выполняли роль пастырей. Возглавлял эту монастырскую организацию протоархимандрит. Им мог быть только монах, который не должен иметь челяди, не мог быть ни епископом, ни викарием, но мог быть старшим одного из монастырей – в этом случае этот монастырь считался главным. Протоархимандрит избирался свободным голосованием. Требовалось, чтобы эта должность не оставалась долгое время вакантной.

Базилианский орден сочетал строгий аскетический уклад жизни и светскую деятельность. Его образование, как и реформы униатской церкви в целом, приветствовались Ватиканом. В «Наставлении желающим вступить в Базилианский орден» говорилось о том, что базилианский орден «был основой для истребления схизмы в России и отдаленнейших провинциях», тем самым подчеркивалась экспансионистская направленность его деятельности. Материалы униатских конгрегаций свидетельствуют о большом влиянии иезуитов в жизни Ордена, которые фактически руководили рассуждениями базилиан на Конгрегациях.

Особенности организации реформированной униатской церкви привели, во-первых, к выдвигению монастырей и к ликвидации самоуправления церковной иерархии, во-вторых, униатская церковь стала фактически светской организацией, построенной на политических принципах (децентрализации властных полномочий, наличии посреднических, согласительных институтов). Ре-

---

¹²⁸ Рутский В. Правила монашеской жизни // Документы беатификации и канонизации. Т. 1. Рим, 1952. С. 305–310.

формированная таким образом структура униатской церкви содержала в себе потенциал для преодоления внутренних церковных конфликтов, а основополагающая идея реформ – от преодоления внутрицерковных конфликтов к преодолению общественно-политической конфликтности – способствовала поднятию авторитета униатской церкви и В. Рутского как ее главы. В результате реформ униатская церковь обрела большую мобильность, адаптированность к социально-политическим условиям Речи Посполитой, что обусловило интерес униатских публицистов к вопросам государственно-правового устройства.

Симеон Полоцкий (наст. имя – Самуил Емельянович Петровский-Ситнянович) родился в декабре 1629 г. в Полоцке, умер в 1680 г. В 1650 г. Симеон окончил Киево-Могилянскую коллегию, где он изучал «семь свободных художеств», старославянский, древнегреческий, латинский и польский языки, а также поэтику, философию и богословие. В коллегии его наставниками были известные ученые и богословы того времени: Сильвестр Коссов, Иосиф Кононович-Горбацкий, Иннокентий Гизель, Лазарь Баранович.

Киево-Могилянская коллегия сформировала основы мировоззрения Симеона Полоцкого. Крупнейший православный образовательный центр привил Симеону Полоцкому стиль религиозно-философского мышления, интерес к гуманистической «словесности», дух барочной толерантности, идеи свободы воли и достоинства человеческой личности, философские и политические принципы доктрины просвещенного абсолютизма, теорию единства восточнославянской государственности и культуры, концепцию синтеза духовных достижений Запада и Востока Европы. В 1656 г. Симеон Полоцкий принял монашеский сан и стал «дидакалом» – учителем в братском училище монастыря. С приходом Симеона Полоцкого в монастыре сложился кружок талантливых писателей и поэтов, в который входили иеромонах Филофей Утчицкий, Савва Капустин, Василий Янович и другие. В 1656 г. произошла знаменательная встреча Симеона с российским царем Алексеем Михайловичем, благосклонно оценившим «приветства» – панегирики, поднесенные ему искусным стихотворцем – Симеоном Полоцким.

Впервые Симеон посетил Москву зимой 1660 г. в составе многочисленной свиты, сопровождавшей архимандрита Игнатия Иевлевича на собор архиереев и архимандритов разных монастырей. Собор был созван для рассмотрения дела патриарха Никона, оставившего в 1658 г. патриаршество. 19 января состоялась церемония представления полоцкой делегации русскому монарху. Во время приема Симеон произнес приветствие, названное им «Торжественная речь в честь его милости царя, имевшая место в Москве года 1660 19 января», а также панегирические «вирши».

В 1664 г. Симеон Полоцкий навсегда переезжает в Московское государство. В России ему суждено было стать главным основателем нового мировоззренческого стиля, сформировавшего духовный облик «переходного века» в русской культуре.

Влияние православной мистики особенно заметно в стихотворениях «Акафист пресвятой Деве, виршами переложенный в 1648 году мною, Петровским-Ситняновичем», «Априль 27. Взенто образ насвентшэй Богородицы з Полоцка до Москвы» и «Стихи краесогласные, сложенные во сретение иконы пресвятыя Богородицы...». В этих образцах духовной поэзии христианский дух «соборности» достигает своего наивысшего выражения. Образцом гимна в честь Богородицы, девы Марии в течение столетий в византийской, а позднее и в восточноевропейских литературе служил «Великий Акафист» («Акафист Богородице»). Он был написан между 431 и 626 годами и принадлежал, по мнению большинства исследователей ранневизантийской культуры, церковному поэту Роману Сладкопевцу. «Акафист» – это стихотворное описание сверхъестественного рождения Христа девой Марией. «Акафист» Симеона продолжает тысячелетние традиции греко-византийской культуры. Об этом свидетельствует не только скрупулезное следование Симеоном канону первообраза, но и то, что здесь он отдает дань тщательно культивируемой в восточном ареале христианства идее молчания.

Образцом мистицизма Симеона Полоцкого, ориентированного на августиновско-христианское учение о сверхъестественном озарении, служат стихотворения «Молитва в скорби» и «Молитва в скорби сущего и клевету терпящего». В своих стихотворных молитвах Симеон Полоцкий рациональным путям богопознания противопоставляет религиозное чувство, непосредственное созерцание Бога, интуицию, поскольку они предоставляют человеку возможность узреть в недрах собственной души вечные и неизменные идеи верховного существа: «Не оставь меня отныне, Боже всемогущий. Из глубины сердца моего к Тебе взываю»¹²⁹.

В гносеологии Симеона Полоцкого возрастание интереса к опытно-эмпирическому компоненту связано с признанием важности чувственного фактора познания. В его трактовке знания объектом познавательной деятельности разума выступает материальная действительность, «море житейское», воспринимаемое человеком при помощи органов внешних чувств. Вслед за Фомой Аквинским и своим учителем Иннокентием Гизелем наивысшее место в иерархии внешних чувств мыслитель отводит слуху и особенно зрению. Он полагает, что на чувственной стадии познания наиболее отчетливо запечатлевается тот материальный феномен, который «делом явится». Освобождение форм, существующих в материальной действительности в телесной оболочке, от «тленной» вещественности, приводит к возникновению образов умопостигаемых. Дальнейшая обработка их разумом приводит к появлению понятий, на которых зиждется мыслительная деятельность человека. Зависимость всего человеческого знания от опытно-чувственной информации исключает существование в интеллекте априорных форм, на которых настаивала платоновско-августинианская традиция.

¹²⁹ Симеон Полоцкий. Вирши / сост., подг. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск : Мастацкая літаратура, 1990. С. 192.

Энциклопедичность ума Симеона Полоцкого, его стремление дать читателю широчайший свод знаний из разных отраслей науки соответствовали главной задаче искусства барокко – нравственному воспитанию и просвещению. Исходной теоретической посылкой барочной концепции писательского труда, исповедуемой Симеоном Полоцким, становится католическое учение о возможности оправдания человека делами. В союзе с идеями барочной теории о Божественном происхождении прекрасного и об уподоблении поэта Богу этот теологический постулат, осененный авторитетом Тридентского собора, составил основу философско-эстетических воззрений белорусского мыслителя. Концепция Симеона призвана была доказать, что литературный труд в эсхатологической перспективе загробного суда и загробной жизни ведет к обретению святости.

Учение о параллелизме микрокосмоса и макрокосмоса, будучи одной из древнейших натурфилософских концепций, составляло общую основу для самых различных направлений античной мысли. Идея человека как микрокосмоса, отражающего в себе универсум, обнаруживает себя в греческой патристике, в трудах Боэция, Иоанна Скота Эриугены, в популярной в восточнославянском мире статье «Галиново на Епократа», а также в апокрифической литературе. На Западе учение о четырех стихиях было воспринято Августином. Обретя новый облик под воздействием религиозно-монотеистического принципа креационизма, оно оставалось фундаментом физической теории до XVII века. Усвоение натурфилософской концепции элементов стало важной страницей западноевропейской схоластической философии: ее использовал в «Физическом ключе» немецкий католический философ и богослов XII века Гонорий Отенский, родоначальник онтологического доказательства существования Бога Ансельм Кентерберийский, создатель грандиозного теолого-философского синтеза позднего Средневековья Фома Аквинский и другие авторитеты европейской философской и богословской мысли. Концепция тождества «малой» и «большой» Вселенной была важнейшей идеей ренессансной натурфилософии от новой антропологии Пико делла Мирандолы до пантеистической онтологии Николая Кузанского¹³⁰.

В раннем наследии белорусского мыслителя к стихотворной иллюстрации концепции древности о взаимосвязи микрокосмоса и макрокосмоса тесно примыкают поэтические фрагменты, которыми Симеон вводит читателя в мир учения не менее далекого прошлого – идеи о сверхъестественном влиянии небесных светил на жизнь людей. Это такие произведения писателя, как «Следуют 12 месяцев», «4 преобладающих темперамента» и «Знаки семи планет и характер их воздействия».

---

¹³⁰ См. Игнатюк И. Своеобразие облика барокко в православной культуре ВКЛ // Вопросы религии и религиоведения. Вып. VII: Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Беларуси : сборник. Часть 2: Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси (актуальные проблемы конца XX– начала XXI в.) / сост., общ. ред. Н. А. Кутузовой, А. А. Лазаревич, В. В. Шмидта. М.: ИД «МедиаПром», 2011. С. 288–390.

Симеон Полоцкий, обращаясь к излюбленным темам искусства барокко – «Vanitas» («Суэта») и «Memento mori» («Помни о смерти»), обнаруживает стремление к спокойствию, созерцательности, к согласованию канонов западноевропейского барокко и православного учения в изображении смерти.

Вслед за Э. Роттердамским, А. Воланом и другими мыслителями эпохи Возрождения Симеон высказывается за умеренность во всем – в пище, в развлечениях, в одежде, в проявлении чувств, в светских беседах, в действиях, заключая свои психологические наблюдения в оболочку барочной моралистики. В вопросах обучения и воспитания Симеон следует традициям европейской педагогической мысли. Это и мысль Платона об уподоблении сердца юных воску, и образ молодого, легко гнущегося дерева в «Великой дидактике» Я. А. Коменского. Не оставил Симеон без внимания и идею Э. Роттердамского о том, что природная одаренность без должного воспитания и образования не может вознести человека к высотам интеллектуального и морального совершенства.

В произведениях «Диалог краткий», «Стихи к осудару царевичу» Симеон Полоцкий рисует образ мудрого монарха, цивилизатора, радетеля за благо подданных. В форме приветствий, восхвалений, славословий Симеон стремился воздействовать на царя и придворных, поучать их, проповедовать им новые нормы, взгляды и идеалы. В этом Симеон видел путь к совершенствованию всего общества, к будущему государству просвещенного абсолютизма.

Казимир Лыщинский (1634–1689) – философ, общественно-политический деятель XVII в., выходец из шляхетского рода Лыщинских, чьи владения находились в Брестском воеводстве Великого Княжества Литовского. Начальное образование получил в местной школе, затем в Брестском иезуитском коллегииуме. Участвовал в военных кампаниях – московской, шведской, турецкой. В 1658 г. вступил в орден иезуитов в Кракове и одновременно учился в четырехгодичной студии, готовившей преподавателей для иезуитских школ, сначала в Кракове, а затем в Калише. Окончив студию, некоторое время преподавал во Львове, а с 1665 г. являлся помощником ректора Брестского иезуитского коллегииума. В 1666 г. Лыщинский оставил Брест и поселился в своем имении. Занимался юридической практикой, избирался сеймовым послом от шляхты Брестского воеводства (1669, 1670, 1672, 1674 гг.). Привилеем от 1682 г. королем Яном III был назначен на должность брестского подсудка (помощника судьи). Он был членом трибунальского суда, писарем королевского суда. Занимался педагогической деятельностью, основав в своем имении школу. Лыщинский глубоко изучал философию, произведения мыслителей и ученых древности, своих современников.

История его жизни трагична. Его старый друг, браславский стольник Ян Казимир Бжоска задолжал Лыщинскому большую сумму денег и когда настало время возвращать долг, Бжоска выкрал часть трактата (около 13 тетрадей) и, поскольку трактат ему показался «богохульским», переслал рукопись виленскому епископу Константину Бжостовскому. В дальнейшем тексты были переданы на экспертизу теологам Виленской иезуитской академии, которые при-

знали тексты атеистическими. Было возбуждено дело об атеизме, которое рассматривал духовный суд, Лыщинского заочно признали виновным. Он был арестован, а приговор духовного суда для утверждения передали на Гродненский сейм.

Арест Лыщинского вызвал возмущение брестской шляхты: брестское воеводство расценивало эти действия как противоправные и противоречащие уголовному кодексу, согласно которому нельзя взять под стражу ни одного шляхтича до тех пор, пока не будет доказана его вина. В связи с этим воеводство рекомендовало своим послам на сейме не приступать к рассмотрению других дел, пока нарушение закона не будет устранено. В соответствии с данной инструкцией брестский земский писарь Людвиг Константин Поцей, выступая на Гродненском сейме, остро обличал духовенство, в частности, говорил о том, что оно угрожает шляхетской вольности: «Духовенство дошло до того, что только на основе доноса какой-то сомнительной личности, одного из шляхтичей вытащили из дома, бросили в тюрьму, лишив его движимого имущества»¹³¹. Людвиг Поцей считал, что это полностью противоречит законам. Дискуссии на Гродненском сейме и невозможность принятия какого-либо решения побудили депутатов перенести дело на Варшавский сейм и сеймовый суд. Суд начался 15 февраля и продолжался до 28 марта 1689 г. Судебный процесс, как и слушания в сейме, проходил сумбурно. Первоначально Лыщинскому было отказано в услугах адвоката. В ответ на просьбу Лыщинского о защитнике, король потребовал обвинителя спросить у Лыщинского, для чего ему нужен защитник, ибо, если он хочет его иметь для защиты атеизма, то такого не найдет.

Лыщинский на слушаниях заявлял, что его сочинение должно было называться «Диспут, в котором католик побеждает атеиста» и что он написал только первую часть, содержащую аргументы атеиста (который и употреблял обращение: *Nos athei* – «мы атеисты»), а некий теолог, которому он показал свою рукопись, не рекомендовал ему продолжать работу над ней. Среди наиболее часто цитируемых фрагментов текста Лыщинского были следующие: «Человек – творец Бога, а Бог – создание и творение человека. Таким образом, люди являются создателями и творцами Бога; а Бог – не реальное существо, а вымышленное, и к тому же химерическое; следовательно, Бог и химера – одно и то же». «Религия создана людьми без религии. Благочестие выдуманно людьми, чтобы им поклонялись как Богу. Страх перед Богом внушен теми, кто его не боится, чтобы их боялись. Вера, о которой говорят, что она от Бога, является человеческой историей. Ложной является логическая, или философская, наука, которая кичится тем, что учит о Боге правильно, и, наоборот, наука, осужденная как ложная, самая истинная». «Простой народ в угнетенности своей обманут более расчетливыми людьми выдуманной верой в Бога, и эту его угнетенность они так сохраняют, что если бы мудрецы захотели его от этой угнетенности освободить, открывая истину, то они этим народом и подавляются».

---

¹³¹ Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII вв. Минск, 1991. С. 179.

По всей видимости, обвинения Лыщинского в атеизме имели под собой основания в глазах его судей. Несмотря на то, что Лыщинский пытался объяснить философскую специфику своего трактата и то, что текст – это просто рассуждения, а не отрицание существования Бога, суд признал Лыщинского виновным. Мнения судей разошлись по поводу наказания. Большинство высказалось за смертную казнь. Так, кардинал Радиовский считал, что Лыщинского необходимо сжечь на костре и в таком месте, чтобы его могли видеть как можно больше людей. Впоследствии же на этом месте следовало бы поставить памятник, который заклеил бы его преступление. Епископ киевский Залусский предложил более суровое наказание: сначала отсечь Лыщинскому руку, которая писала богохульства, а затем сжечь его живым на костре, а пепел развеять по ветру. Однако епископ инфлянтский Поплавский предложил вначале отрубить ему голову. В отношении имущества обвиняемого, одни предлагали его конфисковать и половину отдать доносчику, другие же были против конфискации, утверждая, что его детям и так будет достаточно тяжело под гнетом бесчестия их отца, и притом считали недопустимым награждать доносчика половиной имущества Лыщинского, ибо это можно рассматривать как поощрение к доносительству. Были и защитники Лыщинского, в том числе воевода смоленский Стефан Пясечинский, писарь литовский Андрей Гелгут, писарь брестский Людвиг Поцей. Однако 10 марта Лыщинский публично признался в своих заблуждениях. А 30 марта 1689 г. смертный приговор был приведен в исполнение. Сначала Лыщинский сжег собственные сочинения, затем ему отрубили голову, останки казненного вывезли за город и сожгли.

Часть рукописи была уничтожена во время казни автора, судьба оставшейся части неизвестна. Об идеях сочинения «О несуществовании Бога» можно судить по сведениям, извлеченным из материалов судебных хроник, протоколов, фрагментам и тезисам, опубликованным польским ученым А. Новицким в 1957 г., эпитафии, составленной Лыщинским еще при жизни, высказываниям современников, свидетелей и участников процесса, «Доносу» Я. Бжоски, «Речи Симона Куровича», инстигатора Великого Княжества Литовского, и некоторым другим документам. Сообщения о процессе по делу Лыщинского печатались в парижском еженедельнике «Газетт». Имя Лыщинского в газете не упоминалось, а говорилось о «шляхтиче, обвиненном в атеизме». Сообщения, которые публиковались в «Газетт», были очень короткими, но, несмотря на это, дело приобрело европейскую огласку.

Был ли Лыщинский на самом деле атеистом или нет, видимо, мы не узнаем никогда: слишком мало документов той эпохи дошло до наших дней и самый главный трактат Лыщинского был уничтожен. Отрывочные материалы по делу Лыщинского позволяют лишь констатировать тот факт, что Лыщинский был скорее философом ренессансного типа, который посчитал возможным подвергнуть анализу и критике положения христианской веры. Лишь нелепая случайность (предательство старого друга) спровоцировала трагический финал. Судебный процесс по делу Лыщинского можно считать показательным. XVII век – это время борьбы клерикализма с философским вольнодумством. Свиде-

тельствует об этом то, что на процессе доминировал не юридический, а идеологический фактор, необходимость расправы над «атеистом» и «богохульником». Обращает внимание и тот факт, что в защиту Лыщинского поднялась шляхта Брестского воеводства, не в защиту «атеизма», а в защиту правовых норм страны, соблюдения прав и свобод граждан.

2.5. Социально-философская мысль Беларуси XVI-XIX вв: персоналии и концепции

Михалон Литвин – его настоящее имя предположительно Венцеслав (Венцлав, Вацлав) Миколаевич, жил около 1490–1560 гг. Впервые Венцлав Миколаевич упоминается в письменных источниках как писарь (вероятно, Виленского воеводы) в 1521 г. Венцеслав Миколаевич – один из наиболее просвещенных людей своего времени, автор «Трактата о нравах татар, литвинов и московитян» (1550 г.). Михалон Литвин скрыл свое имя, взял литературный псевдоним, опасаясь нападков со стороны затронутых его критикой магнатов и священников.

Названный трактат является полемическим сочинением, адресованным Великому князю Литовскому и королю польскому Сигизмунду II Августу. По своему содержанию он является своеобразным источником по истории Московского царства, Крымского ханства, но в большей степени по истории общественной мысли Литовского княжества за два десятилетия до его унии с Коронной Польской и образования нового государства – Речи Посполитой. Трактат был написан на латинском языке и дошел до нас лишь в выдержках, фрагментах. Судьба рукописи до сих пор не известна.

В центре трактата Михалона Литвина – культ государственности времен Витовта, когда территория Великого княжества была почти беспредельна и простиралась от Балтийского до Черного моря. Витовт, по мнению Литвина, – «наш герой», поскольку примеру великого Витовта следует эталонный правитель Иван IV, которого Литвин всячески превозносит. «Московиты заимствовали законы Витовта», которыми в Великом княжестве уже «пренебрегают».

Михалон Литвин – сторонник реформ, которые укрепили бы Великое княжество Литовское. Он вспоминает о тех временах, когда литвины превосходили другие народы своими достоинствами, но отмечает, что этот перевес сохранился лишь «в силах», «московитяне и татары превосходят трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью». По мнению Михалона, следует «постоянно обучать своих людей воинскому искусству», подобно тому, как это делает «страшный» Иван IV Грозный¹³².

Вечно пустая казна Великого княжества, заклады великокняжеских земель для покрытия дефицита – все эти проблемы были, вероятно, хорошо зна-

¹³² Здесь и далее цит. по изданию: Михалон Литвин. О нравах татар, литвинов и московитян. – М.: издательство МГУ, 1994. С. 62–106.

комы Михалону. И потому он призывает к экономии государственных средств, ставя в пример Москву, где посольства исполняются за собственный счет послов, где казна еще со времен Ивана III, отличавшегося бережливостью, занималась продажей мякины, сена и соломы. Целесообразной представляется ему и военная система Московии, где каждый отправляется на военную службу по очереди. Михалон выступает с программой реорганизации военного дела в ВКЛ. Аргументом против использования наемников является и пример «москоч», которые не готовят в войско наемников, «не расточают на них деньги», «но стараются поощрять своих людей к усердной службе, заботясь не о плате за службу, но об увеличении их наследственного имущества». Литвин критикует «ленивую беспечность» своих соотечественников в военном деле: «Враги наши татары нападают на нас со словами: «Иван, ты спишь, а я тружусь, связывая тебя». И продолжает: «Ныне наших воинов погибает в безделье по кабакам и в драках друг с другом больше, чем врагов, которые разоряли нашу отчизну».

Насущной необходимостью представлялась Михалону и судебная реформа, поскольку система судопроизводства вызывала широкое недовольство в Княжестве, как и в Короне Польской. Он сетует на судебные порядки по уголовным делам, когда вора судит в соответствии с феодальной юрисдикцией свой же собственный господин, кому он нес краденое. Михалон высоко оценивает судопроизводство, принятое у татар, среди которых суду кадия повинуются «и знать, и вожди с народом равно и без различия... а также все до единого живут по одному и тому же закону». Он приводит и другой, положительный, с его точки зрения, пример – суд Короны Польской. При этом Литвин противопоставляет судебные установления Короны Польской (Пиотрковский статут 1511 г.) и Великого Княжества Литовского (статут 1529 г.), обнаруживая стремление уравнивать положение польской и литовской шляхты. Михалон Литвин критикует законные и незаконные поборы в суде, передачу правосудия в руки частных лиц, недостатки существующих законов и процессуальных норм.

Автор трактата ратует за восстановление добрых нравов в ВКЛ, которые сгубили «неумеренность и пьянство». «В Московии нигде нет кабаков. У татар тот, кто лишь попробует вина, получает восемьдесят ударов палками и платит штраф». «День у нас начинается с питья огненной воды. «Вина, вина! – кричат еще в постели. Пьется потом эта отравка мужчинами, женщинами, юношами на улицах; а отравившись, они ничего после не могут делать, кроме как спать». Трудолюбие, любовь к порядку, храбрость и умеренность – вот те достоинства, которыми, по мнению Литвина, «упрочиваются королевства».

Середина XVI в. – время, когда создавалось сочинение Михалона Литвина, – это и время расцвета Возрождения в Польше и ВКЛ. Самым характерным выражением этой эпохи были «сарматский миф» и «римская легенда». Преклонение перед античностью характерно было для всего европейского мира эпохи Возрождения. Для образованных людей того времени их собственный мир был продолжением античного, а современные государства – преемниками и носителями римской власти, наследием Римской империи. Согласно «сарматской легенде», польская шляхта генетически восходит к сарматам (т. е. ираноя-

зычному населению степей от Тобола до Дуная III в. до н. э. – IV в. н. э.). В античной литературе этого времени территория Скифии стала именоваться Сарматией. В польской же литературе эпохи Возрождения, в которой античность становилась синонимом всего самого героического, требующего восхищения и подражания, сарматы уже по соотнесению с античным Римом были отождествлены с римлянами. Согласно легенде, изложенной Яном Длугошем еще в XV в., сармат (римлянин) выступает прародителем шляхты. Параллельно с польским «сарматским» мифом в ВКЛ сформировался «римский». Немецкий хронист Петр Дусбург в XIV в. сообщал о сражениях пруссов, родственных литвинам, с воинами Цезаря. Он с этим событием связывал и название древнего святилища Ромове. Вплоть до XVI в. бытовали и другие предания, согласно которым древние литвины воевали не только с Цезарем, но и с Александром Македонским или же были потомками воинов этих полководцев. Польская традиция XV в. сохранила несколько вариантов легенды о литвинах как потомках древних римлян. Ректор Краковского университета Ян из Людзишки в своем приветствии новому избранному в 1447 г. королю Казимиру Ягеллону высказал надежду, что король из династии, происходящей от римских консулов и преторов, сумеет ограничить произвол светских и духовных магнатов. Один из первых гуманистов Польши Ян Остророг в речи, обращенной к папе Павлу II, не только восхвалял природу Польши (включая в нее и ВКЛ), но и прославлял победы древних жителей этой земли над Юлием Цезарем: они-де сумели отвоевать его город (город Юлия), то есть Вильнюс. Монархическая модель теории о римском происхождении литвинов считала основателем национальных династий самого Юлия Цезаря. Существовала и другая модель – республиканско-аристократическая, которая связывала происхождение литвинов с Помпеем, противником Цезаря. Уже само обращение к имени Помпея придавало легенде в глазах современников иную, «республиканскую» направленность, выражавшую интересы аристократических кругов. Именно эту версию изложил Ян Длугош в своей «Истории Польши»: развивая теорию Петра Дусбурга, он указал, что Ромове было основано бежавшими от преследований Цезаря сторонниками Помпея. Даже название «Литуания» (Litvania или Lituania) он возводил к искаженному «l'Italia». Но не только топонимы свидетельствовали, по Длугошу, о римском происхождении древних литвинов: он привел и факты сходства языка, обычаев и верований (почитание одинаковых богов, огня, грома, леса, культ Эскулапа). Хотя труд Длугоша остался ненапечатанным, он оказал заметное воздействие на формирование римской легенды происхождения литвинов. Так, по политической направленности к легенде, изложенной Длугошем, весьма близка версия древнебелорусских летописей. Согласно ей, во времена Нерона от его жестокостей бежали 500 римских семей во главе с Палемоном. От них-то и произошла не только правящая династия, но и наиболее могущественные фамилии Великого княжества XVI в.

Михалон Литвин сознательно избирает «цезаристский» вариант легенды. Он отвергает легенду о Палемоне, и не приводит никаких фантастических генеалогий аристократических родов Великого Княжества, восходящих к римля-

нам. Великое Княжество у него – это завоеванная воинами императора провинция, подобная Дакии – Валахии – Румынии. Переселение же этих воинов он объяснял последствиями бури, разметавшей суда воинов Цезаря, направлявшихся в Британию. Вместе с тем в трактате не приводятся полновесных доказательств происхождения литвинов от римлян. Весьма своеобразна также его позиция по отношению к язычеству. Его современники – защитники католичества (среди них Гусовский – автор знаменитой «Поэмы о зубре») – резко осуждали язычество. Михалон же, будучи католиком, исполнен гордости за свой народ, сохранивший древнюю веру предков, что также, по его мнению, роднило литвинов с римлянами. Сочетание христианской веры с гордостью за сохранение язычества – любопытная черта своеобразной ментальности образованного дворянина ВКЛ середины XVI в., отнюдь не догматически воспринимавшего религиозные каноны и догмы. Такой взгляд на древние обычаи и мифологию является попыткой использовать культурный опыт народа в патриотических целях. С теорией о римском происхождении тесно связано и резко отрицательное отношение Михалона к чуждому «рутенскому» языку, московитской письменности, употреблявшихся и в делопроизводстве, и в законодательстве, и в суде. «Рутенский язык чужд нам, литвинам, то есть итальянцам, происшедшим от итальянской крови». «Московские письма», в отличие от латинского, «не побуждают к доблести», в то время как доблесть составляет едва ли не главное качество, унаследованное литовцами от римлян. Именно доблесть позволила «нашим предкам, воинам и гражданам римским», соратникам Юлия Цезаря, претерпеть все невзгоды и опасности, долгое время «жить в шатрах с очагами, по военному обычаю», а потом покорить ятвягов и рутенов, избавив последних от власти заволжских татар. Потом они распространили свое владычество «от моря Жемайтского, называемого Балтийским, до Понта Эвксинского», создав громадную державу. Согласно этой легенде, уже Миндовг принял «святое крещение», корону и королевский титул, хотя «по смерти его как титул королевский, так и христианство погибли», пока не возродились в годы Кревской унии 1385 г. Наряду с «рутенским» в ВКЛ бытовала и латынь, она была языком международных договоров с западными странами, языком важнейших общеземских привилегий, документации католической церкви.

Михалон Литвин оппонировал в своем трактате традиционным доводам русской стороны о древности их государей. Ведь для Литвина царь Иван IV оставался лишь великим князем. В Великом Княжестве считали, что русские князья подвластны Великому литовскому князю; здесь никак не могли забыть условий соглашения Василия I с Витовтом, согласно которому предусматривалась опека литовского князя над наследником московского великокняжеского престола.

Сочинение Михалона дает возможность познакомиться и с его представлениями о семье, любви и их месте в жизни общества и человека. Он весьма противоречиво, вопреки христианской морали и традиции (но со ссылкой на Библию), оправдывает институт многоженства, подходя к нему прагматически и поставив во главу угла потребность государства в воинах. Более того, если

верить Михалону, то многоженство делает татар счастливыми в супружестве, не вызывая у женщин ни протеста, ни ревности. Татары и москвитяне удостоиваются похвалы за то, что «не дают женщинам никакой воли». «Наши жены ходят без дела в гости друг к другу, вмешиваясь в мужские компании, одеты чуть ли не по-мужски. Вот откуда рождается соблазн». Михалон считает постыдной властью женщины даже внутри дома. Один же из пороков литовской жизни он видит в том, что женщины надменны, стремятся быть богатыми и красивыми. Страшнее же всего власть и богатство, которыми иногда оказываются наделены женщины. Михалон критикует и порядок, при котором женщинам принадлежат многие крепости, в то время как их «следует вверять только сильным духом мужчинам».

Трактат Михалона Литвина – памятник не только общественной мысли и дворянской идеологии, но и особой шляхетской ментальности. В нем отразились базовые, неотрефлексированные и неидеологизированные стереотипы шляхетского сознания Великого княжества, а также тенденции развития гуманистической культуры того времени.

Анджей Волян (1530–1610) – политический деятель Великого Княжества Литовского 2-й пол. XVI – нач. XVII в., идеолог умеренной Реформации и религиозный полемист, философ и социальный мыслитель эпохи Возрождения. Родился около 1530 г. в Польше в шляхетской семье. Учился в университетах во Франкфурте-на-Одере и Кенигсберге. Был секретарем при королях Сигизмунде Августе, Стефане Батории и Сигизмунде III Вазе, сеймовым послом от шляхты Ошмянского повета. Сыграл выдающуюся роль во многих внешнеполитических акциях королевского правительства, в частности содействовал налаживанию мирных и добрососедских отношений между Речью Посполитой и Русским государством. Как полемист вел борьбу на два фронта – против католических теологов, главным образом иезуитов, и против радикальных реформаторов – социниан. Волян – автор многочисленных сочинений: «О политической, или гражданской свободе» (1572), «Размышления над посланием божественного апостола Павла к ефесцам» (1592), «О счастливой жизни, или наивысшем человеческом благе» (1596), «О государе и его личных добродетелях» (1608) и другие. Умер А. Волян 6 января 1610 г. в своём имении Бьютишки (Ошмянский повет), где были написаны почти все его труды.

Волян являлся выразителем интересов гуманистически настроенной мелкой и средней шляхты, понимающей всю важность и необходимость реформирования органов государственной власти Речи Посполитой, судопроизводства, религиозно-церковной жизни, улучшения законодательства, ослабления крепостного гнета, развития ремесла, торговли, науки, совершенствования морали. Он развивал учение о естественном происхождении общества, государства, права, приобретенном характере благородства, или шляхетства, склонялся к мысли о том, что в истории решающую роль играет субъективная деятельность людей, а не божественное провидение.

Волан являлся приверженцем платоновского учения о союзе политики и философии, совмещении в одном лице правителя и философа. Это учение он пропагандирует во всех своих произведениях и прежде всего в трактате «О политической, или гражданской свободе». В трактате «О государе и его личных добродетелях» Волан создал теоретический идеал мудрого, справедливого правителя, опирающегося на научное знание: «В самом деле, разве есть, я спрашиваю, в государстве хоть какая сфера, в которой можно было бы управлять без большого знания и опыта? Без помощи наук невозможно достичь и красноречия, которое имеет большое значение в руководстве людскими делами. ... Именно вся деятельность, весь круг обязанностей государей и сводится прежде всего к тому, чтобы нести благополучие гражданам, способствовать благосостоянию людей. И в этом их истинная слава. Но прежде всего следует охранять те законы, которые обеспечивают в государстве всеобщее спокойствие, скрепленное этими законами, словно нитями, и всеми одобренное ради того, чтобы каждый жил тихо и мирно, безо всякого страха перед опасностью. Ведь там, где отпущена узда для неистовства людей настолько, что одни безнаказанно совершают над другими все, что им вздумается, то это уже не государство, не общество, а шайка разбойников или какая-то живодерня, где каждый грызет каждого»¹³³. Как и античные мыслители, добродетелями государя Волан считал мудрость, умеренность, справедливость, мужество, благочестие. Среди наиболее почитаемых античных авторов у Волана – Аристотель и Цицерон.

Волан рассматривает мораль как главный фактор влияния на социально-политическую сферу, а разрушение общественных основ он связывал в первую очередь с падением нравов. Врожденные качества человека формируют его естественные права, в частности свободу и равенство: «Наука права написана в нашем сознании от Господа Бога, чтобы мы никого не обижали, а чего себе не хотим, другим не делали».

Главное достоинство человека – свобода, которая обеспечивает развитие общества и государства. Однако именно свобода находится под угрозой «дурных человеческих страстей». Инструментом, сдерживающим «дурные страсти» и защищающим свободу, является право. В той же работе Волан пишет: «Нет свободы без права ... Государство, будучи стражем общей свободы, устанавливает не любые права для обеспечения свободы, а только такие, которые сдерживают подлости, причиняющие вред другому... граждане в каждом государстве должны жить в соответствии с правом, чтобы никому не причинять вреда»¹³⁴.

Государство Волан рассматривает как исторически обусловленный институт, возникновение которого возникло в связи с необходимостью защиты естественных прав граждан. Волан пишет о государстве как о сообществе, которое имеет договорной характер, где субъектами договора являются сословия:

---

¹³³ Волан А. О государе и его личных добродетелях (фрагменты) // Памятники философской мысли Белоруссии. Минск, 1991. С.49–51.

¹³⁴ Там же. С.49–51.

«Все государства разрушаются и гибнут из-за разрушения отношений между сословиями».

Одной из фундаментальных идей политической философии Волана является идея *«общественного согласия»*. Несмотря на то, что общество объединяет социально неравные группы людей, полагал мыслитель, последние обязаны мирно сосуществовать, сотрудничать между собой. Социальная гармония, мир и согласие между сословиями – основное условие нормального функционирования общественного организма. Однако в нравственно несовершенной природе человека присутствует постоянная тенденция к дисгармонии, нарушению общественного согласия посредством утверждения своих эгоистических интересов и потребностей в ущерб интересам и потребностям других людей, что ведет к потере свободы и распаду общества. Волан считал, что хранителями социального мира и общественного согласия являются законы и мудрая государственная власть. Волан являлся приверженцем ограниченной монархии. «Власть короля должна быть ограничена правом и сеймом...Короля можно упрощить, а право – вещь глухая, неупросимая...».

Волан критиковал деятельность судов своего времени, был инициатором создания высших апелляционных судов (в 1581 году был издан закон об образовании Главного суда), которые помогли бы преодолеть бюрократическую волокиту в судопроизводстве. По мнению Волана, судья как страж порядка должен быть «правдив, большой мудростью награжден, чтобы за ошибкой и за глупостью своей большого вреда и беды гражданам не принес».

Политическая философия А. Волана основана на элементах юридического мировоззрения и строится на ключевых идеях того времени: концепции естественного права, разграничения сфер общества и государства, идеале правителя – мудреца-философа, ученого.

Александр (Арон, Адам) Олизаровский (ок.1618 г. – ок.1659 г.) – политический мыслитель, доктор права, профессор юридического факультета Виленского университета. В своей автобиографической записке Олизаровский писал, что он родом из «русской» (белорусской или украинской) семьи и местом рождения называет Белую Церковь (насел. пункт либо под Киевом, либо в Витебской обл.). Автор сочинения «О политической общности людей» (1651), которое было написано как в научных целях, так и учебных. Образцом для этого сочинения служила аристотелевская «Политика», Аристотеля же Олизаровский часто называет «великим философом». Существенное влияние на политические взгляды Олизаровского оказали также сочинения Ж. Бодена.

Сочинение «О политической общности людей» состоит из введения и трех книг: «Дом», «Общество», «Государство». В первой книге автор рассматривает вопросы брака и семьи, воспитания детей (роль в воспитании литературы, музыки, живописи, физкультуры, путешествий, ремесла), обязанности родителей и детей. Отдельная глава посвящена выяснению пределов власти господина над рабом, соотношения свободы и рабства и т. д. Особой политической остротой отличается содержащийся в этой главе параграф «О земледельцах

Царства Польского, в просторечии кметах, и являются ли они рабами или свободными людьми». Во второй книге Олизаровский стремится выявить сущность общества, сословно-классовых отношений, права и т. д. Третья книга посвящена анализу института государства.

Опираясь на идеи *естественного права* и *общественного договора*, Олизаровский подвергает критике многие стороны феодальных отношений и в первую очередь бесправное положение крестьян в Речи Посполитой. Рассматривая различные формы государственного устройства, автор показывает, что каждое из них противоречиво, содержит как положительные, так и отрицательные черты. Высказываясь в пользу наследственной монархии, он пишет, что в ней содержится больше достоинств и меньше недостатков по сравнению с другими. Наследование престола позволяет избежать опасности анархии в период междоусобицы, коррупции в период выборов короля, гражданских войн и военных столкновений аристократических группировок, подмены общественного блага частной выгодой случайно избранного короля. Олизаровский верит в возможность изменения социальных отношений посредством морального совершенствования человека, рациональной деятельности, использования творческой преобразующей мощи государства и права.

Наиболее интересная часть его сочинения посвящена проблематике государства и гражданского общества. «Материальной причиной гражданского общества являются граждане.... Гражданином является свободный человек, подчиненный наивысшей власти другого». Следуя за мнением Аристотеля, Олизаровский пишет, что понятие «гражданин» «должно включать в себя право и участие в голосовании», «гражданское общество является как бы живым организмом»¹³⁵.

«Государство – это союз людей, объединенных общим правом, образовавшийся из множества поселений и созданный для хорошей и счастливой жизни». А. Олизаровский пытается сравнивать государство с иными сообществами, например с сообществами пиратов и разбойников и заключает: «Подальше от определения государства мы отодвинули собрание разбойников и пиратов, собравшихся не для хорошей, а для дурной и бесчестной жизни. Не должно быть никакого доверия к ним и никакого общего права с ними». Олизаровский пишет: «для образования государства вышеназванные союзы должны состояться из множества поселений и никак иначе. Как показано, государственность есть нечто противоположное дому и семье. Последние также являются некими общностями, однако образованными не из поселений, как государства, а из определенных лиц, а именно: из господина и невольника, мужа и жены, родителей и детей, живущих сообща или порознь. Существует также частная собственность, она называется имуществом и служит тому, чтобы семейство и все домочадцы жили вместе, взаимно трудились для удовлетворения необходимых жизненных потребностей. В такой общности главой семейства называется тот,

---

¹³⁵ Олизаровский А. О политической общности людей (фрагменты) // Памятники философской мысли Белоруссии. Минск, 1991. С.136–138.

кто является старшим и держит власть над остальными. Его супружеское руководство женой, отцовское — детьми, хозяйское — рабами называется домоустройством. И вот из такого рода семейств, из множества домов образуются деревни, а множество деревень сливается в общность граждан, которую мы называем государством»¹³⁶.

Аналогичное определение государства и гражданского общества дает *Лука Залусский* (1604–1676) — уроженец Минщины, философ и теолог, автор сочинения «Общая философия» (1640). «Общая философия» — трехлетний курс философии, прочитанный им в Виленском университете.

Следуя за аристотелевским делением на практическую и теоретическую философию, Залусский выделяет в первой — практической части разделы «Этика», «Экономика», «Политика», а во второй — «Логикку», «Натуральную философию», «Метафизику». На первый план Залусский ставит науки о человеке, а не о природе и способах познания. Залусский считает, что философия должна служить совершенствованию человеческой нравственности и общественно-политической жизни. «Политика — это наука управления государством. Государством является общность всякого целостного законного общества, связанного единой властью»¹³⁷.

Показательно, что в первых учебных курсах по теории политики Залусским и Олизаровским подчеркивается значение горизонтальных связей и отношений, а также суверенитет общества по отношению к государству. Эта теоретическая парадигма не просто закрепила существующий порядок политической деятельности народа — шляхты, выборы правителя, но и создала стандарты в политической культуре и поведении будущих представителей шляхетской элиты, тем самым способствовала самовоспроизводству данных политических идеалов.

Интересно также то, что политические теории А. Волана, А. Олизаровского, Л. Залусского были основаны на этической концепции, наибольшее влияние на которую оказал аристотелизм. Этику можно даже считать предварительной ступенью для изучения политики: «Забота каждого состоит в том, чтобы свою жизнь правильно устроить и организовать прежде, чем приступить к управлению семьей и государством». Лука Залусский подчеркивает практическую значимость этики: «Людьми мы рождаемся, добрыми же становимся благодаря добродетели и упражнению в ней», «Никто не рождается порочным, а те противоречия, которые существуют от природы, навыком не уничтожаются и не уменьшаются. Пороки и добродетели навык укрепляет или разрушает»¹³⁸.

Показательно, что этико-политические идеи нашли отражение даже в художественной литературе данного периода. Известный поэт, теоретик литературы, профессор Виленского университета *Матей Казимир Сарбевский* (1595–1640) в своем сочинении «Боги язычников» (Полоцк, 1626–1627) нахо-

¹³⁶ Там же. С. 140.

¹³⁷ Залусский Л. Общая философия (фрагменты) // Памятники философской мысли Белоруссии. Минск, 1991. С. 99.

¹³⁸ Там же. С. 94.

дит политический смысл в образах античных богов. Так, например, он пишет по поводу божества рассудка: «Святилища рассудка и веры были на Капитолии, потому, что рассудок именно в голове (in capite) помещается, рассудок и вера должны присутствовать в курии и сенате». Комментирует Сарбевский также образ «Свободы священной», отмечая, что храм Свободы на Авентине был построен на деньги, полученные в виде штрафов. Сам образ Свободы, изображенный на монетах, Сарбевский описывает так: «В правой ладони взвешивает отвес, имеющий форму пилея (войлочная круглая шапка, которую надевали рабы при продаже или при освобождении из рабства), а также у Свободы шлем на голове». М. Сарбевский пишет: «Полагаю, это должно было означать в политическом смысле, что не может быть достойной почтения та свобода, которая не имеет шлема на голове, не обеспечивает безопасность царю или государю. Если же тобой избранный государь получает безопасность благодаря внешней силе, то не получается ли тут тирания? Отвес взвешенный означает, что в государстве все должно быть правильно, и не может быть свободной родина, в которой, как говорят, то, что строится, строится без отвеса и линейки»¹³⁹.

Практически ориентированная добродетель, баланс государства и «политического общества», их суверенитет относительно друг друга, развитые горизонтальные структуры, приоритет права, гражданские свободы, активная социальная позиция граждан – таковы ценностные приоритеты отечественной этико-политической мысли и культуры XVI–XVII вв.

Вышесказанное позволяет заключить, что на протяжении XVI–XVIII вв. на Беларуси постепенно формируется философия как особая отрасль знания и рациональная традиция понимания общества и политики, основанная на анализе конкретных исторических событий и фактов. Авторы того времени пытались выстроить логику исторического пути, исследовать жизнь социальных групп и политических лидеров. Хотя философское знание XVI–XVII вв. является преимущественно религиозным, новая традиция была основана на восприятии человека как единственного творца социальной и политической жизни, вере в возможность социального переустройства на основе знания законов развития общества и политики.

XVIII век для Беларуси – это время новых философских и политических идей, время выдающихся деятелей. Главные идеологические приоритеты этого времени – просвещение, наука, разум. Видные деятели той эпохи считали, что рациональная организация экономики, политического управления, защита прав и свобод человека станет общим делом всех настоящих граждан и патриотов своей страны. Учение французских экономистов – физиократов Тюрго и Кондорсе приобрело широкую известность в Речи Посполитой, даже большую популярность, чем во Франции. Широкое интеллектуальное течение, созданное на основе физиократизма и теории «естественного права», отразилось не только в

¹³⁹ Сарбевский М. Боги язычников (фрагменты) // Памятники философской мысли Белоруссии. Минск, 1991. С. 84–89.

философских трудах того времени, но и в реальных действиях. Творчество И. Стройновского, «Павловская республика» П. К. Бжостовского, реформаторская деятельность А. Тизенгауза в Гродно, работа в составе Эдукационной комиссии И. Хрептовича и католического епископа И. Масальского, правозащитная деятельность православного епископа Г. Конисского – свидетельства того, насколько сильным и эффективным может быть союз науки и философии.

Новые ростки рациональной социологии, географии, истории формировались, преодолевая традиционные религиозные взгляды «провиденциализма», утверждавшего, что Бог является единственным полноправным творцом человеческой истории и общественной жизни. Среди новых социально-политических идей того времени – антикрепостнические идеи Ю. Павликовского, социальный утопизм И. Еленского и, наконец, новый светский подход к изучению истории Ф. Папроцкого и А. Нарушевича.

Активная общественная и политическая деятельность наших знаменитых соотечественников показывает пример патриотического служения своему народу и своей стране, достойный всяческого восхищения и подражания.

Иероним Стройновский (1752–1815) является одним из самых известных философов ВКЛ. Благодаря его стараниям в Главной Виленской школе была создана кафедра естественного права. Его рукописи по проблемам социально-политического устройства были изданы в качестве учебника под названием «Наука естественного и политического права, политической экономии и права народов» (1785).

Стройновский являлся представителем школы физиократов и главная его задача – поиск оптимального пути развития Речи Посполитой. Стройновский полагал, что причиной бедственного положения страны является незнание естественных законов, которые определяют существование не только природных вещей, но и общества. Человек, в первую очередь, подчиняется естественному закону, им руководят естественные потребности в еде и жилье. Над этими потребностями возвышаются духовные запросы человека. Таким образом, говорит Стройновский, подчинение естественному закону – необходимое и неизбежное условие существования человека. На основе этих законов возникает и моральный закон, который определяет не природное, а социальное существование человека, его право на частную собственность, на свободу и обязанность не притязать на собственность и свободу других.

Другим важным понятием, с помощью которого Стройновский раскрывает суть социального и политического бытия человека, является понятие общественного договора. Теория Стройновского субординирует биологические, моральные и социальные нормы жизни: «естественный порядок – моральный порядок – общественный порядок»: неизменный и первичный естественный порядок, которому подчиняются все вещи, определяет соответствующий ему моральный порядок среди людей. Только при сохранении морального порядка может возникнуть общественный. Понимание людьми необходимости своей собственной безопасности и невозможности самостоятельно удовлетво-

рить все свои потребности привело к заключению общественного договора и передаче власти в руки одного или нескольких лиц. Этот общественный порядок определяет права и обязанности (которые рассматриваются как политические законы), соблюдение которых обеспечивается не только механизмами морального контроля, но и специальными институтами законодательной, исполнительной и судебной власти. Стройновский выступает как противник государственного абсолютизма. Власть не может быть заключена в одних руках, не может быть самовольной и неограниченной, а всегда должна быть соотнесена с волей и интересами народа, который она представляет. Исходя из этого можно сделать вывод о том, как Стройновский исследовал проблему соотношения общественных и государственных интересов с интересами человека: они находятся в неразрывной связи, однако все же интересы человека являются приоритетными, поскольку государство и общество – это способы существования человека. Государственные интересы представляют собой не сумму интересов всех граждан, а то общее, что позволяет обеспечить безопасность, справедливость и благополучие для всех.

Среди главных задач государства Стройновский называет установление мира. Каждый народ имеет право ведения войны, однако этим правом можно воспользоваться исключительно в случае своей защиты или защиты народа, по отношению к которому ведется несправедливая война. Условием мира является равновесие между народами, когда ни одно государство не превосходит другое своей силой. Следует отметить, что Стройновский определяет принципы ведения политики исходя из приоритета экономических интересов, поскольку должное функционирование экономики обеспечивает благополучие народа. Все действия государства должны быть подчинены цели поддержания экономики.

Идеи Иеронима Стройновского оказали огромное влияние на развитие политической науки в Речи Посполитой. Помимо преподавательской деятельности Стройновский принимал активное участие в государственных делах, являя собой пример плодотворного союза философии и политики.

Иоахим Литавор Хрептович (1729–1812), канцлер Великого Княжества Литовского, один из организаторов и активных деятелей Образовательной комиссии, которая занималась вопросами народного образования. И. Хрептович был родом с Новогрудчины. Учился в Виленской академии. В новогрудском воеводстве и своих имениях Щорсы и Вишнево он провел аграрную реформу в соответствии с представлениями физиократов, построил школу, библиотеку с архивом, включавшей более 10 тысяч экземпляров книг, в том числе и произведений великих философов древности. И. Хрептович основал в Варшаве «Общество друзей науки». Наиболее известны из его сочинений – «О ежегодном воспроизводстве страны», «О естественном праве». В центре философии Хрептовича – человек со всеми его потребностями, интересами, правами и обязанностями. Удовлетворяя свои потребности, человек должен считаться с потребностями других людей. Естественный порядок Хрептович понимал как удовле-

творение различных потребностей¹⁴⁰ и профессиональную самореализацию человека на определенном месте, исключая попытки «занять чужое место». Однако если человек не имеет свободы, безопасности, собственности, он становится изгоем, бесполезным для себя и общества. Он вырван из закономерных связей природы и общества. «Какие же он может иметь обязанности, не имея прав? Разве заставишь его работать? Ведь его полезнейшие способности разума, сообразительность не подчиняются принуждению». И. Хрептович считал человека и его способности главным элементом производства. Просветительский гуманизм Хрептовича проявился в уважении к личности зависимых крестьян, признании естественных прав, во внимании к творчеству простого народа.

Игнатий Масальский (1729–1794) – католический виленский епископ, который под влиянием идей физиократов даже в своих пастырских посланиях говорил об улучшении ведения хозяйства, рациональной обработке земли, строительстве дорог. И. Масальский родился в семье гетмана ВКЛ Михаила Иосифа Масальского. Образование, а также степень доктора философии и теологии получил в Риме. В 1762 г. стал членом Образовательной комиссии Речи Посполитой, одновременно был распорядителем фонда публичного воспитания в Литве. Масальский, как и многие другие деятели Речи Посполитой XVIII века, стремился улучшить систему образования и условия жизни простого народа, даровать свободу крепостным крестьянам. Масальский поддерживал непосредственные контакты с французскими просветителями, в частности с Дидро, состоял в парижском кружке физиократов, выступал за парламентское правление, республиканский строй.

Конисский Григорий (Георгий) Осипович (1717–1795). Обучался в Киево-Могилянской Академии, с 1751 года – архимандрит Киевского братского монастыря, а с 1752 г. – ректор Академии.

20 августа 1755 г. был возведен в ранг епископа Могилевского. В 1762 г. присутствовал в Москве на коронации Екатерины II. С 14 декабря 1772 г. (после 1-го раздела Речи Посполитой и присоединения белорусских земель к России) стал именоваться епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским. В 1780 г. заложил в Могилеве кафедральный собор во имя преп. Иосифа. В 1783 г. возведен в сан архиепископа и назначен членом Святейшего Синода.

Георгий Конисский был разносторонним и одаренным человеком. Он был талантливым учителем, внесшим живую струю в преподавание многих академических предметов. Им были написаны и лирические стихи, и драматургия «Воскресение мертвых», и даже курс философии.

Философский трактат «Философия, состоящая из четырех частей и соответственно четырем способностям включающая логику, метафизику, физику и этику» был написан на латинском языке и содержал обзор

---

¹⁴⁰ Chreptowicz I. Prawo natury. Warszawa, 1814. S. 40.

философского наследия Аристотеля, Декарта, Спинозы и др. Г. Конисский демонстрирует в своем трактате убежденность в том, что люди от природы способны познавать окружающий мир, что помогает им в этом изучение естествознания, в том числе теория Коперника. По мнению Г. Конисского, познание связано с возбуждением, которое связывает орган чувства и человеческий мозг: возбуждение передается по нервам с помощью анимальных духов. Интересна этика Г. Конисского, в ней заметны гуманистические и светские черты. Конисский полагал, что человеку нужно искать в этой смертной жизни то, что является наивысшим благом, а не ждать его на том свете.

В 1757 г. он открыл в Могилеве школу для духовенства и устроил при архиепископском доме типографию, тем самым стремясь повысить общий образовательный уровень православного духовенства.

Настоящая известность пришла к нему в связи с его правозащитной деятельностью. В 1762 г. он от имени всех диссидентов Речи Посполитой обратился к Синоду (съезду епископов) с жалобой на религиозные притеснения диссидентов. Позже, в 1765 г., Г. Конисский выступил перед королем С. Понятовским с речью в защиту прав диссидентов. «Мы полностью убеждены в том, что ты верховной властью своей, всемилостиво прикажешь вернуть нам нашу первоначальную свободу». Эта речь принесла Конисскому европейскую известность. Она была переведена с латинского языка на английский, французский, немецкий. Для того чтобы доказать законность своих требований, Конисский изучил множество исторических документов и юридических актов, на основе которых им была написана работа «Права и свободы диссидентов христианского вероисповедания Королевства Польского и Великого Княжества Литовского...». В этом труде в хронологическом порядке были собраны и прокомментированы все законодательные акты, которые свидетельствовали о равенстве прав диссидентов и католиков в Речи Посполитой, а также факты дискриминации населения страны по религиозному признаку. Сейм 1768 г. рассмотрел и решил эту проблему, а Конисский был назначен членом смешанного суда для решения спорных вопросов между диссидентами и католиками. После того как в 1772 г. часть белорусских земель отошла в состав российской империи, Г. Конисский в своих сочинениях 70–90-х годов критикует феодальную эксплуатацию, крепостное право, деятельность государственных органов и судов, нередко цитируя слова из 118 псалма псалтыря: «Буду говорить об откровениях перед царями и не постыжусь».

Духовное, философское, политическое наследие Г. Конисского чрезвычайно значимо для современной эпохи. Г. Конисский – первый в нашей истории правозащитник, совмещавший черты религиозного деятеля и просветителя одновременно. В 1835 г. в Санкт-Петербурге впервые были изданы два тома сочинений Конисского. А. С. Пушкин писал, что политические предложения Конисского имеют большую ценность, а сам Конисский один «из самых достопамятных мужей минувшего столетия». Работы Г. Конисского до сих пор являются образцом политико-религиозной толерантности, плюрализма и высокой правовой культуры.

Еленский Иосиф (Алексей) (1756–1813) – публицист, один из первых шляхетских революционеров Беларуси, автор одной из первых политико-правовых утопий. Еленский – выходец из разорившейся шляхетской семьи, родом из Мозырского уезда Минской губернии. После окончания гродненской землемерной школы Тизенгауза работал писарем, сплавщиком леса, бухгалтером. Часто бывал в Петербурге и там был арестован в 1794 г. за сохранение «недозволенных» рукописей – манифестов «Пераклад польскага права, усенародна складзенага» (дополненного «Присягой короля», якобы утвержденного народом) и «Адозва да народа – агульных сабраццяў нашых». До сих пор не решен вопрос о том, являлся ли Еленский автором найденных у него рукописей или автором был другой человек, однако Еленский не просто разделял идеи, изложенные в этих документах, но и активно пропагандировал их. Он выступал против крепостного права, за равенство всех сословий, призывал народ бороться за свободу и демократическую республику. В рукописных манифестах Еленского ощущалось влияние идей Великой Французской буржуазно-демократической революции. В мнимой присяге короля народу говорилось о том, что король называл простых людей братьями и провозглашал отмену крепостного права, обязывал магнатов и шляхту сжечь все юридические документы, которые давали им право на владение людьми, провозглашал выборность всех духовных и гражданских должностных лиц.

Императрица Екатерина II лично занималась делом Еленского, в связи с чем ему угрожала смертная казнь и только его просьба об обращении в православную веру спасла его. Еленский принял монашеское имя Алексей и был сослан в Соловецкий монастырь. После выхода из монастыря в 1801 году он вступил в секту скопцов, умер 23 марта 1813 г.

В монастыре Еленский написал «Благавесць да Ісраіля Расійскага» (на русском языке с белорусизмами) – своеобразную общинно-коммунистическую утопию. В ней Еленский по-прежнему критиковал крепостное право, считая его одним из главных бед человеческой жизни, писал о народе как о творце всех материальных и духовных ценностей: «Вашиими трудами дома и палаты строены, города и крепости укреплены, ваша сила неприятеля с отечества вытеснила, победу сдержала, вашими трудами все сытобрюхи кормятся»¹⁴¹. Еленский предлагал создать объединения тружеников, где все основные средства труда, земля, вода и плоды труда принадлежали бы их создателям. Финансы, монетные дворы, мануфактуры он предлагал передать в общенародную собственность. Следуя утопической традиции Мора, Кампанеллы, Еленский считал, что трудиться должно все взрослое население, а старики и дети должны находиться на попечении общины.

Еленский являлся поборником обязательного бесплатного образования и считал, что к тем, кто по лени не будет учиться, следует применять суровые

¹⁴¹ Цит. по изданию: Фруменков Г. Из истории ссылки в Соловецкий монастырь в XVIII в. Архангельск, 1963. С.73–76.

методы нравственного осуждения. Система управления, по-Еленскому, включала органы управления, суды и совет старейшин, которые должны избираться общенародно, прямым голосованием. Избирать следует мудрых и честных людей, независимо от их имущественного достатка. Законы должны быть простые и быть их должно немного: «Чтобы всяк их легко уразумел». Основным регулирующим инструментом Еленский считал нравственность. Он был за отмену смертной казни, а нарушителей общественного порядка предлагал просто изгнать за пределы общины или наказывать общественным презрением.

Не остался без внимания и вопрос о религиозном и духовном плане жизни людей. По его мнению, духовенство сознательно обманывает простой народ, заботится только о своих корыстных интересах. Поэтому вражда между католицизмом и православием привела к вражде русского и польского народа: «за привычки спрачающца, а исцину топчуць». Взгляды Еленского на братство народов опирались на раннехристианские идеи: все народы равны перед Богом. Рассуждая о единстве славянских народов, он считал, что их дружба жизненно необходима, поскольку и в истории народов, и в их культуре и языке есть все предпосылки для их сближения.

Иосиф (Алексей) Еленский вошел в историю отечественной философской и политико-правовой мысли как человек незаурядный, образованный, поборник справедливости, идеолог Просвещения, представитель отечественной утопической традиции.

Франтишек Папроцкий (1723–1790) – автор многочисленных сочинений по географии, всеобщей и отечественной истории, в которых он продемонстрировал рационалистический подход к истолкованию проблем политической истории. Ф. Папроцкий родом из Беларуси, о нем известно, что он учился в Полоцке, преподавал философию, историю, географию в Варшаве и Виленской академии, руководил шляхетскими коллегиями в Вильно и Каменце. Начиная с 1759 г. Ф. Папроцкий выпускал в Вильно «Политические календарики». Эти издания носили светский характер, содержали богатую информацию о текущих событиях в стране и за рубежом, а также ценные сведения по астрономии, физике, механике, медицине, географии. Так, в «Политическом календарике на 1760 год» приводились описания крупнейших европейских государств. Например, о России говорилось, что «ее жители терпеливы в неудобствах и неустанны в трудах, особенно военных». В «Политическом календарике на 1766 год» говорилось о бунте 50 тысяч лондонских ткачей-шелкопрядов, которые из-за ввоза в Англию шелковых тканей остались без средств к жизни и обрекались на голодную смерть. Ф. Папроцким было написано также сочинение «Наиболее значительные войны». Автор в предисловии писал, что война – крайне неприятное событие для любого народа, однако история войн позволяет выяснить причины возвышения и падения государств и определить пути укрепления свободы и независимости отечества. Папроцким впервые были также написаны краткие энциклопедические справочники по географии, истории, о государственном строе, армии Великого Княжества Литовского («Домашние известия о

Великом Княжестве Литовском», 1763) и Польского Королевства («Домашние известия о Польском Королевстве», 1771). Ф. Папроцкий в своих работах воспроизводит легендарную историю о латинском происхождении народов Великого княжества Литовского.

Ф. Папроцкий был первым редактором первой литовской газеты «Kurier Litewski», которая выходила в Вильно до 19 августа 1763 года один раз в неделю на польском языке. Газета информировала о событиях в Великом Княжестве Литовском, в Польше и за рубежом. На первой странице всегда печатались местные сообщения, на остальных – вести из-за рубежа, которые чаще всего представляли собой перепечатку или пересказ сообщений из зарубежной прессы. В качестве местных новостей сообщалось о королевских декретах, собраниях шляхты, о торжественных событиях, заседаниях, балах и т.д. В зарубежных новостях рассказывалось о военных действиях, передвижениях иностранных войск, подготовке к войне, интригах между монархами и при европейских дворах, о технических открытиях в области вооружений.

Ф. Папроцкий стоял у истоков формирования рационалистической традиции в исторических исследованиях. Несмотря на то, что исторический процесс он трактовал как простую хронологию событий, Ф. Папроцкий привлек внимание элитарного и простого читателя к отечественной истории, сумел преодолеть господствовавший в то время провиденциалистский подход к истории, а также рассмотреть исторический процесс как совокупность многочисленных процессов и событий гражданского, политического и религиозного характера.

Адам Мицкевич (1798–1855) – представитель романтического течения в белорусской мысли. Его творчество принадлежит трем нациям: белорусской, польской и литовской. Однако годы его жизни совпали со временем, когда от былого величия Речи Посполитой остались только воспоминания. Тоска по былой Родине – лейтмотив творчества не только Мицкевича, но и многих романтиков. Помимо поэтического наследия Мицкевич оставил также и многочисленные размышления о судьбах польского народа.

В работе «Книги народа и паломничества польского» представлена социально-политическая концепция Мицкевича. Он начинает рассмотрение истории с древних времен, которые воспринимаются как «золотой век» человечества. Вера в единого Бога и свобода – вот залог счастливого социального бытия древних общностей. Однако постепенно люди впали в безбожие, которое привело к утрате свободы и подчинению одних людей другими.

Пришествие Христа на землю стало вестником новой свободы, а народы, которые уверовали, стали единым христианским народом. Но и эта свобода длилась недолго, поскольку властители европейских государств избрали в качестве объекта поклонения власть, богатство, политическую мощь. Европейская история – это история постепенного усиления императорского могущества и утраты свободы и христианских ценностей. Свою эпоху Мицкевич характери-

зует как время трех королей: Фридриха, Екатерины и Марии Терезы, которые поработили многие народы и извратили законы.

Польский народ – единственный, по мнению Мицкевича, среди христианских народов, который сумел сохранить свою духовную свободу. Объединение Польши и Литвы Мицкевич рассматривал как пример будущего единения всех христианских народов по принципу братства. Раздел Речи Посполитой для Мицкевича – это утрата свободы не просто государством, это утрата самой идеи свободы европейскими народами. Историю народа Речи Посполитой Мицкевич сравнивал с историей паломничества. Но польский народ не является изгнанником, он ищет путь к Святой земле, к царству свободы. Для Мицкевича образ Речи Посполитой является уникальным, он ставит его в пример всей Европе.

Фактически Мицкевич предлагает проект, который идет вразрез с предыдущей традицией Просвещения. Просветители представляли мир с позиций евроцентризма, т.е. в центре мира находилась Европа. Последняя представляла собой разумную и прогрессивную часть мира. Речь же Посполитая, хотя и являлась частью Европы, расценивалась западными просветителями как отсталая и провинциальная страна. Мицкевич выступает с противоположной трактовкой, однако в качестве критериев успешного социального бытия у него выступают не политическая сила и экономическая развитость, а свобода духа и чистота христианской веры. То, что польский народ сумел сохранить свою приверженность христианской вере, объясняется его богоизбранностью и правом на спасение.

В этом же духе Мицкевич рассматривает и роль отдельного человека. Поскольку человек выступает как часть народа, то и задача его – отдать все свои силы и знания ради сохранения своего народа. «Они начали войну народов и даст им Бог окончить ее счастливо». Таким образом, считал Мицкевич, польский народ и каждый человек, который служит своей родине во имя веры, выступает миссионером будущей свободы мира.

2.6. Социально-философские идеи в белорусской литературе (кон. XIX – нач. XX вв.)

Важным этапом в становлении отечественной философской мысли явилось творчество белорусских писателей – Винцента Дунина-Марцинкевича, Франциска Богушевича, Янки Лучины, Алеся Гуриновича, Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича и др. Их философские и социально-антропологические идеи воплощались и выражались в художественной прозе, поэзии, драматургии, публицистике.

В творчестве В. Дунина-Марцинкевича и Ф. Богушевича можно обнаружить различные подходы к толкованию социальных отношений. Если В. Дунин-Марцинкевич считал возможным мир между помещиками и крестьянами, то литераторы так называемого демократического направления – Ф. Богушевич,

Я. Лучина, А. Гуринович – выражали интересы крестьян и призывали к революционным действиям. Важными вехами в развитии национального самосознания белорусов стали сборники стихов Ф. Богусевича «Дудка беларуская» (1891) и «Смык беларускі» (1894). В предисловиях к этим произведениям автором была сформулирована общественная и эстетическая программа, обосновывающая право белорусского языка и самобытной белорусской культуры на существование. Это был открытый вызов национальной политике царского правительства по отношению к народу «Северо-Западного края».

В работе «Белорусское Возрождение» ее автор Максим Богданович также отстаивает идею возрождения белорусской национальной культуры. Это была центральная идея всего белорусского национального движения второй половины XIX – нач. XX вв., которую активно отстаивали Я. Купала, Я. Колас, И. Абдиралович, В. Самойла и др.

Янка Купала (*Иван Доминикович Луцевич, 1882–1942 гг.*) пережил трудное детство и суровую юность. Известно, что с 1902 г. он был батраком, домашним учителем, писарем и даже чернорабочим на винокуренных заводах.

Псевдоним «Купала» впервые появился в 1905 г., под которым автор опубликовал свое знаменитое стихотворение «Мужик», выражавшее взгляды революционной социал-демократии. Псевдоним этот был связан с легендой о «заколдованном» цветке папоротника, зацветающем в ночь на Ивана Купалу (поэт родился на Купалу 07.07.1882 г. (25.06 по старому стилю). Счастье достается лишь тому, кто отваживается на его поиск. В этом смысле псевдоним «Купала» – это своего рода символ борьбы за лучшую долю, за социальные и культурные преобразования.

Среди основных периодов творчества Янки Купалы выделяют:

- 1905 год – в минской газете «Северо-западный край» (представлял взгляды революционной социал-демократии) 15 мая напечатано стихотворение «Мужик», под которым впервые поставлена подпись «Янка Купала». Стихотворения 1905–1907 гг. («Грай, мая жалейка», «А хто там ідзе?» и др.) вошли в первый сборник стихов Я. Купалы «Жалейка» (1908 г., издан в Петербурге). В том же 1908 г. в газете «Минский курьер» была напечатана рецензия на «Жалейку» (автор – Владимир Самойла). В ней утверждалось: «белорусская песня из области этнографии переходит в область литературы», «за подвиг его родной народ заплатит ему своей лучшей благодарностью – бессмертием».

- 1909–1913 гг. – Петербургский период жизни. Осенью 1909 г. Купала переезжает в Петербург с целью получить систематическое образование и вместе с тем продолжает активно заниматься литературным творчеством. В 1910 г. вышел его сборник стихотворений «Гусляр», в 1913 г. – «Шляхам жыцця», изданы драматические поэмы «Авечная песня», «Сон на кургане», комедии «Паўлінка», «Прымакі», драма «Раскіданае гняздо» и др.

- 1913–1915 гг. – Вильно. Здесь Купала публиковался в газете «Наша ніва». С марта 1914 г. по август 1915 г. являлся ее редактором. За статью

«Думкі» Виленский временный комитет по делам печати постановил возбудить против Купалы судебный процесс, а тираж газеты – конфисковать.

Ядром творчества Янки Купалы является идея возрождения белорусской нации и культуры. В своих работах поэт акцентирует проблемы социального и национального неравенства, подчеркивает необходимость формирования у простого народа национального самосознания и чувства национального достоинства, связывает идею национального возрождения с социальным переустройством жизни. В творчестве Купалы нашли отклик события революции 1905–1907 гг. («Там», «Я відзеў душы сільныя», «Отклик на 29 октября 1905 года в Минске»). Свой социальный долг он видел в том, чтобы на языке литературы выразить волю народа, его мечту о лучшей доле-судьбе. Причем постепенно в его произведениях традиционные жалобы на «лёс-нядолю», «няволю» («Грай, мая жалейка, // Пей, як салавейка! // Апявай нядолю, // Апявай няволю»), «плач», «няпраўду», «зло» сменяются верой в силу и человеческое достоинство белоруса, его «волю», «праўду», «радасць», «дабро» («Блізкі той дзянёк, калі // Шчасна запануем, // Станем самі мы людзьмі // І край адбудуем» («Песня аб песнях»)¹⁴².

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич, 1882–1956) – белорусский писатель, поэт, представитель так называемого революционного демократизма. Творчество Коласа включает поэзию, прозу, публицистику, пьесы, произведения для детей, учебную литературу, переводы.

В его жизни и творческой деятельности условно можно выделить два периода: дореволюционный и послереволюционный. Наиболее полно и многогранно его поэтический талант (как и его современника Янки Купалы) раскрылся на волне подъёма и развития национального движения. Начиная с 1906 г. (публикации первого стихотворения «Наш родны край» в газете «Наша доля») были опубликованы сборники стихов «Песни няволи» (1908), «Песні жалбы» (1910), сборники «Рассказы» (1912), «Родныя вобразы» (1914). В двадцатых годах XX в. вышли в свет во многом автобиографические и вместе с тем важные для понимания национального самосознания, судеб самородков из народа его поэмы «Новая зямля» (1923), «Сымон-музыка» (1925).

Основным лейтмотивом художественного реализма Я. Коласа были темы: любви к «родному куту» (*Мой родны кут, як ты мне мілы!.. // Забыць цябе не маю сілы!*); «нядоля» и «няволя» простого народа (*Край наш родны, бедна поле! // Ты глядзіш, як сірата, // Сумны ты, як наша доля, // Як ты, наша цемната* («Наш родны край»); крестьянских будней и праздничных дней («Новая зямля»¹⁴³); тема природы (... *Ды я душою ажываю, // Як вокам мыслі азіраю // Цябе, мой луг і бераг родны, // Дзе льецца Нёман срэбраводны, // Дубы дзе дружнай чарадою // Стаяць, як вежы, над вадою...* («Новая зямля»);

¹⁴² Купала Я. Жыве Беларусь : Вершы, артыкулы. Мінск : Маст. літ., 1993. С. 24, 36.

¹⁴³ См.: Колас Я. Новая зямля. Сымон-музыка : Паэмы. Мінск : Маст. літ., 1986. С. 3–264.

социальной критики и протеста («Вобразы самаўладдзя») и призыв «прачнуцца ад дрымоты» («Беларусам»).

В своей поэме-притче «Сымон-музыка» Якуб Колас размышляет о проблеме творца и творчества. Героем поэмы является талантливый музыкант-самородок Сымон. Божественный дар с детства обрек его на непонимание сверстников, родных («грэх адзін з ім, адно гора») и одиночество. Подлинными и единственными собеседниками Сымона с малых лет были вначале природа («Заміраў тады хлапчынка, // І здавалася яму, // Што ён знае, як травінка // Сваю думае думу»), а затем и скрипка («З скрыпкай збудзеш свае гора // З ёю ты ўжо не адзін»¹⁴⁴). Жизнь Сымона в родной деревне символизирует рассказанная им деду Курыле «Песня аб званых». Среди колоколов был один необычный, откликавшийся на все вокруг, но его заглушали другие колокола, поэтому и «надарваўся звон чуллівы, змоўклі песень пералівы»¹⁴⁵. В этой притче – глубокий смысл, ее можно истолковать и как намек на судьбу белорусского народа, и как судьбу многих его талантливых сыновей. Сымон выбирает иную жизнь – «вольный» путь, путь свободы (... *Па адзін бок – блеск дзянніцы, // Па другі – цьма, дзе ён жыў*). В поисках новой жизни Сымон претерпевает множество испытаний. Но, в конечном счете, он находит свой путь («Пайшоў Сымон сваёй пуцінай, // Бо ён прыроджаны пясняр. // Панёс ён людзям песен дар – // Агонь душы і сэрца жар»), любовь и личное счастье¹⁴⁶.

Поэма «Сымон-музыка», как и творчество Якуба Коласа в целом, проникнута жизнеутверждающим пафосом и верой, что «прачнецца ад дрымоты // З намі наша старана!» («Беларусам»).

Единственный прижизненный сборник стихов **Максима Богдановича** – это «Вянок», однако творчество его многогранно: он писал сказки и сочинял притчи, занимался публицистикой, переводил русских, украинских, немецких, французских и других поэтов.

Максим Богданович – романтик и вместе с тем его творчество исполнено глубокого лиризма («Засушыў я на паперы // Краскі, свежыя калісьці, // Думак шчырых і чуцця»). Среди тем творчества Максима Богдановича одна из главных – тема самопожертвования во имя лучшего будущего белорусов: «Таварышы-брацця! Калі наша родзіна-маць // У змаганні з нядоляй патраціць апошнія сілы, // Ці хваце нам духу у час гэты жыццё ёй аддаць, // Без скаргі палеч у магілы?!»), а также природная лирика, тесная связь человека с природой («І красой наводкі вольнай // Душу выпрастай маю!»). Как и в творчестве Янки Купалы, в произведениях Максима Богдановича в числе основных – идея патриотизма («І снуюцца сумна у сэрцы, // Уюцца адгалоскі // Роднай песні, прастай песні // Беларускай вескі ...»). Также общими для них можно назвать темы «нядолі»: 1) «Я тады б у песні звонкай, салаўінай // Выліў тугу і на вецер буйны кінуў, // І развезу бы яе ён на раздоллі, // Каб не убачыць мне ніколі ўжо нядолі»;

¹⁴⁴ Колас Я. Сымон-музыка. Мінск : «Нар. Асвета», 1968. С. 6, 10.

¹⁴⁵ См.: Там же. С. 26–28.

¹⁴⁶ Там же. С. 243–244.

2) «У гутарках-казках аб шчасці, аб згодзе // Сэрца навін не пачуе. // Сціснула гора дыханне у народзе, // Гора усюды пануе») и неизбежности возрождения («Не згасла сонца? сонца гляне, // Усіх падыме ада сна. // Ён, гэты дзень, яшчэ настане, – // І «ачуняе старана!»)¹⁴⁷. Своей жизнью и творчеством М. Богданович внес весомый вклад в преодолении летаргии национальной культуры.

2.7. Философия национального возрождения (И. Абдиралович, В. Самойла)

Игнат Абдиралович (*Кончевский*) (1896–1923 гг.) родился в Вильно в семье судебного чиновника. Образование получил в Петербургском технологическом университете, а также на кооперативных курсах в Москве. После учебы работал в кооперативных организациях Смоленска и Вильно. Писал статьи на профессиональные темы. Однако его главной работой является эссе «Адвечным шляхам», посвященная проблемам содержания и форм жизни, исторической судьбы белорусской нации, общественного творчества и природы социальных катаклизмов.

Иными словами, Игнат Абдиралович (*Кончевский*) является автором одного из первых в отечественной литературе социально-философского эссе (1921 г.). В нем содержится анализ особенностей исторического развития и культуры Беларуси. При этом он пытается осмыслить белорусские исторические и социокультурные реалии в контексте широкого философского дискурса, используя такие категории как форма, материя, Бог, жизнь, смысл жизни, истина, ложь, содержание, покой, динамика, духовность, личность, застывшая форма, льющаяся форма, творчество, искусство, творческий дух, социальное творчество, кооперация и др.

Свой анализ он начинает с констатации: «Беларусь – граніца паміж Усходам і Захадам», а отличительная особенность белорусской истории – «духовае ваганьне» между ними. «Фармальна мы павінны згадзіцца, што ў нас неакрэслена культура, што ў нас смутны гістарычныя шляхі, але ў гэтым ня можна бачыць духовай беднасьці нашага народу, яго няздольнасьці ўласным крокам ісьці да вытварэньня уласных формаў жыцьця... Калі беларускі народ не стварыў выразнай культуры, дык гэта дзеля таго, што ў гістарычнай спадчыне яго была вялікая трагэдыя народнага духу, якую перажыць выпала толькі двум-трас эўразійскім народам: Беларусь ад X веку і да гэтай пары фактычна зьяўляецца полем змаганьня двух кірункаў ... культуры – заходняга і ўсходняга». «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі і культуры Зах. Еўропы... Ваганьне паміж Захадам і Усходам і шчырая няпрыхільнасьць ні да аднаго, ні да другога зьяўляецца асноўнаю адзнакаю гісторыі беларускага народу. Прыклад Скарыны, аб якім да гэтай пары няведама, хто ён быў такі, ці каталік, ці праваслаўны,

¹⁴⁷ Багдановіч М. Краю мой родны! : Вершы, казкі. Мінск : Юнацтва, 1999. С. 16, 24, 28, 33, 34.

і пеўна, што і той і другі разам, адбівае гэтае з’явішча беларускага духу ў ідывідуальнасьці, у душы нашага першага інтэлігента»¹⁴⁸.

В итоге автор эссе приходит к выводу, что оказавшись между конфронтирующими цивилизациями и утратив дух вольных язычников, белорус не нашел ничего привлекательного и в новом образе жизни, который ему периодически навязывался то Западом, то Востоком. Вот как И. Абдиралович оценивает эти влияния: «У сваей акрэсьленнасьці кірунку, нахілу ўсё даводзіць да канчатку, усяму даваць аднолькавую форму Усход даходзіць да абсурду. Як драбніца, выйшла і тое, што Усход не прызнава ў нас як беларусаў, а вымагаў ад нас прыняцьця свайго ў сходняга выгляду, які, па ў сходняму разуменьню, бы ў абавязковым. «Славянские ручьи сольются в русском море» – вось як падгрунтоўвалася абавязковасьць абмаскаліцца. З гэтага вынікае гвалт і ўціск нашай ідывідуальнасьці, з гэтага – гвалтоўнае жаданьне адняць наш твар. Яны ня ўцямялялі, што разам з беларушчынай мы трацім і лепшую частку чалавечнасьці»¹⁴⁹.

Как замечает Абдиралович, избавления, освобождения от гнета белорусы ожидали с Запада. «Праўда, нашым бліжэйшым Захадам былі славяне, палякі, і заходнія ўплывы прынялі ў іх спецыфічна-славянскія выразы, але ўсё ж гэта быў Запад. ... Ен прынёс нам найлепшыя ідэі: гуманістычныя, ліберальныя, дэмакратычныя, але разам з пекнымі словамі заусёды зьмяшчаліся гвалт духоўны і эканамічны, эксплёатацыя, ўціск, зьнявага ... вырываньне душы беларуса». Завершает он свои размышления следующим выводом: «Векавое дасьведчаньне кажа нам, што вольнага разьвіцьця нашага духу не запаўняе ні заходня ні ўсходня культура, бо яны абяртаюцца ў формах гвалтоўнага, людаежнага мэсыянізму і розніца між імі толькі ў назовах, лёзунгах, а іх аціскаючыя ланцугі – аднолькавы для нашага духу. Трэба шукаць на другіх шляхах...¹⁵⁰». И этот путь – путь творчества. Творчество как космическая сила в духе аристотелизма трактуется И. Абдираловичем как единство, «адвечная гармонія паміж невыразнасцю-матэрыяй, істотай усяго жывога, з творчым духам, каторы дае ўсяму жывому форму». В логике космического процесса человек призван творить, чтобы «з мацярынскай невыразнасці стварыць нешта «па свайму образу і падобію», па образу нашай праменнай душы»¹⁵¹. Творчество («творчасць на кожным кроку: у штодзённай працы, у сямейных адносінах, у грамадзянскім руху») является подлинной основой жизни. Ярким примером гармонии содержания и формы, отсутствующей в повседневной жизни, является искусство как «тварэньне чыстай формы, безканечнае, невычарпанае тварэньне». Рассматривая проблему социального творчества, автор не ограничивается противоречием «усё існуючае – разумна» (Гегель) и «усё існуючае – неразумна» (Баку-

¹⁴⁸ Абдираловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. Прадмова С. Дубаўца. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. С. 8.

¹⁴⁹ Там же. С. 15.

¹⁵⁰ Там же. С. 17.

¹⁵¹ Там же. С. 29.

нин), но предлагает их единство: «усё існуючае – творча»¹⁵². Существующие проблемы должны преодолеваются не силой, а творчеством.

Владимир Самойла (*Сулима*) (1878–1941) – белорусский мыслитель, литературовед, публицист. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Работал в газетах Минска («Северо-Западный край» и др.) в качестве литературного критика. В 1918 г. в Вильно занимался преподаванием и журналистикой. Активно участвовал в социально-политической жизни (деятельность БСРГ («Беларуска-сялянскай работніцкай грамады»). В решении политических вопросов не принимал позицию ни польской, ни русской властей. Известны следующие публикации В.Самойлы: «Праф. Здзяхоўскі аб беларускай душы», «Які «Самаўрад» гатуе Беларускаму народу Польская рэспубліка?», «Новый и новейший курс польской политики в отношении белорусского вопроса» (««Nowy» i «najnowszy» kurs polityki polskiej w sprawie białoruskiej») и др. Наиболее известна связанная с идеей белорусского возрождения социально-философская работа В. Самойлы «Гэтым пераможаш» (1924 г.).

Свою позицию белорусский мыслитель определяет как «критический оптимизм». «Гэткі крытычны оптымізм павінен разьвіць у сабе кожны беларус і ўвесь народ беларускі ў цэлым, калі хоча астацца пераможцам у барацьбе за сваё існаванне, за сваю нацыянальную індывідуальнасць, бо гэтая барацьба павінна адбывацца ў такіх нябывала цяжкіх, такіх выключна-прыгнятаючых натуральны оптымізм абставінах, якія гістарычная доля мо не стварала йшчэ для ніводнага народу»¹⁵³.

Возрождение белорусского народа Самойла связывает с духовной революцией. Ее энергия необходима для того, «каб стацца запраўды жывым чалавекам, запраўды актыўным хрысціянінам», «перажыць раней ці пазней нейкі нязвычны мамэнт, нейкі выбух, быццам ад агню, прыткнутага да самае душы», «перажыць запраўдную духоўную рэвалюцыю». Могучей духовной силой, влияющей на народ, его сознание и стремление к свободе призваны быть философия, философские идеи и литература, национальная поэзия. Самойла приводит примеры Лейбница, Канта, Фихте, Гёте, которые были не только великими национальными философами, но и учителями немецкого народа. Однако глубинный источник духовной революции кроется, по мнению автора, в новом христианстве. Оно призвано пробудить активность каждого белоруса, его творческую энергию и направить ее на созидание, превращение зла в добро. Зло для Самойлы связано с политикой колонизации Западной Беларуси. Вместе с тем автор уверен, что будущее «белорусского мира» – в развитии каждым белорусом своего «Я», «пачуцця сілы». І «гэта павінен добра разумець і прысвоіць са-

¹⁵² Там же. С. 38.

¹⁵³ Самойла У. Гэтым пераможаш // Беларуска думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). Варшава, 1998. С. 102–107.

бе беларускі народ». В этом – сущность «дзеяльнага оптымізму» Самойлы и его надежды на национальное возрождение.

2.8. Белорусская философия советского и постсоветского периодов

Советский и постсоветский периоды в развитии белорусской философии как важнейшей формы национального самосознания сложны, противоречивы и поэтому не укладываются в простые объяснительные и оценочные схемы. Подъем белорусского национального движения в предреволюционные годы (при всем драматизме его дальнейшей, послереволюционной судьбы) стал одним из важнейших факторов собственно белорусской советской философии. Ее стержнем была идея социальной справедливости. Уходя вглубь веков, она связывала разорванную революцией ткань белорусской духовности и интеллектуальной традиции. Чувство сопричастности рождению новой реальности питало творческий энтузиазм как сторонников марксизма с его пролетарским интернационализмом, так и национально-ориентированных борцов за «беларушчыну». Это создавало основу для их совместной работы в осуществлении культурной революции и строительстве белорусской государственности в рамках советского проекта. В рамках этого проекта, однако, национально-ориентированная составляющая собственно белорусского самосознания была вскоре ограничена, и за ней осталась возможность развиваться только в формах советской идеологии. Все, что выходило за эти рамки, пресекалось.

Философия стала концептуальным оформлением и идейным инструментом оправдания реализуемого в Советском Союзе утопического проекта социокультурных преобразований. И в этом плане она более-менее «справлялась» со своей функцией. Однако слишком жесткая зависимость философии от политической идеологии в условиях тоталитарного режима привела к ее догматизации и утрате связи с жизнью. Впрочем, и в этих общеобязательных тогда границах диалектического и исторического материализма оставалось пространство для творческого философского поиска, постановки проблемных вопросов и их заинтересованного обсуждения.

В рамках осуществляемой в тот период политики формирования и подготовки национальных кадров в структуре республиканской Академии наук в 1930 году был создан Институт философии. Пространство белорусской философской мысли расширялось также по мере роста и развития в Беларуси высшего образования, в системе которого философия (в ее диалектико-материалистической разновидности) стала одним из обязательных предметов изучения.

А самой первой «точкой роста» философии в Советской Белоруссии явился открытый в 1921 году Белорусский государственный университет, ставший центром подготовки и формирования национальных научных кадров. Знаменательно, что первый советский учебник по диалектическому материа-

лизму был написан и издан в том же году профессором БГУ С. Е. Вольфсоном. Видным советским философом являлся Б. Э. Быховский, уроженец Бобруйска, который после окончания БГУ преподавал в нем философию. В 1930 г. вышел в свет его труд «Очерк философии диалектического материализма». Впоследствии Быховский продолжил плодотворную научную и преподавательскую деятельность в Москве. Он являлся одним из организаторов и руководителей авторского коллектива трехтомной «Истории философии», удостоенной государственной премии СССР. По существу, это было первое основательное марксистское исследование мирового историко-философского процесса (1940–1943 гг.).

Другим русско-белорусским философом являлся выходец из Вышнего Волочка **В. Н. Ивановский** (1867–1931), который после окончания Московского университета (1891) плодотворно трудился на ниве образования и просвещения, занимая должности приват-доцента Московского, Казанского университетов, профессора, а затем и ректора Самарского университета, а также профессора Белорусского университета (1921–1927). До Октябрьской революции В. Н. Ивановский активно публиковался в журнале «Вопросы философии и психологии», являясь его ученым секретарем. Широкий круг научных интересов Ивановского касался проблем психологии, логики, гносеологии, истории философии, методологии. Его перу принадлежат учебники по психологии и философии, переводы на русский язык (Д.-С. Милля, У. Джемса, А. Чаадаева и др.). После Октябрьской революции Ивановский активно участвовал в строительстве советской высшей школы и обсуждении моделей гуманитарного образования. В период работы в Белорусском государственном университете им опубликована монография «Методологическое введение в науку и философию» (1923), что позволяет отнести его к основателям отечественной традиции философско-методологических исследований.

Видное место в работах белорусских философов занимали философские проблемы естествознания. Это было обусловлено идеологической установкой на укрепление союза между наукой и философией, превращение научного мировоззрения и метода материалистической диалектики в инструменты познания и преобразования действительности, поиск истины. Своего рода образцом для них служил опыт анализа В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» достижений физики, связанных с революцией в области изучения явлений микромира. При этом белорусские философы в рамках сложившейся парадигмы всегда отстаивали диалектико-материалистическую трактовку результатов научного познания.

Философское осмысление естественнонаучных проблем было неразрывно связано с исследованием понятий и категорий материалистической диалектики. Серьезный вклад в их изучение внесли Д. И. Широканов, Ю. А. Харин, А. В. Самускевич, А. С. Карлюк, Ц. Л. Бурстин и др. Данная проблематика со временем трансформировалась в исследование философско-методологических оснований науки. С течением времени это привело к формированию Минской методологической школы, ключевой фигурой которой стал В. С. Степин, зав.

кафедрой философии БГУ (позже, в 90-е годы – академик РАН, директор российского Института философии). В настоящее время ее возглавляет А. И. Зеленков.

Наука, по Степину, начинается тогда, когда совершается переход от эмпирической фиксации связей между вещами к оперированию их абстрактными моделями. Исторически первым такой переход был совершен в математике. Науку отличает от эмпирического опыта построение абстрактных моделей изучаемых объектов и дальнейшая работа с ними. Одна из центральных проблем методологии науки – проблема строения и генезиса научной теории – раскрывается Степиным как операция «конструктивного введения теоретических объектов». При этом Степиным выявлена и определена трехкомпонентная структура оснований науки, состоящая из научной картины мира, идеалов и норм научного исследования и философских оснований науки. Благодаря этому прояснился и был конкретизирован механизм воздействия социокультурных факторов на развитие науки. Естественным развитием данной проблематики явился пересмотр Степиным задач философии, которая определяется им как «рефлексия над мировоззренческими универсалиями, базисными ценностями культуры». Последние образуют, по Степину, «предельно обобщенную программу социальной жизни», на основе которой возникают конкретные программы человеческой жизнедеятельности, составляющие «тело» культуры. Универсалии культуры, утверждает Степин, обеспечивают воспроизводство того или иного типа общества, это его культурно-генетический код, своеобразные гены социальных организмов. Культура в таком понимании выступает как «система информационных кодов, закрепляющих исторически накопленный социальный опыт, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы»¹⁵⁴. В итоге В. С. Степиным выявлена роль социокультурных факторов в трансформации типов научной рациональности, определяющих облик, сущностные особенности классической, неклассической и постнеклассической науки.

Важнейшим и чрезвычайно плодотворным направлением отечественной философии стали исследования в области истории как национальной, так и зарубежной философской мысли. В советский период были осуществлены серьезные исследования в изучении персоналий, проблематики и особенностей развития национальной философии. В постсоветское время эта работа многократно интенсифицировалась (А. А. Козел, В. В. Старостенко и др.). В научный оборот вводятся до сих пор мало изученные источники. Разработана методология осмысления историко-философского процесса в Беларуси. Не менее важны и методологические работы в области изучения философии национальной истории. Они сделали возможным относительно строго определить ареалы «белорусскости» в составе интегрированного белорусско-литовско-украинского го-

---

¹⁵⁴ Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М. : Мысль, 2010. С. 342.

сударства (ВКЛ), а затем и проследить их дальнейшую историческую судьбу вплоть до настоящего времени. В исследования по истории белорусской философии и философии истории особенно значимый вклад внесли профессора А. С. Майхрович, С. А. Подокшин, В. М. Конон. Заслуженное место в продуктивно работающей белорусской историко-философской школе заняли также В. А. Сербента, И. Н. Лушицкий, Е. С. Прокошина, А. С. Клевченя, Э. К. Дорошевич, Л. Л. Короткая, В. М. Пузиков, В. В. Старостенко, И. В. Соверченко, Н. С. Соверченко, А. И. Мальдис, С. Ф. Сокол, Т. И. Адуло, В. Ф. Шалькевич, А. А. Легчилин и др. Фундаментальный характер имеет издаваемая в настоящее время Институтом философии НАН Беларуси 6-томная «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі» (под ред. В. Б. Еворовского).

Белорусская советская философия внесла весомый вклад в развитие философии космизма. Ее «русские» истоки восходят к XIX – нач. XX веков, а наиболее известными представителями являются такие философы и ученые, как Николай Федоров, Владимир Соловьев, Павел Флоренский, Константин Циолковский, Александр Чижевский, Владимир Вернадский. Белорусскую ветвь этой философии представляют Язеп Дроздович, Василий Купревич, Алексей Манеев.

Космизм стал одним из важнейших мировоззренческих лейтмотивов творчества *Дроздовича* (1888–1954) – художника и ученого, философа – вечно-го странника по родной и любимой им Беларуси. В этом отношении Дроздович схож с Г. Сковородой – выдающимся украинским философом-скитальцем 18-го века. В Троицком предместье Минска, где Дроздович преподавал рисование в высшей женской школе, есть выразительный памятник художнику – «Вечны вандроўнік». Художник стоит под фантастическим деревом, в кроне которого – силуэты знаменитых белорусских замков и соборов, а также его космические видения. Эти его духовные интуиции были пронизаны острым ощущением причастности человека Космосу, его бесконечной мощи, энергии и гармонии: «Я веру, што тэхніка зямлян па заваяванні прастору не закончыцца на тым, што мы ўжо маем, а пойдзець далей аж да міжпланетарных падарожжаў» (1934 год, из дневников).

Вместе с тем в творчестве Дроздовича символические национальные образы и космические видения дополняются диалектическими размышлениями: «Нішто не жывець, не расцець у агні. Нішто не жывець, не расцець у марозе. Толькі між агнем і марозам усё жывець, усё расцець, усё цвіцець, развіваецца, красуецца» (1933 г., из дневников)¹⁵⁵. Жизнь и творчество Дроздовича – пример бескорыстного и самоотверженного служения родной земле.

Василий Феофилович Купревич (1897–1969 гг.) – выдающийся белорусский ученый-космист, с 1952 по 1969 годы – президент Академии наук БССР. Пафос его философии – «...обрести тайну вечной жизни. Обрести – и подарить потомкам». По мнению ученого, эволюция живой природы привела к утрате продолжающего действовать на элементарном уровне жизни фактического бес-

¹⁵⁵ Габрусь Т. В. Язэп Драздовіч. Мінск : Інфармпрагрэс, 1993. С. 6.

смертия, проявляющегося в «периодически обновляющихся одноклеточных»¹⁵⁶. Купревич уверен: научному разуму человека, вооруженному знанием структур, механизмов организации и принципов функционирования живых организмов, по силам реанимировать, воссоздать бессмертие и на высшем, человеческом уровне. Предварительное условие решения этой сверхзадачи – преодоление фаталистического представления о неотвратимости, неизбежности смерти.

Алексей Климентьевич Манеев (род. 1921 г.) – яркий и самобытный белорусский мыслитель советского периода. Его мысль поднялась до высот подлинно философского универсализма, охватив единством и онтологию, и гносеологию, и праксиологию. Главная идея его философии космизма – гипотеза биополевой формации как субстрата психики и сознания, которая «снимает» крайности идеализма и материализма и утверждает их взаимодополнительность. На современном естественнонаучном материале Манеев дал новую интерпретацию древней идеи консубстанциональности, в соответствии с которой «все связано со всем». Эта его идея оказалась созвучной предположениям группы видных советских психологов и физиологов, считавших, что функционирование психики и сознания человека опосредовано некоей невещественной субстанцией, неизвестным науке специфическим видом энергии. Так появляется основание для объяснения связанных с сознанием и психикой экстрасенсорных и паранормальных феноменов. Более того, идеи Манеева вполне ковариантны и современным гипотезам естествознания о вакууме и «темной энергии». Об авторитете философских воззрений Манеева свидетельствует изданная в 1993-м году в Москве «Антология философской мысли: русский космизм», в которой его публикация «Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека» соседствует с текстами признанных классиков философии русского космизма.

Философия космизма сегодня конкретизируется в экологической парадигме мировой и национальной философской мысли. Ее у нас представляют П. А. Водопьянов, П. С. Карако, А. И. Зеленков и др. Важным результатом их онтологических исследований стала антология «Экологическая мысль народов мира». В настоящее время опубликованы три тома, в которых представлены мировоззренческие идеи и философия экологической культуры восточных славян, западной Европы и цивилизаций Востока. В разные годы методологическую проблематику разрабатывали В. С. Степин, Ю. А. Харин, А. Н. Елсуков, В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, В. К. Лукашевич, В. С. Вязовкин и др. Они исследовали не только проблемы логики и методологии науки, но и философии природы, человека, социума и культуры.

Одним из ярких свидетельств креативной состоятельности национальной философии является издание «Новейшего философского словаря» (896 страниц текста, 1400 аналитических статей, более четырехсот терминов и персоналий, впервые введенных в энциклопедический компендиум). В нашей стране актив-

---

¹⁵⁶ Купревич В. Ф. Долголетие : реальность мечты // Русский космизм : антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 351.

но работает отечественная школа специалистов в области современной западной философии, среди которых – Е. М. Бабосов, М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева, А. А. Грицанов, В. И. Овчаренко, Т. М. Тузова, В. Л. Абушенко, Е. Гурко, А. Я. Сарна, Е. А. Алексеева, А. В. Филиппович и др. Опубликованы монографии по актуальным и перспективным направлениям философских исследований: по философии глобализации (В. И. Чуешов), глобальному коммуникационному обществу (А. А. Лазаревич), основам идеологии белорусского государства (В. И. Чуешов).

Хорошим индикатором продуктивного овладения национальной философией стандартами современного мирового философского дискурса является возобновление диалога между представителями диалектического материализма и сторонниками других идейных направлений, в том числе идеалистических и религиозных. Религиозное сознание уже не противопоставляется научному как принципиально несовместимые истина и ложь, а рассматриваются как важные и необходимые компоненты целостного духовного опыта человечества.

Набирает силу и региональная философская мысль Беларуси. Так, на базе Гродненского государственного университета имени Янки Купалы подготовлена и издана всеобъемлющая «Гісторыя філасофіі» (под ред. проф. Ч. С. Кирвеля, авторы – А. А. Бородич, В. Д. Розенфельд, В. В. Карпинский, А. В. Бадаков и др.), охватывающая все ее основные регионы, этапы и проблемы. Большой раздел посвящен формированию и эволюции отечественной философской мысли.

В постсоветской белорусской философской и социально-политической мысли появилось и неакадемическое направление. Наиболее ярким его представителем является Валентин Акудович, творчество которого является, в своем роде, уникальным событием в белорусской философии. В его текстах органически сплавлены эстетические и когнитивные начала. Философская мысль у него предстает всегда в совершенном эстетическом обрамлении: «Гуманізм – гэта чалавек, вылуплены з-пад шкарлупіны Бога»; «Цывілізацыя – гэта калі куды вока ні кінь, усюды бачна не створанае Богам, а зробленае рукамі чалавека». Акудович – белорусский философ-художник, искусный мастер «сакавітага» белорусского слова. Одну из своих задач он видит в деконструкции, развенчании ценностей и смыслов советской эпохи, а также смыслообразов современной белорусской реальности. Однако основной лейтмотив его творчества – это незыблемая преданность полнокровной, растущей на родной «мове» белорусскости. «Я – голы чалавек на скразняках часу, і калі шукаць нешта вартае ў звязку з маёй асобай, то гэта не я сам, а мой Этнос ува мне. Я – гэта колькі там тысяч год і колькі там соцень каленаў майго роду, і ўся мая каштоўнасць – гэта каштоўнасць скарбонкі, у якую ссыпаныя здабыткі, набытыя нястомнай працай на працягу невядома якога часу. І калі я прыходжу да высновы, што я – усяго толькі месцішча, дзе мой Этнос працягвае існаванне з усімі сваімі тысячагоддзямі каленамі, то амаль міжволі вымаўляю: мой Бог – мой Этнос»¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Акудовіч В. В. Дыялогі з Богам : суплёт інтэлігібельных рэфлексіяў. Мінск : Логвінаў, 2006. С. 94, 110.

Свой вклад в философское осмысление сегодняшних национальных и глобальных реалий вносит и коллектив кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. Кафедра философии была образована в 1964 г. С августа 1976 г. по январь 2003 г. кафедру возглавлял доктор философских наук, профессор Юрий Андреевич Харин. Ю. А. Харин обогатил понятийный инструментарий философского мышления концептами «цвишенизм» (состояние «между-бытия», перехода от одной бытийной определенности и упорядоченности к иной), «социальная и духовная синергия». Под его руководством сотрудники кафедры исследовали актуальные проблемы гуманизма, социальной диалектики и философии социального действия, разрабатывали такие научные темы, как «Человек в социальном действии», «Теоретико-методологические проблемы социальной синергии». Результаты научных исследований опубликованы в книгах: «Социальное действие» (под ред. проф. Ю. А. Харина), «Начала диалектики» (на англ. языке и языке ори, проф. Ю. А. Харин) и др. В результате творческого сотрудничества философов и ученых технических и общеобразовательных кафедр были подготовлены и изданы коллективные монографии: «Познавательные действия в современной науке», «Социальная сила знания» (под ред. проф. Ю. А. Харина).

Преподавателями кафедры подготовлены и изданы следующие учебники и учебные пособия с грифом Министерства образования Республики Беларусь: «Философия» для студентов высших учебных заведений (под ред. проф. Ю. А. Харина; «Человек. Общество. Государство» в 4-х книгах для учащихся 8 – 11 классов общеобразовательной школы (авторы – Ю. А. Харин, В. И. Миськевич, Е. В. Беляева и др.).

С января 2003 г. кафедру возглавляет кандидат философских наук, доцент Малыхина Галина Ивановна, представитель Санкт-Петербургской школы логики, автор учебного пособия с грифом Министерства образования Республики Беларусь «Логика» (5-е изд., Минск, 2010) для студентов вузов Республики Беларусь. Наибольший вклад в развитие отечественной логики внесли В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич и др.

Знаковым событием в жизни научной и философской общественности Республики Беларусь являются международные философские чтения «Великие преобразователи естествознания», которые проводятся с 1984 г. и которые сохранили на постсоветском пространстве практику живого интеллектуального дискурса. Под непосредственным руководством проф. Ю. А. Харина, а затем Г. И. Малыхиной проведено 23 конференции (ученый секретарь Оргкомитета Чтений – доц. И. Ф. Габрус), посвященных великим естествоиспытателям: Ломоносову, Эйнштейну, Циолковскому, Ньютону, Винеру, Декарту, Леонардо да Винчи, Пуанкаре, Пригожину, Алферову, Складовской-Кюри и др.

Таким образом, несмотря на то, что белорусская философия в советский период своей истории развивалась в рамках тоталитарного режима с жесткими мировоззренческими ограничениями, она, тем не менее, смогла получить значимые научные результаты по ряду направлений исследовательского поиска (таких как проблемы диалектики, философские проблемы естествознания, ме-

тодология науки, философия космизма, философия социального действия, культурология, логика). И тем самым она внесла достойный вклад в создание современного интеллектуального имиджа Республики Беларусь.

Одной из практических задач белорусской философии начала XXI в. является повышение общей философской и логической культуры учащейся молодежи, выработка навыков критического и инновационного мышления, формирование у нее чувства сопричастности отечественной интеллектуальной традиции и воспитание гражданского самосознания нации. Теоретические же проблемы философии и социально-философской мысли Беларуси во многом определяются теми проблемами, которые страна призвана решать в условиях системной модернизации социума и вызовов глобализирующегося мира. Некоторые из них будут рассмотрены в следующем разделе.

Библиотека БГУИР

3 РАЗДЕЛ

Диалектика институциональных и спонтанных факторов в процессах формирования современной белорусской ментальности

3.1. Белорусский социум перед лицом вызовов современности

Обретение народом в 1991 г. государственной независимости означало выход белорусского этноса на качественно новый этап исторического развития. Он связан с ситуацией суверенного самоопределения Беларуси, необходимостью преодоления разрывов внутренней синергии и одновременной интеграции в процессы современной экономической и социально-политической динамики. Последняя обнаруживает себя как нелинейный процесс становления цивилизации нового типа – информационно-компьютерной, постиндустриальной, технотронной, эколого-информационной, телекоммуникационной и т.д. – подходящие определения еще подыскиваются. Формирующие ее тенденции прослеживаются в таких трендах, как: глобализация; нарастание в хозяйственной деятельности развитых стран удельного веса технологий V и VI укладов; доминирование в их ВВП доходов от сферы услуг; определяющее значение в богатстве страны социального и человеческого капитала; возрастание роли науки, образования и знаний в качестве источника инноваций и нововведений; появление на международной арене новых государств-наций; универсализация норм международного права; возникновение новых системных вызовов и рисков и т.д. Вот в этот динамичный, стремительно изменяющийся мир и должна «вписаться» наша страна.

После самоликвидации СССР Беларусь получила весьма неоднозначное наследство. С одной стороны, – это современные производства и технологии, передовая наука с развитой инфраструктурой и мощной экспериментально-исследовательской базой, адекватная потребностям времени система образования, высококвалифицированная рабочая сила, компетентные кадры технической и гуманитарной интеллигенции. С другой, – Чернобыль, деформированная структура реального сектора, большое количество ненужных малой стране химических предприятий, энергоемкое, ресурсозатратное производство, отсутствие топ-менеджеров, специалистов в области управления, системных трансформаций, информационных технологий и т.д., подготовленных к работе в рыночных условиях. К сказанному следует добавить также отсутствие необходимой для проведения реформ законодательной базы и соответствующих механизмов государственного регулирования фискальной и монетарной политики, внешнеэкономической и инвестиционной деятельности. Наконец, «человек со-

ветский – это человек государственный, сложившийся в условиях закрытой тоталитарной системы и не знающий ничего, кроме государственных отношений»¹⁵⁸. Совокупность этих и связанных с ними иных причин обусловила тяжелые кризисные явления в экономике и социальной синергии страны в первой половине 90-х годов. Ситуация по существу была близка к хаосу. Ряд наших соседей, оказавшихся в сходном положении, избрали вариант «шоковой терапии». Это, по сути, была ставка на актуализацию механизмов социальной самоорганизации на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности социума. С разной степенью успешности (и потерь) первоначальные задачи рыночного реформирования оказались «там» осуществленными. В нашей стране упор был сделан на административный ресурс и прежние советские методы управления. Сложившиеся за десятилетия и доказавшие свою эффективность институты республиканского управления во главе с правительством сумели удержать ситуацию под контролем. В течение нескольких лет шел процесс создания, перестройки и запуска новых институтов социально-политического управления. Его итоги закреплены в Конституции 1994 года с поправками и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года.

Однако, как справедливо отмечает И. Левяш, «создание государства, провозглашение его суверенитета, формирование его внешних признаков и символов – необходимое, но недостаточное условие самоидентификации народа, если он на ментальном уровне не выработал и на концептуальном уровне не сформулировал национальную идею»¹⁵⁹.

Новые исторические условия, в которых оказался белорусский социум, со всей остротой актуализировали проблему самоопределения народа, выработку стратегии устойчивого развития страны. Проблема эта многогранна. Ее нельзя сводить лишь к природно-экологическим, социально-экономическим и технико-технологическим аспектам (при всей их важности). Она включает в себя также формирование соответствующей институциональной среды (т.е. «совокупности действующих в государстве институтов и культурно-национальных традиций... правил, определяющих человеческое поведение»¹⁶⁰), а также качество социального и человеческого капитала, в том числе духовно-ценностное содержание национального самосознания. Этот капитал в современных условиях является адекватным вызовам своего времени в том случае, если обеспечивает не только конкурентоспособность экономики своего государства, но и сохранение этнокультурной уникальности социума.

Нынешний мир кардинально отличается от прежнего. Развитие постиндустриального общества в существенной мере определяется идеями и знаниями, инициативой и инновациями креативных людей – ученых, предпринимате-

---

¹⁵⁸ Николок С. Беларусь: между кризисом и катастрофой // Вестник общественного мнения. Аналитический центр Юрия Левады. (Левада-центр). Июль сентябрь 2011. № 3 (109). С. 100.

¹⁵⁹ Левяш И. Белорусская идея: в поисках идентичности // Белорусская думка. 2001. № 11. С. 24.

¹⁶⁰ Ключня В. П., Черновалов А. В. Институциональная среда Республики Беларусь и эффективность хозяйственного законодательства // Веснік БДУ. Сер. 3. 2009. № 1. С. 98.

лей, бизнесменов, изобретателей, рационализаторов, а также интересами и потребностями избирателей.

«Хорошие» идеи, воля творческого меньшинства и готовность граждан к действию во многом определяют успешность развития страны. И если они (идеи) появляются и отвечают интересам народа, случается японское, немецкое, китайское, сингапурское и т. п. «чудо». Когда же их нет, политики, действуя «вслепую» или потрафляя партикулярным интересам, нередко заводят общество в тупик или кризисное состояние.

Вот с этих позиций и нужно смотреть на проблемы социокультурной синергии и динамики современного белорусского общества. Круг их весьма обширен и касается практически всех сфер общественной жизни. А решение так или иначе связано с перестройкой, реформативизмом ментальности как народа, так и «управленцев» всех уровней. Ибо «при всей той важной роли, какую играют в жизни современного общества вопросы социальной организации, его институты, законодательство и договоры, при всей мощи созданной человеком техники – не они в конечном счете определяют судьбу человечества. И нет и не будет ему спасения, пока сами люди не изменят своих привычек, нравов и поведения... Самый важный вопрос, – утверждает первый руководитель Римского клуба А. Печчеи, – как разжечь искру, которая положит начало развитию человеческих качеств»¹⁶¹. Эта мысль весьма актуальна и важна для нас потому, что в настоящий момент, как фиксирует научный анализ, «ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками, в меньшей степени – рационально-демократическими и либеральными, индивидуалистическими ментальными характеристиками»¹⁶². А если более конкретно, то социологические исследования структуры мотивации населения Беларуси показывают, что наиболее устойчивыми и широкопредставленными в структуре личности современного белоруса являются такие базовые качества, как исполнительность, дисциплинированность, работоспособность, ответственность. А вот что касается качеств, определяющих инновационную активность, то они не получили достаточного выражения в самооценках респондентов. Так, лишь 36,2% опрошенных отметили у себя такую черту как предприимчивость, 32,8 – потребность в самообразовании, 34,7 – умение рисковать, 43,2 – инициативность, 44,9 – целеустремленность. Эти качества продемонстрировали в основном студенты (но это – «завтра» страны. Они еще учатся, и как эти качества реально проявятся у них – еще вопрос) и предприниматели (а это сравнительно небольшая социальная группа)¹⁶³. Не особо отличаются от среднестатистических и ментальные установки руководителей. Руководитель ПВТ В. Цепкало, обобщая опыт работы парка высоких технологий, отметил: не

¹⁶¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 18.

¹⁶² Кириенко В. В. Менталитет современных белорусов (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Минск, 2007. С. 26.

¹⁶³ Шавель С. А. Личностные качества – основа инновационного человеческого потенциала // Социология. 2010. № 4. С. 67–68.

все наши руководители пока даже понимают, что такое информационные технологии и зачем они нужны¹⁶⁴.

Модернизация когнитивного, аксиологического и социально-психологического содержания национального самосознания может быть эффективной в ситуации синергического взаимодействия трех факторов: целерациональной деятельности органов государственного управления, механизмов общественной самоорганизации и спонтанного давления императивов общественного бытия на общественное сознание. Определяющим среди этих факторов является первый, поскольку основные ресурсы социума сосредоточены в руках государства. Важно правильно ими распорядиться. «Правильно» – значит разделить власть, финансы и собственность (а с ними и ответственность за результаты социального управления) с гражданским обществом, его институтами и структурами. Последние, однако, могут возникнуть и продемонстрировать свою эффективность лишь в правовом государстве, в котором существует реальное разделение властей, уважение к закону, соблюдаются права и свободы человека и гражданина. Формируемые совокупными – целерациональными и спонтанными действиями государства и общества материальные, социальные и культурные условия жизни людей образуют тот реальный базис (общественное бытие), которое входящее в жизнь поколение воспринимает как объективную данность. Эта объективная реальность, в свою очередь, определяет содержание сознания людей, мотивацию их действий. Круг спирали, таким образом, замыкается и далее начинается новый.

Осуществляя системную модернизацию социума, его основных структур и подсистем, важно целенаправленно культивировать в белорусском менталитете новые личностные качества и установки (инициативность, предприимчивость, критичность, готовность рисковать, а также чувства национального достоинства, патриотизма, солидарности), используя все имеющиеся для этого инструменты – систему образования, научную периодику, СМИ (особенно ТВ, Интернет), кино, рекламу, искусство спорт, туризм и т.д. И если этот процесс будет «понимающим», то и результаты окажутся ожидаемыми. В нашем случае – совпадающими с целями национальных программ и проектов.

Таким образом, процесс нациостроительства и реформирования национального самосознания, адекватного вызовам XXI века, следует рассматривать системно, в общем контексте идущих в стране преобразований, а потому сводить его к какой-либо одной компоненте (скажем, лингвистической) было бы неправомерно.

Обратимся к анализу некоторых аспектов идущих в нашей стране модернизационных процессов.

---

¹⁶⁴ СБ сегодня. 2010. 26 нояб.

3.2. Объективные императивы социально-экономической трансформации

В нашей стране, после конституционного установления президентской республики и избрания на должность Главы государства А. Г. Лукашенко, с середины минувшего десятилетия положение дел начинает медленно, но стабильно выправляться. В 1997 г. была разработана, а в 2004 уточнена и принята правительством Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года¹⁶⁵. Определены основные направления модернизации страны, пути перехода к устойчивому развитию, перспективная модель экономики, механизмы взаимодействия государства и общества. Эта стратегия учитывает тенденции развития современного мира, предусматривает создание условий для достойной жизни людей и возможности для самоактуализации личности. Беларусь делает свой исторический выбор в пользу интеграции в мировое сообщество, кооперации и международного сотрудничества, но сохраняя при этом суверенитет и собственную национальную специфику.

Принципиальное значение имеет тот факт, что в Республике Беларусь в качестве перспективной принята модель социально ориентированной рыночной экономики. Последняя строится на принципах конституционных гарантий прав и свобод человека, предпринимательства, выбора профессии, места работы, равенства всех форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, социальной защиты нетрудоспособных и других социально уязвимых слоев населения, социального партнерства между государством, профсоюзами и союзами предпринимателей.

Социальная ориентация рыночной экономики позволяет, с одной стороны, сохранить прежние социальные завоевания общества, а с другой – использовать рыночные механизмы для повышения эффективности экономической системы, ее восприимчивости к научно-техническому прогрессу.

Главной целью социально-экономических преобразований в Республике Беларусь по обеспечению устойчивого развития определено повышение жизненного уровня народа с постепенным приближением его благосостояния к уровню высокоразвитых европейских государств. Эта цель может быть достигнута путем построения современной высокоэффективной экономической системы, обладающей стимулами к высокопроизводительному труду и восприимчивой к научно-техническому прогрессу.

Общепризнанным является тот факт, что основой такой системы является механизм рыночных отношений. В одночасье сложиться он не может. Формирование реальных рыночных отношений в Беларуси осложняется низкими темпами приватизации госсобственности, доминированием административных методов управления экономикой, отсутствием развитой частной собственности

---

¹⁶⁵ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года. Минск, 2004.

в земельных отношениях, малоэффективной системой местного самоуправления, полным преобладанием вертикальных связей (государство – индивид) над горизонтальными (индивид – индивид, группа – группа). К сказанному нужно добавить и сохраняющееся господство в белорусском менталитете коллективистско-патриархальных начал, настороженное, а то и враждебное отношение многих людей к чужому предпринимательскому успеху. Белорусский народ в своей значительной части психологически имеет патерналистские ожидания, т.е. надеется на государство, на проявление заботы о своем благосостоянии с его стороны. Преодолеть эти убеждения в короткие сроки вряд ли представляется возможным. Поэтому требуется определенный период для создания полнокровной рыночной экономики с новой производственной и социально-экономической структурой общества, новой системой мотивации к труду и высокой эффективностью производства. Учитывая подобное объективное положение вещей и умонастроения людей, переход к либеральной системе хозяйствования белорусское государство стремится осуществлять весьма корректно, исходя из реальных национальных интересов, постепенного и поэтапного создания необходимых элементов рыночной инфраструктуры и вместе с тем обеспечивая необходимый минимум социальной защиты для слабоадаптируемых слоев населения.

Делая упор на максимальное использование собственного научного потенциала, белорусское государство стимулирует привлечение в республику новых технологий из-за рубежа, участвуя в происходящих в современном мире интеграционных процессах и международном разделении труда. В Концепции социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. переход от индустриальной к постиндустриальной стадии определен в качестве главного ориентира социально-экономического развития государства. Сформулированы приоритетные направления создания и развития новых и высоких технологий, а также основанных на них перспективных производств: информационные технологии и электроника (информационные и телекоммуникационные системы, микросхемная техника и микросенсорика, сверхбольшие интегральные схемы и микроэлектроника, включая технологическое оборудование, компьютерные технологии проектирования управления); технологии, основанные на высококонцентрированных потоках энергии; новые материалы и химические продукты, в том числе материалы для микро- и наноэлектроники; биотехнологии; нетрадиционные возобновляемые источники энергии; оптика и квантовая оптика; нанотехнологии; технологии тонкого химического синтеза и другие.

Принятые в последние годы программные документы свидетельствуют о понимании того, что в современном мире, характеризующемся расширением и углублением интеграционных процессов как на уровне государств, так и на уровне промышленных корпораций, выпадение из транснациональных воспроизводственных цепочек может повлечь за собой постепенную технологическую деградацию экономики. При этом проводимая государственная промышленная политика нацелена на то, чтобы избежать

опасности оказаться в роли придаточного звена такой воспроизводственной цепочки. Благодаря протекционистской политике в отношении реального сектора экономики, Беларуси удалось сохранить достаточно большую долю высокотехнологичных отраслей в промышленном комплексе страны и высококвалифицированные кадры в ключевых отраслях промышленности.

Следует отметить, что реализовать обозначенные в концепциях и программах направления технологической политики будет весьма непросто. Чтобы выполнить хотя бы часть из намеченного, необходимо, кроме прочего, «вживить» рыночные институты в постсоветскую институциональную среду и преодолеть свойственную белорусской традиции управленческую «рутину», механизм принуждения которой использует традиции «поклонения» начальнику (руководителю) и нашу пресловутую «толерантность»¹⁶⁶, преодолеть сформировавшиеся стереотипы экономического мышления и действий.

Беларусь, как было отмечено выше, вступила в новое тысячелетие с экономикой, находящейся на стадии реформирования и оживления. Однако очевидно, что достигнутый в последние годы рост ВВП во многом был обусловлен действием организационных факторов (усиление административного воздействия на предприятия, повышение дисциплины и ответственности, развитие союзнических отношений в экономической сфере между Беларусью и Россией и т.д.) и стимулированием производства путем экспансионистской кредитно-денежной политики. Однако эффект от использования административного ресурса не может быть длительным. Для перехода к устойчивому долгосрочному экономическому росту необходимо наряду с созданием благоприятных институциональных условий и развитием человеческого потенциала обеспечить модернизацию физического капитала и нематериальных активов. Добиться этого можно только в рамках ускорения структурных преобразований, приватизации, развития частного малого и среднего предпринимательства.

Опыт центрально- и восточноевропейских стран с переходной экономикой свидетельствует, что наибольших успехов в привлечении инвестиций и повышении благосостояния народов добились те из них, которые активно проводили процесс приватизации. Беларусь преобразование форм собственности осуществляет пока нерешительно. Более того, в последние годы процессы разгосударствления и приватизации в нашей стране значительно замедлились, а в сельском хозяйстве они практически и не начинались. Между тем *преодоление отчуждения человека от собственности* является не только непременной предпосылкой оптимизации всего комплекса реформ, но и формирования социально активной, ответственной личности.

Ставка только на административно-командные методы управления экономикой может поставить под сомнение реальность достижения

---

¹⁶⁶ Ключня, В. П., Черновалов А. В. Институциональная среда Республики Беларусь и эффективность хозяйственного законодательства // Веснік БДУ. Сер. 3. 2009. № 1. С. 99.

продекларированных в программах целей обновления. К критическому уровню (70–80 %) приближается износ активной части основных производственных фондов, что намного превышает критически допустимый уровень. Для активизации процессов модернизации необходимо обеспечить среднегодовой прирост инвестиций на уровне 8–10 %¹⁶⁷. Однако реально на эти цели из всех источников финансирования выделяется не более 5 %. Увеличивается отрицательное сальдо в торговле, внешний долг приближается к 50 % ВВП. В настоящее время только 4 % технологических процессов в промышленности Беларуси соответствует мировому уровню. Глубокий спад переживает научно-техническая сфера. Среднегодовые темпы обновления основных фондов науки не превышают 5 %, что почти в 3 раза ниже уровня современных требований, а их физический и моральный износ превысил 60 %. В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда страна, обладая высоким уровнем научно-технического потенциала, реализует его не более чем на 5 % всех предприятий, тогда как в развитых странах этот показатель в 5–6 раз выше. Как результат – низкая доля новой продукции в общем объеме производства (менее 3 %). При этом еще имеет место тенденция к ее сокращению. В структуре белорусского экспорта самая современная высокотехнологичная продукция составляет всего 4 %. (для сравнения: США – 33 %, Япония – 26 %, Дания – 18 %, Россия – 12 %). Научоемкость отечественного ВВП составляет менее 1 % (в странах ЕС – 2–3 %). Практически во всех отраслях промышленности Беларуси численность производственно-технического персонала существенно больше, чем это необходимо. В результате показатель производительности труда в обрабатывающих отраслях народного хозяйства страны остается в 4–6 раз ниже, чем в промышленно развитых странах, и в 2 раза ниже, чем в новых индустриальных странах. Получается, что у нас не машины вытесняют рабочих из производства, а, напротив, дешевая рабочая сила вытесняет передовую технику. Это обусловлено тем, что темпы обновления технологий и продукции в нашей стране, – как писал в свою бытность Председателем Президиума НАН Беларуси М. Мясникович, – являются весьма неудовлетворительными, составляя лишь 5 % в год против 25 % в развитых странах¹⁶⁸. Ситуация с тех пор не улучшилась.

Не получает должной поддержки со стороны государства развитие малого и среднего бизнеса – естественных средоточий процессов самоорганизации в экономики и формирования рыночных мотиваций, творческой инициативы, ответственности, риска, организаторских способностей, лидерских качеств. В «Национальной стратегии...» признается важность этого «фактора социально-экономического развития страны», однако там ему уделено лишь четыре скромных абзаца¹⁶⁹. На практике около 70 % населения при решении

¹⁶⁷ Национальная стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020г. Минск, 2004. С.52–53.

¹⁶⁸ Мясникович М. В. Национальная академия наук на пути модернизация // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. 2003. № 12. С. 70.

¹⁶⁹ Национальная стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020г. Минск, 2004. С. 144.

материальных проблем прибегают к стратегии «затягивания поясов» (ничего не предпринимают, либо снижают уровень своих потребностей, либо «стараясь жить по средствам»). Лишь около 20 % жителей практикуют инновационные формы адаптации и пытаются всеми возможными способами поднять свой жизненный уровень¹⁷⁰. Практически отсутствуют изменения в менталитете белорусского крестьянства (а это 30 % населения страны). В решении своих материальных проблем они руководствуются принципом «жить как все». Бизнесом занимаются только 1,8 %. За годы рыночных преобразований изменений в мотивации их трудовой активности не произошло; напротив, увеличилось число занявших позицию терпеливого ожидания¹⁷¹.

Эта проблема еще более обостряется в связи с переживаемым страной финансово-экономическим кризисом, девальвацией национальной валюты, инфляцией, резким падением покупательной способности населения. С учетом подобного развития событий необходимость использования потенциала малого и среднего предпринимательства сегодня является более чем актуальной.

Программы социально-экономического развития нашей страны основаны на идее инновационизма и масштабного использования инновационного ресурса. Успешно действующий в стране Парк высоких технологий является площадкой, на которой отрабатываются рамочные условия для благоприятного развития инноваций. В настоящее время его резидентами являются около ста компаний, специализирующихся на разработке программного обеспечения по заказам отечественных и зарубежных потребителей. В последние годы в стране принят целый пакет концепций и государственных программ инновационного развития. Прделана существенная работа по созданию нормативно-правовой базы развития инновационного потенциала. Этот процесс регулируют около 60 законодательных актов – законов, указов и постановлений. Большое значение уделяется государством поддержке молодых талантов. Формируется банк данных одаренной молодежи.

Вместе с тем в Обзоре инновационного развития Республики Беларусь, подготовленного экспертами экономической комиссии ООН по заказу белорусского правительства, выявлен ряд барьеров на этом пути¹⁷². В отчете отмечается, что наряду с признанием важности инноваций для долгосрочного экономического развития страны, принятием определенных мер по его стимулированию, созданию необходимых элементов инфраструктуры, основной упор делается на административный аспект. Недостаточное внимание уделяется развитию взаимодействия бизнеса, науки и образования. Линейная модель «наука-производство» – должна быть заменена на нелинейную, множественность связей между участниками НИС (научно-инновационной системы). Наиболее слабое звено НИС – предпринимательский сектор. Нужны меры по его стимулированию и развитию. Чрезвычайно важно также

¹⁷⁰ Данилов А. Н. Системная трансформация постсоветского мира и интеграционные устремления новых независимых государств // Веснік БДУ. Сер. 3. 2009. № 1. С. 90.

¹⁷¹ Смирнова Р. А. Рыночный менталитет белорусского крестьянства // Социология. 2010. № 1. С.113–117.

¹⁷² Пороговые барьеры на пути белорусских инноваций // Наука и инновации. 2011. № 12. С.37–44.

разработать мероприятия по просвещению населения, изменению отношения к инновациям (в их числе – конкурсы, шоу, олимпиады, конференции, семинары, учебные программы по развитию предпринимательства в школах и вузах и т.д.). Самое важное – нужны экономические стимулы, а не принуждение, широкое участие ученых, бизнесменов, студентов в международном сотрудничестве.

Таким образом, экономика обладает мощным потенциалом формирования и развития новых личностных качеств белорусов. А его реализация связана с формированием и эффективным функционированием полноценных рыночных и управленческих структур и механизмов.

3.3. Демографические и экологические проблемы Беларуси

Достижение целей реформирования требует длительного времени и в решающей степени будет определяться имеющимся в распоряжении белорусского социума потенциалом человеческого (и социального) капитала. Его качество можно определять по разным параметрам (уровню образования, квалификации, сферам занятости, половозрастной структуре, ценностным ориентациям и т.п.), но важнейшими среди них являются такие показатели, как тенденции демографического развития и здоровье народа.

Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь складывается весьма неблагоприятно. Начиная с 1994 г. в стране идет процесс депопуляции, который медленно, но неуклонно набирает силу. За 1994–2010 гг. численность населения сократилась почти на 863 тыс. человек (или на 8,4 %). Обобщенным показателем общественного здоровья нации является ожидаемая продолжительность жизни при рождении. По этому показателю Беларусь уступает почти 100 странам мира, а по сравнению с развитыми странами он ниже у мужчин на 12–14 лет, у женщин – на 5–6 лет¹⁷³. Постепенно снижается суммарный коэффициент рождаемости. В республике сейчас преобладают семьи с одним ребенком, тогда как для замещения поколений на уровне простого воспроизводства этот коэффициент должен составлять 2,16. «Обвальное снижение количества родившихся в 1990-е гг. и в первом пятилетии XXI в. вызовет через 10–15 лет огромный дефицит демографического потенциала и, – прогнозируют эксперты, – создаст не сравнимую с сегодняшней угрозой национальной безопасности»¹⁷⁴. При продолжающемся падении рождаемости неизбежно снижается процентная доля молодежи и возрастает процент лиц пенсионного возраста. Так, численность детей в 1990 г. (до 15 лет) в общей структуре населения составляла 24,5 %, а в 2009 г. – 19,6 %. Соответственно число лиц послетрудового (пенсионного) возраста – 19,3 % и 21,2 %. По классификации же ООН, население страны

¹⁷³ Здравоохранение в Республике Беларусь: Офиц. стат. сб. за 2010 г. Минск, 2011. С. 31.

¹⁷⁴ Злотников А. Г. Современная демографическая политика Беларуси // Социология. 2010. № 3. С. 128.

считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 7 %. У нас этот показатель в настоящее время почти в 2 раза выше¹⁷⁵.

Негативные тенденции наблюдаются и в структуре занятости людей трудового возраста. Неуклонно увеличивается доля лиц старше 40 лет. И проблема здесь не только в дополнительной нагрузке на бюджет в связи с предстоящим выходом на пенсию все большей численности людей, но и способности рабочей силы к восприятию новых ценностей и инновационным действиям, без чего рыночные преобразования невозможны в принципе. К тому же в последние годы наблюдается всплеск миграции, а вместе с ней – «утечка мозгов». Поэтому, как это ни грустно, коренного изменения демографической ситуации в Республике Беларусь ожидать не приходится,¹⁷⁶ – констатирует Министр статистики и анализа Республики Беларусь.

Качество человеческого субстрата нации определяется прежде всего здоровьем людей. Здоровье населения – проблема комплексная, затрагивающая все сферы и аспекты человеческой жизнедеятельности – образование, культуру, экономику, экологию и т.д. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье человека на 18–20 % зависит от условий окружающей среды, на 8–10 % – от уровня развития медицины, на 20–22 % обуславливается наследственной предрасположенностью к болезням и на 50–54 % зависит от образа жизни человека. Таким образом, формирование здоровой нации является делом вполне управляемым и отвечающим как интересам государства, так и отдельного индивида.

В нашей стране по оценкам специалистов Минздрава, наблюдается устойчивый рост первичной и общей заболеваемости населения. С 1994 по 2010 годы эти показатели возросли соответственно на 20,6 % и 37,8 %¹⁷⁷.

Растет смертность. По ее уровню Беларусь занимает третье место среди стран СНГ после Украины и России. Основными причинами являются: заболевания систем кровообращения (более 50 %), злокачественные образования, несчастные случаи, отравления, убийства, травмы, самоубийства¹⁷⁸ и т.д. Чрезвычайно высокой является доля умерших в трудоспособном возрасте, особенно мужчин (82,2 % от всех умерших). И связана она в основном с внешними причинами (73,4 %). Усугубляет проблему низкий уровень культуры структурирования свободного времени значительной части населения, отсутствие должного понимания преимуществ здорового образа жизни, незначительная популярность в общественном мнении установок и ценностей подобного образа жизни. Достаточно сказать, что количество потребляемого в стране алкоголя на душу населения в спиртовом эквиваленте за последние годы выросло с 6,7 литра до 9,7 литра. Заметим, что по мнению специалистов ВОЗ, критической для здоровья нации является цифра в 2 литра.

¹⁷⁵ Смертность населения Республики Беларусь: Официальный стат. сб. за 2010 г. Минск, 2011. С. 6.

¹⁷⁶ Зиновский В. И. Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь // Социология. 2002. № 1. С. 3–7.

¹⁷⁷ Состояние здоровья населения в Республике Беларусь: Официальный стат. сб за 2010 г. Минск, 2011. С. 31.

¹⁷⁸ Там же. С. 19–22.

Положительную динамику имеет распространение ВИЧ-инфекции и наркомании. В настоящее время численность больных наркологическими расстройствами, состоящими на учете в лечебно-профилактических организациях, составляет около 200 000 чел. В психологической помощи нуждается каждый второй житель Беларуси.

Государство предпринимает масштабные меры для преломления этих негативных тенденций. В августе 2011 г. принята Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. Формируется государственная политика в области оздоровления населения. Разработаны и реализуются на практике программы «Здоровье нации», развития физической культуры и спорта, Государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма, республиканская программа «Женщины Республики Беларусь», национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь. Утверждена новая редакция закона о здравоохранении в Республике Беларусь. Приоритетность развития здравоохранения установлена Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2010–2015 гг. Формируется законодательная и материальная база для развития спорта, туризма, различных форм самодеятельной активности людей. Было бы, разумеется, наивным ожидать кардинального улучшения ситуации в ближайшее время. Проблема здоровья нации, еще раз подчеркнем, – это комплексная проблема, связанная в том числе и с состоянием духовной культуры народа, верой в реальность позитивных перемен. В этом плане принципиальное значение имеет преодоление бедности. Длительное пребывание людей в маргинальной зоне, как свидетельствуют социологические наблюдения в разных странах, провоцирует привыкание к бедности и тем самым блокирует формирование честолюбивых устремлений и надежд на достижение стандартов жизни среднего класса.

Следует признать, что рыночная экономика не может быть создана усилиями чиновников. Необходимо участие в этом процессе самодеятельных групп населения, и прежде всего молодого поколения. В этой связи включение в рыночные преобразования молодежи должно рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений политики государства. Тогда и проблемы здорового образа жизни, здоровья нации перестанут быть заботой преимущественно государства.

Фундаментальной проблемой, непосредственно влияющей на здоровье людей и требующей целенаправленного участия государства в ее решении, является современная экологическая ситуация в Республике Беларусь. Корни ее уходят в еще советские геополитические и военно-стратегические планы. Результатом осуществления этих планов стало гипертрофированное развитие ресурсоемких, многоотходных отраслей, ориентированных, в основном, на привозное сырье, материалы и вывоз готовой продукции за пределы республики. Приоритет, десятилетиями отдаваемый у нас развитию материального производства без принятия адекватных природоохранных и

ресурсосберегающих мер, явился основной причиной возникновения кризисной экологической ситуации. Еще большую остроту она приобрела после Чернобыльской катастрофы. Более 1/5 территории республики загрязнено радионуклидами, что не только резко ограничило ее природно-ресурсный потенциал (загрязнено 22 % сельскохозяйственных и 21 % лесных угодий), но и требует огромных капиталовложений для минимизации радиационной опасности. В результате вынужденного и добровольного переселения из зоны отчуждения были закрыты 282 населенных пункта и выведена из эксплуатации вся прилегающая инфраструктура; на новые места жительства отселено почти 350 тыс. человек. Расходы на Чернобыль в виде процента национального бюджета составляли в разное время от 19,9 % в 1992 г. до 5,3 % в 2001 г. В 2010 г. они составили 0,4 %.¹⁷⁹ Общая же сумма ущерба оценивается правительством в 235 млрд. долларов¹⁸⁰.

В республике разработаны и осуществляются государственные программы по ликвидации последствий катастрофы, принят ряд законов и постановлений правительства. Их реализация способствовала нормализации радиационного фона атмосферного воздуха в большинстве населенных пунктов республики. Вместе с тем обнаруживаются новые опасности. Начался распад плутония-241 с образованием америция-241, что увеличивает опасность перехода радионуклидов в пищевые цепочки. Максимальное накопление этого элемента в почве, согласно расчетам специалистов, ожидается к 2050 г., а его активность почти в 2 раза будет превышать активность плутония 239 и 240. Таким образом, суммарная альфа-активность трансураниевых элементов к 2050 г. удвоится.¹⁸¹

Радиационная обстановка в Беларуси отрицательным образом сказывается прежде всего на состоянии здоровья людей, проживающих на загрязненных территориях (а это 19 % населения страны). Особую тревогу вызывает тот факт, что там проживает 530 тыс. детей и подростков. В структуре детской заболеваемости растет удельный вес врожденных и наследственных патологий, обусловленных действием мутагенных факторов неблагоприятной окружающей среды. Серьезный урон здоровью людей причиняют плохое питание, бедность, чувство обреченности, отсутствие надлежащей медицинской помощи.

Экологические проблемы Беларуси последствиями Чернобыльской катастрофы не ограничиваются. К наиболее серьезным относятся загрязнение воздушного бассейна крупных промышленных центров; интенсивная трансформация водосборных бассейнов и водного режима речной сети в результате масштабной мелиорации земель, а также загрязнение рек и озер; техногенная деградация ландшафтов; неблагоприятная экологическая ситуация в сельском хозяйстве, связанная с химизацией сельского хозяйства,

¹⁷⁹ Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: Стат сб. Минск, 2011. С. 224.

¹⁸⁰ См.: Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Стратегия реабилитации. Минск, 2002. С. 60, 62.

¹⁸¹ Национальный отчет о человеческом развитии. Минск, 2000. С. 77.

использованием тяжеловесной техники, эрозией и трансформацией почв, увеличением количества твердых отходов промышленного производства. Общая масса последних в настоящее время превышает 720 млн тонн.¹⁸²

Экологическую угрозу несут устаревшие производства, изношенные производственные фонды, большое количество (свыше 500) опасных химических объектов, взрыво- и пожароопасных предприятий (около 400), тысячи километров магистральных газо- и нефтепродуктопроводов и т.д. В целом, как отмечается в Национальном отчете, «производственный потенциал страны таит в себе реальную экологическую угрозу»¹⁸³.

Вместе с тем нужно отметить, что в результате уменьшения антропогенной нагрузки на биосферу, а также принимаемым правительством природоохранным мерам, в республике в последнее время наблюдается положительная динамика по ряду экологических показателей. Однако важнейшим фактором стабилизации экологической ситуации может быть только коренная структурная перестройка экономики, которая обеспечит возможность технического перевооружения, внедрения новых, экологически безопасных, энерго- и ресурсосберегающих технологий. Это комплексная проблема и ее решение во многом будет зависеть как от общей стратегии реформирования белорусского общества, так и формирующейся новой ментальности народа.

3.4. Формирование структур политической и гражданской самоорганизации общества

Важнейшей предпосылкой актуализации механизмов социальной самоорганизации является расширение возможностей личности и свободы ее духовного, интеллектуального, экономического и политического выбора. Эти возможности, как свидетельствует опыт истории, могут быть реализованы только в условиях развитого гражданского общества и правового государства.

Гражданское общество – это саморегулирующаяся система интеракций негосударственных институтов, структур и отношений, спонтанно возникающих и функционирующих в социуме на основе свободного решения граждан и их объединения в добровольные ассоциации для удовлетворения своих партикулярных интересов. Последние могут быть самыми разнообразными и простираются от политических целей (когда речь идет о политических партиях) до экзотических затей и чудачеств (вроде объединений граждан в защиту прав инопланетян). Активность свободного человека в данном измерении социальной синергии представляет собой неисчерпаемый креативный потенциал демократического общества.

В советский период отечественной истории государственному (партийному) контролю была подчинена не только общественная, но во многом

¹⁸² Экологическая безопасность: социально-экономические аспекты. Минск: БИП-С, 2003. С. 83.

¹⁸³ Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. С. 32.

и личная жизнь граждан. В тоталитарном социальном пространстве практически не оставалось места для индивидуальной и тем более групповой самодеятельности. В итоге гражданское общество как сфера осуществления частных интересов людей в СССР, а значит и в Беларуси, ни сложиться, ни функционировать просто не могло. Тоталитаризм в этом смысле оставил после себя весьма деформированное пространство социальной синергии. Для формирования гражданских структур необходима целенаправленная политика государства, направленная на создание правовых, политических, экономических, ментальных и иных предпосылок.

Однако у нас данный процесс имеет свои особенности. Они заключаются, прежде всего, в том, что абсолютное большинство населения республики к моменту провозглашения независимости не помышляло о суверенитете страны (в отличие от народов Прибалтики), ориентировалось на твердые социальные гарантии со стороны государства, настороженно относилось к проявлениям инакомыслия и личной инициативы, не рассматривало свободу в качестве значимой социальной и духовной ценности. Поэтому демократизация и реформирование началось здесь не на собственной, подготовленной основе, а шло в русле ответных реакций, вынужденных социальных действий на идущие извне вызовы, реакций часто спонтанных и не структурированных.

Становление гражданского общества – это системный процесс, затрагивающий практически все сферы и уровни социальной синергии. Он предполагает реформирование отношений собственности и утверждение частной собственности наравне с государственной в качестве основы хозяйственной жизни; формирование среднего класса в качестве гаранта социальной стабильности; развитие многопартийности как предпосылки заинтересованного и ответственного участия граждан в формировании органов государственной власти на всех уровнях ее организации; реальное разделение властей и превращение парламента в профессиональную политическую структуру, наделенную и контрольными полномочиями; децентрализацию власти и передачу реальных властных функций местным сообществам, развитие местного самоуправления, выборность населением руководителей исполнительной власти на местах; независимость суда и средств массовой информации; реальное соблюдение прав и свобод личности и т.д. Из сказанного очевидно, что становление гражданского общества неотделимо от процесса формирования правового государства и предполагает как соответствующую институализацию общественной жизни, так и культивирование в общественном сознании новых ценностных ориентаций и социально-психологических установок.

В Беларуси данный процесс только начинается. Определены его конституционные рамки, законодательно закреплены права и гарантии граждан, политических партий и общественных объединений, узаконена частная собственность, защита прав и свобод личности провозглашена в качестве одной из важнейших функций государства.

Формирование элементарно-структурной базы гражданского общества, ее развертывание и актуализация в процессах социальной синергии может идти тремя путями. Первый – это путь стихийной, спонтанной самодеятельности граждан, объединяющихся во всевозможные ассоциации для совместных действий ради достижения общих целей; второй связан с опережающей активностью государства, создающего для такого рода объединений и действий необходимые предпосылки, и третий – это путь их синергического взаимодействия. В нашей стране продолжают действовать прежние инерционные механизмы блокирования самодеятельной активности людей. Большинство населения объединено в государственные трудовые коллективы, профессиональные союзы, которыми легко манипулировать, в том числе и в политических целях. Практически отсутствуют такие формы проявления непосредственной демократии, как проведение собраний, сходов, местных референдумов, на которых само население решало бы вопросы местного значения. Все решения принимаются местными органами исполнительной власти, которые фактически независимы от избирателей. Правда, последним оставлено право обращаться с жалобами и прошениями в вышестоящие инстанции. Вычленилась из старых структур лишь незначительная сознательная и социально активная часть населения.

Политико-правовые предпосылки модернизации белорусского социума определены в Конституции Республики Беларусь. Вместе с тем очевидно, что реализация на практике нормо-ценностей демократии – правового государства, верховенства закона, идеологии прав и свобод граждан – это процесс долговременный и многогранный. В качестве существенного момента он включает в себя формирование гражданского общества, его институтов и механизмов.

Особое значение в данном процессе принадлежит сфере публичного. **Публичная политика** – это область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение, или, более строго – пространство общественного дискурса по поводу социально-политических проблем развития общества и государства. Подчеркнем: публичная сфера – это сфера коммунитарных интересов, т.е. общества в целом. Она не ограничивается только рефлексией и артикуляцией общественных интересов, но и предполагает их практическую реализацию. А это, в свою очередь, является предпосылкой институализации общественных интересов и отношений.

Мировой опыт свидетельствует: публичная сфера лишь тогда становится реальностью, когда она организуется самими гражданами и функционирует без вмешательства государства, но, естественно, в рамках закона. Ее важнейшими акторами являются бизнес-сообщество, интеллектуальная элита, негосударственные объединения и ассоциации граждан, гражданская сеть формирования общественного мнения (СМИ), институты хранения и воспроизводства духовных ценностей и культурных кодов общества (например церковь) и, last, but not least, политические партии.

В современных политических системах партии выступают основными структурами, обеспечивающими агрегацию интересов различных социальных

групп. Однако необходимо учитывать принципиальное различие между состязательными партийными системами, которые действуют в режиме выстраивания электоральной поддержки, и неконкурентными авторитарными партийными системами, которые стремятся управлять обществом на основании приписывания себе некоей особой (авангардной) исторической миссии. В последнем случае, как свидетельствует историческая практика (в том числе и СССР), политические структуры не отражают глубинных интересов общества, а социальные проблемы и противоречия не получают адекватного осмысления и решения.

Среди важнейших социальных функций состязательных партийных систем выделим следующие: а) артикуляция интересов общества, причем так, чтобы они были услышаны властью. Это важно для принятия политических решений в важнейших сферах общественной жизни; б) сведение воедино различных взглядов и воззрений, и прежде всего правящей элиты и оппозиции; в) публичный контроль деятельности власти, в том числе в сфере экономики, социальной политики, культуры, экологии, кадровой политики и т.д.; г) влияние на формирование государственной политики в интересах общества, а не бюрократии, отдельных кланов и привилегированных групп; д) политическое просвещение и социализация граждан и др.

В Республике Беларусь становление публичной политики, гражданского общества и его субъектов идет медленно и противоречиво, и идет главным образом в рамках первой модели, преодолевая не только инерцию прошлого, но и противодействие (явное и неявное) государственных структур. Однако если смотреть на положение вещей в данном социальном секторе формально, то вполне можно констатировать «благополучие»: в настоящее время в нашей стране зарегистрированы и действуют 15 политических партий, 35 республиканских профсоюзов, 2253 общественных объединения¹⁸⁴. Но суть дела не в количестве, а степени их поддержки различными слоями общества, реальной независимости от государственных структур, их влиянии на общественное сознание, выработку политического курса, нормотворчество, демократизацию и либерализацию жизни.

Не секрет, что политические партии в Республики Беларусь до сих пор не превратились в сколько-нибудь значимый фактор публичной политики. А потому нет, по сути, и эффективной партийной системы как необходимого и неотъемлемого компонента политической системы. Не входя в подробный анализ причин такого положения вещей, укажем только на некоторые из них.

Опыт активного политического участия различных политических сил артикулируется в партийных идеологиях, институализируется и проявляется в соответствующих политических действиях, закрепляясь в итоге в законах государства, политических традициях и политической культуре. В нашей стране этот процесс имел недолгую историю на рубеже XIX-XX вв., а затем оборвался. Возобновился он лишь с обретением Республикой Беларусь независимости. По-

---

¹⁸⁴ Статистический ежегодник, 2011. – Минск, 2011. С. 25.

этому традиции демократии и политического участия, диалога народа с властью приходится закладывать заново. Подчеркнем: доверие людей к власти, ее институтам, личности – одно, доверие к ценностям демократии, способность к самостоятельному выбору и самоопределению – другое. Сегодня авторитаризм по разным причинам востребован обществом. Ему не нужны публичная политика и публичная сфера с ее общественными институтами, не нужны самостоятельно, тем более, критически мыслящие граждане.

Таким образом, становление партийной системы в нашей стране сталкивается с двумя серьезными препятствиями – косностью и инерцией массового сознания и противодействием (прямым и косвенным) со стороны бюрократии. Вместе с тем опыт других стран (как исторический, так и нынешний) свидетельствует: без реальной социально-политической синергии (а партийная система является одним из её компонентов), успешная модернизация в центре Европе едва ли может быть успешной. «Государство в состоянии «поглотить» гражданское общество. Так случилось в Советском Союзе, где не было развитой публичной сферы и даже простое общение было «заперто» дома. Здоровое гражданское общество не может существовать без развитой публичной сферы... Государство не может слиться с гражданским обществом; если государство будет везде, – пишет видный британский социолог Э. Гидденс, – его не будет нигде»¹⁸⁵.

Непросто идут процессы становления самостоятельных общественных организаций и объединений. Союзы промышленников и предпринимателей не имеют сколько-нибудь серьезного влияния на проводимую государством экономическую политику. Редкие акции протеста и забастовки предпринимателей чаще всего оказываются малоэффективными. Вместе с тем в последнее время вслед за Россией у нас также в повестку дня ставится вопрос о необходимости политических реформ.

Настороженное отношение государства к нарождающимся новым общественным структурам связано не только с тенью тоталитаризма, незрелостью объективных предпосылок (экономических, политических, социальных) для формирования гражданского общества, но и с особенностями национального менталитета. Поэтому пока можно говорить лишь о том, что у нас складывается так называемое «малое» (элитарное) гражданское общество, которое следует рассматривать как необходимый переходный этап на пути создания полноценного гражданского общества. Для оптимизации же данного процесса, еще раз подчеркнем, требуются партнерские отношения структур гражданского общества и государства.

---

¹⁸⁵ Гидденс Э. Демократизируя демократию: государство и гражданское общество // Социология. 2010. № 1. С. 9.

3.5. Социальный характер и проблемы национальной самоидентификации

Из анализа отечественной истории следует, что перманентные периоды хаотизации социальной жизни, вызванные войнами, инкорпорациями, революциями, не позволили укорениться и набрать жизненно необходимый инерциальный импульс таким важнейшим субстанциональным и конститутивным началам этногенеза как язык, религия, государственность, собственность, традиции городской жизни. Периодические политические, социальные, демографические и культурные пертурбации и кризисы, волнами накрывавшие Беларусь на протяжении веков, сформировали в народе естественную социально-психологическую установку – выжить, выжить ценой приспособления к постоянно изменяющимся (чаще всего – насильственно) условиям существования. При подобном стечении обстоятельств речь могла идти лишь о сохранении некоторых черт этнокультурной идентичности, но не о развитии творческого потенциала народа и культивировании качеств свободной и инициативной личности.

В течение двух последних столетий, как мы стремились показать выше, прослеживается действие тенденций к восстановлению целостности белорусской социокультурной синергии. Однако проявляли они себя весьма противоречиво, часто лишь спорадически или в контексте иных, более мощных и поглощавших их течений. Естественно, что кардинальным образом изменить структуру белорусского социального характера они не могли.

Социальный характер, согласно автору данного понятия Э. Фромму, – это результат динамической адаптации человеческой природы к общественной среде.¹⁸⁶ Думается, что и к природной тоже. Он представляет собой сплав чувств, мыслей и установок к действию, общих для большинства людей данного социума и входит в структуру его менталитета. Социальный характер определяет динамичный аспект менталитета народа и несет на себе печать этнического своеобразия, специфицируясь в национальном характере. Трансформация этнического самосознания (его ценностно-смыслового ядра) в существенной степени зависит от изменений в структуре национального характера.

Подобно тому, как характер конкретного индивида формируется и проявляется в действиях (бездействии), также и социальный характер создается в ходе ответов этноса на вызовы истории. Если в действиях доминирует активное начало, направленное на преобразование и подчинение среды, значит характер у социального субъекта «мужской». А если его действия (ответы) имеют форму реакций на внешние вызовы, носят адаптивный характер, значит характер у него «женский». У Н. Бердяева есть интересные рассуждения на сей счет. В своем эссе «О «вечно бабьем» в русской душе» он пишет: «Великая

---

¹⁸⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 246.

беда русской души... в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем». Русский народ слишком погружен в стихийный коллективизм, в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав¹⁸⁷. Думается, что это оценочное суждение великого мыслителя как нельзя лучше характеризует и «белорусскую душу».

Новые идеи, которые появляются на жизненном горизонте общества, могут в нем укорениться лишь тогда, когда совпадут со специфическими потребностями и архетипами людей данного социального характера¹⁸⁸. Среди доминантных черт белорусского менталитета обычно выделяют, повторимся, такие ценностные императивы, как толерантность, трудолюбие, коллективизм, добрововестность, исполнительность, привязанность к «малой родине», а в национальном характере – пассивность, стремление «быть как все», ожиданий патернализма к себе, некритическое восприятие власти и т.д. Вместе с тем высшие гражданские и личностные ценности – патриотизм, чувство национального и личностного достоинства, демократические устремления, независимость, свобода, инициативность, готовность рисковать, индивидуализм в иерархии ценностных предпочтений белорусов занимают невысокие места. Хотя, естественно, существуют определенные различия в структуре ценностных ориентаций разных возрастных и социальных групп населения. В последнее время наблюдается тенденция к идейному размежеванию между поколениями. Сторонниками консервативно-традиционалистских взглядов являются в основном пенсионеры, а предприниматели, студенты и служащие отдают предпочтения либеральным и социал-демократическим идеям¹⁸⁹. Это, безусловно, позитивный момент. Однако реальное значение данное умонастроение обретет лишь тогда, когда станет неотъемлемым компонентом структуры социального характера белорусов и заявит о себе через их практические действия.

Данный процесс подчиняется определенной исторической логике и искусственно форсирован быть не может. Изменения в социальном характере могут происходить как спонтанно, в результате процессов социальной самоорганизации, так и целенаправленно – под влиянием определенной идеологии и организационной политики государства. *Надо полагать, что дополняющее взаимодействие институционального и спонтанного начал социальной синергии является наиболее эффективным способом перестройки структур социального характера народа.*

Исходя из сформулированных теоретических посылок, рассмотрим ситуацию с трансформацией белорусского национального характера. За «точку отсчета» возьмем потребностно-мотивационную сферу социального субъекта.

---

¹⁸⁷ Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 300.

¹⁸⁸ Фромм Э. Указ. соч. С. 233.

¹⁸⁹ Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. С. 94; Молодёжь г. Минска: социальный портрет. Минск, 2004. С. 41.

Доминирование в ней тех или иных интенций обуславливает различные стратегии адаптации людей к социальным изменениям. Исходя из этого критерия в социальной структуре современного белорусского общества можно выделить следующие основные группы:¹⁹⁰ 1) активно-инициативная. Сюда входят так называемые «новые белорусы», активно занимающиеся предпринимательской деятельностью и полностью принимающие перемены. Их доля в составе населения относительно невысока; 2) пассивно-конформистская. Она составляет основную массу населения. Для ее поведения характерно стремление приспособиться к идущим изменениям; 3) третью группу образуют лица, с разной степенью активности неприемлющие новые реалии и испытывающие ностальгию по прошлому. Их доля в структуре населения значительна – до 20 %; 4) четвертая – социально-активная, использующая кризисное состояние общества и реализующая свои интересы криминальным, преступным путем. Она относительно невелика, однако ее негативное влияние на общество ощутимо; 5) маргинальная, имеющая тенденцию к росту, характеризуется атрофией социально и личностно значимых ценностей и идеалов.

Адаптация к новым реалиям идет посредством диалектического взаимодействия объективных и субъективных факторов и сопровождается структурными и содержательными переменами в этническом самосознании. Об относительной завершенности этого процесса можно будет говорить лишь тогда, когда в нашей стране сформируется средний класс с классической для него системой жизненных стандартов и ценностей. Но это лишь одна «сторона медали». Другая связана с проблемой самоидентификации, с интеграцией в структуру менталитета не только рыночных и демократических ценностей, мотивов и потребностей, но и ассимиляцией своего историко-культурного наследия. Вне этого опыта, вне живой связи «с отеческими гробами и пепелищами» нам не избавиться от комплекса национальной неполноценности и не стать «самостоятельной национальной величиной» (М. Богданович). Дело возрождения должно быть доведено до своего логического завершения.

Не секрет, что в социальном характере белорусов нет выраженного чувства национального достоинства, чувства здорового национализма. Между тем Э. Геллнер, один из основателей мировой науки о нациях, исследовав проблему соотношения между нацией и национализмом, высказал в свое время предположение, согласно которому не нации порождают национализм, а национализм порождает нации¹⁹¹. В настоящее время эту формулу по достоинству называют «парадоксом Геллнера».

Перефразируя известный афоризм Мальдини, можно сказать: «Мы создали Беларусь. Теперь наша задача – создать белорусов». Первостепенное значение, как об этом свидетельствует опыт нациостроительства в других странах (см. подразд. 1.2.), имеет целенаправленная культурная политика,

¹⁹⁰ Бабосов Е. Структурные модели адаптации индивидов в трансформирующемся обществе // Социология. 1999. № 4. С. 29–31.

¹⁹¹ Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. М., 1991. С. 127.

образование и воспитание подрастающего поколения в духе национализма (последний не нужно истолковывать вульгарно, отождествлять с шовинизмом или изоляционизмом). Речь идет об использовании тех форм и инструментов национального строительства, которые доказали свою историческую успешность с учетом, естественно, возможностей XXI века. Еще раз подчеркнем: «нация», как это показано Б. Андерсоном, Э. Хобсбаумом и другими теоретиками, является «воображаемым» сообществом, которое формируется, конструируется сознательно политической и духовной элитой общества. Если такой политики нет, то приходится сталкиваться со следующим парадоксом.

В 2007–2009 гг. был проведен ряд исследований среди студентов, школьников и людей от 25 лет и старше.¹⁹² Цель – выявление особенностей национальной идентичности, т.е. содержательных смыслов самоопределения «мы белорусы». На основе ответов респондентов была установлена следующая иерархия этих смыслов. На первом месте по значимости находится абстрактный и размытый образ Беларуси, без каких-либо содержательных характеристик. На втором месте – идентификация белорусов с Республикой Беларусь как с независимым государственным образованием, которое, с одной стороны, является чем-то очевидным и гарантированным, а с другой – воспринимается как контур, очерченный на карте и закрепленный государственной символикой, т.е. вне связи с внутри- и внешнеполитической, экономической, правовой, социальной конкретикой. На третьем месте – идентификация с национальной культурой. Но национальная культура не вызывает у белорусов в массе своей ни воодушевления, ни восторга, ни чувства национальной исключительности. Констатируется просто факт существования культурного наследия, с которым «я» никак не связан.

Эмоционально-индифферентное отношение к собственной истории и культуре во многом обуславливает дистанцирование и отпадение от родного языка. Так, в 1999 г из общей численности белорусов своим родным назвали белорусский 85,6 %, а в 2009 – лишь 60,8 %¹⁹³.

Такие ценности, как государство, история, язык, культура и связанные с ними традиции «в норме» являются ядром национальной самоидентификации социума. В нашем случае оно еще должно сформироваться. Спрашивается, кем? В силу неинтегрированности эмоционального и конструктивно-деятельного начала в структуру национального характера ответ связан с восприятием власти как единственной инстанции («мужа»), которая способна решать стоящие перед страной проблемы. Вместе с тем очевидно, что масштабные долгосрочные задачи модернизации белорусского общества требуют вовлечения в этот процесс в качестве заинтересованных участников широких масс («спящую красавицу»). Их «пробуждение» связано с изживанием пассивности, патерналистских ожиданий и эмоциональной

¹⁹² Подробное описание результатов см.: Беларуская думка. 2009. № 8. С. 62–67.

¹⁹³ Перепись населения 2009. Национальный состав Республики Беларусь. Т. III. Минск, 2011. С. 317–318.

индифферентности к происходящему, – с одной стороны, и формированием в структуре национального характера таких социальных чувств, как национальное достоинство, патриотизм, солидарность, взаимопомощь, готовность к коллективным действиям, – с другой. О некоторых механизмах этого процесса речь шла в предыдущих разделах. Здесь же акцентируем роль и значение образования.

Напомним, что в соответствии с Кодексом об образовании Республики Беларусь «образование – это обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося» (ст. 1, п. 1.6). Образование, как это следует из приведенного определения, реализуется через обучение и воспитание. **Обучение** связано с овладением учащимися круга знаний, очерченных программой и выработкой у них необходимых профессиональных компетенций. Задачи воспитания иные. **Воспитание** – это целенаправленный процесс формирования у индивида социально ценных и личностно значимых качеств в соответствии с существующими в данном обществе представлениями об идеальном типе человека. Эти представления корнями уходят в историю народа, запечатлены в его фольклоре, традициях, памяти о подвигах национальных героев, произведениях деятелей культуры, образах искусства, имиджах успешных современников, идеологии государства и т. д. Воспитание, в отличие от обучения, выполняет гражданскую и культурную функции и нацелено на формирование моральных качеств индивида, его эстетического отношения к миру, его гражданской позиции, умения жить среди людей, способности осознанно самоопределяться в многообразии политических идеологий и программ, т. е., коротко говоря, – на формирование социогуманитарной культуры личности. Свой «вклад» в этот процесс так или иначе вносят все изучаемые дисциплины. Однако для наук об обществе, культуре и человеке эта задача является приоритетной. Социально-гуманитарные знания (как, впрочем, и всякий иной род знаний) обладают некоторой спецификой, которая реализуется в процессах образования. Во-первых, они связаны с ценностями и интересами. В разных обществах ценностные картины мира различны и поэтому нужно уметь «вписать» в них научные знания. Во-вторых, эти знания могут сопрягаться с эмоционально-чувственным строем личности и превращаться в убеждения. В-третьих, социально-гуманитарные знания являются важным компонентом общей культуры человека, обнаруживаясь в его эрудиции, речи, способах общения, поведении, культуре мышления. В-четвертых, гуманистический эффект социогуманитарного образования состоит в развитии тех «сущностных сил» человека, которые позволяют ему выходить за пределы своих эгоистических интересов и осознавать, отстаивать «общее благо».

Вот почему, реформируя систему образования (а этот процесс носит у нас перманентный характер), нельзя допустить маргинализацию социогуманитарно-

го блока. Ценностные и эмоционально-деятельностные компоненты социального характера должны прививаться подрастающему поколению целенаправленно и систематически, с пониманием того, какой тип личности нужен обществу. Система образования – это «точка», фокус, в котором сходятся все (по)токи национальной культуры, в том числе повседневная и высокая (профессиональная). Сегодня, к сожалению, их «встреча» в стенах школы носит фрагментарный и часто формальный характер. Отсюда, как говорилось выше, и восприятие отечественной истории и культуры как чего-то внешнего, не от мира и не для мира сего. Непонимание значения эмоционального начала в структуре национального характера, роли в этом процессе социогуманитарного образования и культуры порождает иллюзии об их необязательности, на «секвестрировании» (урезании) чего можно сэкономить.

Напрашивается следующая аналогия. Подобно тому, как отсутствие должных связей и механизмов между естественными и техническими науками, с одной стороны, и экономикой – с другой, во многом сдерживает процессы модернизации производства, так и неадекватные программы и цели обучения и воспитания блокируют трансляцию достижений отечественной культуры в структуры общественного сознания, а, значит, и перестройку менталитета и национального характера. В первом случае такими связующими звеньями являются инвестиции, менеджмент, бизнес и механизм конкуренции, во втором...

Во-втором, нам нужен свой национальный «мифо-символический комплекс». Такие «комплексы» есть у каждой нации. Будучи специфическими для каждой страны, они вместе с тем содержат и общие типологические черты. Во-первых, нации изображаются в них как существующие с незапамятных времен, а не как недавние политические оформления социокультурных различий. Во-вторых, они содержат в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагается наличие внутренних и внешних оппонентов, не заинтересованных в таком «пробуждении»¹⁹⁴. Важнейшее место в «мифо-символических комплексах» занимают «национальные традиции», в том числе этатистские, художественные, интеллектуальные, философские и т.д. Решающая роль в их конструировании отводится националистической «колонизации истории, исходящей из современности»¹⁹⁵. Заинтересованный подход к историческому материалу позволяет, в зависимости от конкретных задач социального мифотворчества, либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было»¹⁹⁶. Еще одним важным компонентом таких комплексов является пантеон выдающихся деятелей национальной истории. Среди них: «грамматисты» – исторические персонажи, которые выпестовали язык, зафиксировали на нем

¹⁹⁴ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 206; Геллнер Э. Пришествие национализма. Там же. С. 173.

¹⁹⁵ Смит Э. Д. Национализм и истории // Нации и национализм. С. 256.

¹⁹⁶ Геллнер Э. Указ. соч. С. 192.

отеческое предание; «отцы нации» – создатели государства; герои-победители; личности, внесшие значимый вклад в развитие общества и культуры. Большое воспитательное значение имеют также знаменательные исторические даты и события, церемонии, праздники, священные места, государственные и культурные символы¹⁹⁷.

Сконструированный в национальных интересах «мифо-символический комплекс» надлежит разработать и превратить в «факт» общественного сознания, используя все имеющиеся в распоряжении общества и государства ресурсы и в первую очередь систему образования. Практической реализацией этой задачи должна быть занята национальная интеллигенция, а весь процесс в целом – направляться и контролироваться государством. И тогда итогом может стать формирование действительно нового типа личности и национального характера, адекватного вызовам современности.

3.6. Духовная синергия и идеологические средоточия национальной идеи

Духовная синергия – это взаимодополняющее, взаимообогащающее взаимодействие всех форм индивидуальной, групповой и социальной ментальности, т.е. мировоззрений и ценностных ориентаций людей, познавательных интенций и нравственных императивов, идеологических установок и психологических архетипов, целенаправленных устремлений и бессознательных импульсов, ситуативного настроения и твердых убеждений, веры, феноменов национального и общечеловеческого сознания и т.д. Она является тем аспектом социальной синергии, который, подобно эфиру, заполняет все ее пространство, во многом определяя специфику и характер социокультурной динамики. Наличие в системе духовной синергии идей и идеалов, воодушевляющих людей, способствует консолидации общества и мобилизации усилий на их достижение. Масштабными примерами массовых социальных действий в прошлом могут быть движения, инициированные религиозными или национально-освободительными идеалами, например, восстание под руководством К. Калиновского. В настоящее время эту роль выполняют политические идеологии.

Поэтому инициированную Президентом от имени государства задачу разработки национальной идеологии следует признать весьма актуальной. Новая идеология, предполагается, как раз и призвана содействовать консолидации белорусского общества, его межгрупповой солидарности и достижению целей социального обновления¹⁹⁸.

Идеология – это система ценностно-рациональных воззрений на общество и человека, цели и механизмы социальной динамики, роль государства в их практическом осуществлении. В идеологии фиксируются и в

¹⁹⁷ Тульчинский С. Л. Нация или охлос? // Филос. науки. 2011. № 5. С. 38–39.

¹⁹⁸ Подробно см.: Чуешов В. И. Основы идеологии белорусского государства. Минск : УП «ИВЦ Минфина», 2005; Мельник В. А. Основы идеологии белорусского государства. – Минск, 2009.

теоретической форме выражаются интересы той или иной социальной общности, класса, государства. Отсюда следует, что идеологий может быть много и классифицировать их можно по различным основаниям. Так, можно говорить о светских и религиозных идеологиях, идеологиях Востока и Запада, гуманистических и антигуманных, либеральных и консервативных, сциентистских и антисциентистских, идеологиях партий, государств и т. д.

Идеология не может возникнуть спонтанно в недрах народной ментальности. Ее появление связано с целенаправленной работой теоретиков – философов, ученых, правоведов, теологов (их нередко называют идеологами), которые в систематизированном виде представляют общественности концепции и доктрины социокультурной динамики, форм и способов решения проблем данного общества. Эти доктрины представляют собой синтез научных (прежде всего социогуманитарных) знаний и ценностей данного общества, в которых фиксируются интересы определенных социальных субъектов.

Полномасштабно осуществлены на практике они могут быть только посредством политической воли, т.е. государства. Если идеология действительно отвечает интересам общества, народа, она становится компонентом его ментальности. И более того – укореняясь в сознании масс, идеи становятся силой, преобразующей мир. В идеологии, таким образом, скрыт очень мощный потенциал социального обновления. Однако реализован он может быть лишь при одном условии, а именно: сформулированные в идеологии идеи и идеалы должны преломиться через эмоционально-чувственную и волевою сферы конкретных людей. «Сплавляясь» с бессознательными экзистенциалами человеческой субъективности, идеология как феномен общественного сознания становится убеждением человека. А убеждения – это и есть та «сила», которая побуждает людей действовать.

Вопрос в том, как ее «внести» в массовое сознание, т.е. во внутренний мир ребенка, школьника, студента, специалиста, рабочего, каким образом воздействовать на сознание социального субъекта и, следовательно, изменить многие структуры его духовной синергии (напомним, что духовную синергию образует множество взаимосвязанных элементов индивидуальной (знания, убеждения, переживания, воображение, вера, воля и др.) и социальной форм ментальности (ценности, традиции, нормы, мнения, социальные чувства и пр.)?

Белорусское общество, как и всякое другое, разнородно. И чтобы интегрировать содержание идеологии в пространство национального менталитета, нужно учитывать особенности различных социальных групп и использовать адекватные формы и методы пропаганды, воспитания, внушения и образования. Особо следует выделить среди них возможности воспитательного эффекта искусства (и прежде всего таких его массовых форм, как кино и театр), а также ТВ и Интернета (не случайно главным идеологом США считается «мистер Голливуд»), действенность которых связана с тем, что они способны «захватывать» человека целиком и исподволь, в том числе через механизмы эмоций и бессознательного, в доступной и наглядной форме

прививать ему определенные установки и формировать ценностные ориентации.

Принципиальное значение имеет и вопрос о содержании идеологии. Как говорилось выше, носителями идеологий могут быть самые разные социальные субъекты – государство, партии, социальные общности и группы. В демократических странах интересы общества представляют и выражают политические партии, которые в своих программах излагают идеологии (либеральные, консервативные, социал-демократические, религиозные и т.п.) поддерживающих их групп населения. Государственная же идеология представляет собой нормативно-ценностный консенсус между основными социально-политическими силами общества и закрепляется в Конституции и законах. Это обеспечивает устойчивость и стабильность социума при законном переходе власти от одной партии к другой.

Таким образом, не следует отождествлять понятия «государственная идеология» и «идеологии общества». В государственной идеологии фиксируются и выражаются долгосрочные интересы страны в целом, а формой их представления, повторимся, является Конституция. В Основном законе определяются цели государства, основополагающие принципы его политико-правового устройства, форма правления, статус и полномочия органов государственной власти, фиксируются права, свободы и ответственность граждан, содержатся нормы, регулирующие функционирование избирательной системы, действие Конституции и порядок ее изменения.

Согласно Конституции, **Республика Беларусь** – это демократическое правовое государство, в котором единственным источником власти и носителем суверенитета является народ. Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан, но которая может ими разделяться.

Из изложенного следует, что национальная идеология – это идеология общества, сконструированная на основе целей и нормо-ценностей государства. Разработка ее содержания должна вестись в рамках широкого общественного диалога. При этом важно определиться с прежними мировоззренческо-идеологическими взглядами и мифо-символическими комплексами, например, идеологией марксизма (в ее тоталитарно-коммунистическом варианте) и возникшими новыми – либерально-рыночной идеологией, американско-глобалистской, социал-демократической, православно-христианской, католической и др. Первые были ориентированы на формирование «одномерного человека», воспринимающего действительность в черно-белых тонах. Разрушение тоталитарной социальной системы привело и к девальвации ее идеологии. Но при этом важно не потерять рациональное содержание марксистской социальной доктрины – идеи социальной справедливости, равенства, гармоничного развития личности. Что касается новых для нас идеологических течений, то, считается, они в наибольшей степени отвечают вызовам нашего времени. Однако автоматически перенести их

на отечественную почву едва ли возможно. Проблема в том, подчеркнем, что идеология – это не только знания, но и ценности, а система ценностей в ментальности народа является величиной относительно постоянной. К тому же ассимиляция новых ценностей зависит от особенностей национального характера. Вот почему «перезагрузка» ценностно-мотивационной составляющей национального сознания должна быть понимающей и акцентированной. А для этого нужно выявить средоточия национальной идеологии.

Слово «средоточие» связано с содержанием, обычно вкладываемым в понятия «центрация», «социальный аттрактор», «мода», «доминанта», «усилие». Применительно к духовной синергии термин «средоточие» фиксирует факт целерационального регулирования духовной жизни человека и общества. Однако нередко духовные средоточия проявляются и в форме стихийной реакции людей на жизненно волнующие их события – социоприродные и техногенные катастрофы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, террористические акты, обострение внутренних и внешних социальных противоречий и т. п.

К числу идеологических принадлежат те духовные средоточия, которые связывают феномены ментальных переживаний (установки, мнения, сомнения, ожидания, предрассудки, взгляды, верования, слухи и т. д.) с определенными идеями и ценностями, наделяя последние внутренней энергетикой и целенаправленностью. Идеологические средоточия могут быть направлены на различные социальные объекты и исторические события – экономику, политику, социальные отношения, культуру, демографию, экологию, философию, мораль, науку, религию, оценки отдельных личностей, идей, общественных движений и т. д.

Бывает, однако, и так, что идеологические средоточия вносятся в сознание людей посредством манипуляции их сознанием с целью искажения национального характера во вред самой нации, но во имя амбиций отдельной личности или социальной группы. Существует даже такой термин «нациопатия». Наиболее яркий пример нациопатии – немецкий национал-социализм, сегодня – идеология «Зеленой книги». Вот почему важен широкий общественный диалог в определении средоточий национальной идеологии.

Сегодня уже общепризнано, что в нашей идеологической системе должны быть объединены, синтезированы два основных средоточия – национальная идея и идея государственническая. Отождествлять их или подменять одну другой нельзя. Это важно понимать и не допускать перекося в пользу одной из них. Но «на тэрыторыі Беларусі павінна запанаваць свая, беларуская нацыянальная ідэя. І не дэкларацыйна абвешчана, а жывая, лесавызначальная, якая адпавядала б маштабнаму запыту цяперашнега пераломнага перыяду ў жыцці беларусаў»¹⁹⁹.

Складывающаяся ситуация выглядит по-своему парадоксально. Белорусскую национальную идею (в той или иной формулировке) можно обнаружить в различные периоды отечественной истории. Но при этом речь не шла об идеологии, поскольку попросту не было субъектов, осознающих свои

¹⁹⁹ Стральцоў Б. Нацыянальная ідэя – у гістарычнай спадчыне // Беларуская думка. 2001. № 5. С. 4.

интересы и способных представить их в соответствующей теоретической форме. В настоящее время такие субъекты есть и прежде всего – это государство, есть государственная идеология. Но при этом отсутствует четко эксплицированная национальная идея. Очевидно, что одним из средоточий национальной идеологии как раз и должна стать разработка содержания белорусской национальной идеи.

Феномен национальной идеи требует очень взвешенного подхода и осмысления. Национальная идея не является чем-то застывшим, некоей «вещью-в-себе», которую нужно просто найти – в текстах, действиях, событиях, фактах истории, высказываниях различных личностей и т.п. Напротив, ее смысл необходимо сконструировать, принимая во внимание как все то, «что было» (давая ему соответствующую интерпретацию), так и то, «что должно быть» (и опять-таки теоретически обосновывая). Итогом должен стать национальный мифо-символический комплекс.

Логическая реконструкция исторически значимых моментов содержания белорусской национальной идеи может выглядеть следующим образом. Началом послужило выдвижение И. Даниловичем и М. Бобровским (первая треть XIX в.) гипотезы об историческом существовании белорусского этноса как «самостоятельной национальной величины». Второй этап приходится на другую половину этого столетия и связан с поиском обосновывающих ее аргументов: закладываются научные основы белорусистики, формируется литературный язык, возникает литература, публицистика, театр, создаются легальные и нелегальные национально ориентированные организации. Особенностью третьего этапа является акцентуация политического содержания национальной идеи и попытка ее практической реализации в форме БНР. Четвертый этап приходится на советский период белорусской истории и специфицируется практикоориентированной направленностью. Несмотря на всю его противоречивость, принципиальное значение для развития национального самосознания имел процесс институализации факторов социальной и духовной синергии и прежде всего – возникновение БССР, конституирование форм высокой культуры и появление *de facto* белорусской нации. Этот процесс, однако, развертывался в контексте идеологии и практики тоталитарного государства. Собственной идеологии, отвечающей национальным интересам, у республики не было.

Пятый этап развития национальной идеи связан с потребностями этнической самоидентификации белорусов в условиях государственного суверенитета, строительства правового государства, становления гражданского общества и формирования «нового» типа личности. Его принципиальная особенность заключается в том, что разработка национальной идеи идет в контексте идеологических средоточий, определяемых Конституцией суверенного белорусского государства, ее целей и нормо-ценностей.

Самый общий план (основание) современного понимания национальной идеи предполагает восстановление целостности отечественной социокультурной синергии. Это – масштабная работа для поколений. Она

заключается в преодолении исторических разрывов и всех форм отчуждений человека и общества: от собственности, власти, природы, культуры, исторического наследия, языка. Структурообразующим стержнем, своего рода аттрактором, должно быть формирование адекватного вызовам времени социального характера белорусов с доминированием в его структуре таких потребностей, как свобода, гуманизм, инициативность, предприимчивость, готовность рисковать, при сохранении тех его черт (ответственность, законопослушность, коллективизм, трудолюбие), которые «спрадрвеку» отличали белорусов. Особо следует подчеркнуть роль на пути в «иную современность» установки на риск и инициативу. Очень точно характеризует ее место в ситуации нашего времени немецкий социолог У. Бек: «на прогрессивной стадии современной эпохи общественное производство и богатство идет рука об руку с производством общественных рисков... Каждый должен быть готов к тому, что его жизнь может потерпеть крушение»²⁰⁰. Отсюда важность формирования у каждого члена общества резистентного отношения к переменам, вариативного взгляда на жизнь и социальную активность. Умение находить свою нишу в постоянно трансформирующемся мире, в различных социальных структурах и иерархиях должно стать частью мировоззрения новых белорусов. Наконец, вершина конструкции и смысл совокупных усилий социума – конкретный индивид – здоровый, физически и интеллектуально развитый, профессионал, носитель зрелой правовой и политической культуры, патриот.

Далее нужно наполнять данную парадигму конкретным содержанием, акцентируя приоритеты, этапы, способы и методы ее осуществления. В этом процессе важна системность в действиях всех, как говорится, заинтересованных сторон и их координация. Его организационно-правовые берега определены Конституцией, законодательной базой, которая по мере обретения белорусским социумом черт гражданского общества и правового государства будет корректироваться в пользу механизмов социальной самоорганизации. Однако не следует фетишизировать роль государства и сегодня. Его человеческий субстрат – неотъемлемая часть общества со всеми его проблемами, противоречиями и комплексами. В своей основной массе государственный аппарат на 80 % (по оценке Президента, данной им в одном из телеинтервью) представляет собой советское наследие с присущими ему инерцией и традициями. Очевидно, что перемены будут входить в жизнь через деятельность новой национальной элиты. Ее формирование следует рассматривать в качестве стратегической цели развития белорусского общества. Данный процесс может быть оптимизирован в результате синергического взаимодействия институциональных и спонтанных факторов социальной динамики.

Смысл национальной идеи – в ее действенности, жизненной значимости для любого человека, а не только говорящих и пишущих на эту тему политиков

---

²⁰⁰ Социолог Ульрих Бек: на пути в иную современность // Deutschland. 1997. № 3. С. 20.

и идеологов. Таковой она может стать при условии сопряжения с реальными потребностями и интересами людей. Она должна «привязать» человека к социальным ценностям, которые в то же время были бы и для него лично значимыми. Это язык, историческая традиция, культура, государство. Должны быть разбужены чувства, как это происходит с душой болельщика, жаждущего победы команды или атлета своей страны и радующегося или страдающего, когда это происходит или нет.

Как верно замечает наш земляк, академик РАН В. С. Степин (говоря о России), национальная идея не должна отрываться не только от корней, но и от настоящего и служить целям мобилизационного порыва. Но вместе с тем она должна соответствовать запросам постиндустриального общества²⁰¹. Следует, однако, видеть и понимать различия между теоретической экспликацией белорусской национальной идеи и ее представленностью в массовом сознании. Изоморфного соответствия здесь быть не может. В этой связи необходим «мост». Таковым в наших условиях могла бы быть понятная всем идея сбережения – народа, государства, культуры, языка, формирования белорусской культурно-этнонимической среды проживания и жизнедеятельности.

Вот эта итоговая концептуальная конструкция, наполненная содержанием, отвечающим потребностям различных социальных групп, и может стать ценностно-смысловым ядром национальной идеи, реализуясь в разноректорных действиях различных социальных институтов – образования, просвещения, науки, культуры, СМИ и других видах социальных практик. Многочисленные государственные стратегии, программы и проекты должны стать предметом живой общественной дискуссии, общенационального диалога, благодаря которому все больше людей будут понимать значение собственного участия в делах общества и государства. Свой вклад в этот процесс призвана внести и отечественная философия.

---

²⁰¹ Степин В. С. Исторический вызов и проблема общенациональной идеи // Социология. 1999. № 4. С. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытожим сказанное. Формирование и развитие этноса определяется динамической совокупностью объективных и субъективных факторов исторического процесса. Одним из специфических результатов социокультурной динамики является тип национального самосознания со свойственными ему структурами ментальности и формами рационального дискурса – идеологическими, научными, философскими и др. Мы рассмотрели геополитические, социально-исторические и культурные предпосылки, обусловившие своеобразие белорусского менталитета, этапы его эволюции. Выявили факторы и императивы его трансформации в современном изменяющемся мире. Наряду с объективными детерминантами данного процесса большое значение имеют его идеологические средоточия и, last but not least, соответствующая государственная политика. Одним из таких средоточий должна быть история отечественной философии. Философия является не только хранительницей уникального духовного опыта народа, но и формой связи с мировой интеллектуальной традицией. Ее освоение помогает субъекту овладеть системным мышлением, самоопределяться в культуре и истории, сформировать критическое и инновационное мышление. Ценности национальной духовной культуры, зафиксированные в белорусской философской традиции, следует рассматривать и как маркеры национальной самоидентификации. Вот почему ее изучение и освоение учащейся молодежью – это один из действенных способов трансформации белорусской ментальности, воспитания гражданского патриотизма.

Развитие отечественной философии, ее место в системе социогуманитарных наук и человекознания обусловлено комплексом как исторических, так и современных проблем. Во-первых, сегодня важно восстановить интеллектуальную традицию, вернуть к жизни забытые имена и идеи. Во-вторых, необходимо критически (т.е. с удержанием всего позитивного) переосмыслить наследие советского периода. В-третьих, нужно видеть и понимать перспективу. Она связана с укреплением суверенитета Республики Беларусь и формированием национального самосознания, адекватного новому статусу белорусского государства и белорусской нации, а также интеграцией Беларуси в европейское геополитическое и социокультурное пространство. Свой вклад в этот процесс наряду с другими формами социогуманитарного познания призвана внести и философия. При этом важно понимать, что теоретическое осмысление проблем белорусского социума должно сочетаться с потребностями практики, т.е. потребностями культивирования в национальном менталитете ценностей и установок, адекватных вызовам времени. Естественной, уходящей корнями в глубь столетий формой их (теории и практики) связи является система образования. «Вымывание» же социокультурной составляющей из образовательного

процесса чревато сведением последнего к обучению, производству «одномерной» личности. Это недальновидно. Ибо роль и значение воспитания, т.е. акцентированного формирования направленности сознания подрастающего поколения в ситуации нестабильности, перехода от одного типа общества к другому, объективно возрастает.

В-четвертых, развитие отечественной философии в существенной степени зависит от общей ситуации в стране, становления гражданского общества. Гражданское общество – это система независимых (финансово и организационно) от государства социальных структур и институтов, преследующих (в рамках закона) свои частные цели и интересы. Эти интересы могут также выражаться в теоретической форме. Материальная, организационная и финансовая поддержка общественными фондами независимых социальных исследований, критической рефлексии – важное условие формирования подлинного духовного и идеологического плюрализма.

Общий успех модернизации, построения в нашей стране основ постиндустриального общества неотделим от фундаментальных социальных реформ и изменения общественного сознания. Трансформация последнего связана с превращением аморфных структур белорусского менталитета в самодостаточное национальное самосознание, фундированное ценностями свободы, творчества, гуманизма, патриотизма и национального достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдіраловіч, І. Адвечным шляхам : Дасьледзіны беларускага сьветагляду / Прадмова С. Дубаўца. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. Акінчыц, С. Залаты век Беларусі / С. Акінчыц. – Мінск : ЗАТ «Юніпак», 2002. – 127 с.
3. Акудовіч, В. В. Дыялогі з Богам : суплёт інтэлігібельных рэфлексіяў / В. В. Акудовіч. – Мінск : Логвінаў, 2006. – 192 с.
4. Бабкоў, І. М. Філасофія Яна Снядэцкага / І. М. Бабкоў. – Мінск–Вільня : Фрагмэнты, 2002. – 136 с.
5. Бабосов, Е. М. Социология управления / Е. М. Бабосов. – Минск, 2001. – 246 с.
6. Бирало, А. А. Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII века / А. А. Бирало. – Минск : Изд. БГУ, 1979. – 158 с.
7. Буховец, О. Г. Изучение национализма в Европе и Евразии : новые аспекты / О. Г. Буховец. – М. : ИЕ РАН ; изд. «Огни», 2004. – 124 с.
8. Буховец, О. Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) / О. Г. Буховец // Современная Европа. – 2008. – № 4. – С. 33 – 44.
9. Буховец, О. Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть вторая) / О. Г. Буховец // Современная Европа. – 2009. № 3. – С. 73 – 84.
10. Буховец, О. Парадоксы белорусского самосознания / О. Буховец, Д. Фурман // Дружба народов. – 1996. – № 6. – С. 81–87.
11. Великие преобразователи естествознания : Мария Склодовская-Кюри : Материалы XXIII Междунар. чтений. – Минск : БГУИР, 2011. – 340 с.
12. Водопьянов, П.А. Великий день гнева: экология и эсхатология / П.А. Водопьянов, В.С. Крисаченко. – Минск : Университетское, 1993. – 285 с.
13. Волан, А. Прадмова да Сената / А. Волан // Падокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксьце гісторыі і культуры. – Мінск : Беларуская навука, 2003. – С. 174–181.
14. Габрусь, Т. В. Язэп Драздовіч / Т. В. Габрусь. – Мінск : Інфармпрагрэс, 1993. – 28 с.
15. Габрусь, И. Ф. Исторические образы философской мысли: учебно-методическое пособие для студентов, магистрантов и аспирантов БГУИР / И. Ф. Габрусь. – Минск : БГУИР, 2005. – 85 с.
16. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / рэдкал. В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут філасофіі. – Т. 1 : Эпоха Сярэднявечча / [С. І. Санько і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 573 с.
17. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / рэдкал. В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі,

Институт філасофіі. – Т. 2 : Протарэнесанс і Адраджэнне / [С. І. Санько і інш.] – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 839 с.

18. Гуманізацыя духоўнай сінергіі сучаснага беларускага грамадства ў кантэксце ідэалагічных вызоваў сучаснасці: учебное пособие по курсу філасофіі і культуралогіі для студэнтаў всех спецыяльнасцей БГУИР, аспірантаў і магістрантаў / Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич, Ю. А. Харин; под ред. В. И. Миськевича. – Минск : БГУИР, 2005. – 75 с.

19. Дорошевич, Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии / Э. К. Дорошевич. – Минск : Наука и техника, 1971. – 248 с.

20. Духоўная сінергія : адукацыя і асветніцтва : Навуч. дапаможнік па курсу філасофіі для студэнтаў і аспірантаў / пад. рэд. У. І. Міськевіча. – Мінск : БГУИР, 2002. – 58 с.

21. Зеленков, А. И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А. И. Зеленков, П. А. Водопьянов. – Минск : Университетское, 1987. – 238 с.

22. История философии: учебник / Ч. С. Кирвель [и др.]; под ред. Ч. С. Кирвеля. – Минск, 2001.

23. Конан, У. М. Беларуская мастацкая культура ў кантэксце хрысціянскай цывілізацыі : гіст.-тыпалагіч. даследаванне / У. М. Конан. – Мінск : Беларус. дзярж. акад. маст. ; Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны, 2002. – 90 с.

24. Крюковский, Н. И. Homo pulcher. Человек прекрасный : Очерк теоретической эстетики человека / Н. И. Крюковский. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1983. – 301 с.

25. Кутузова, Н. А. Нация, религия и государственность в полемической литературе XVII в. / Н. А. Кутузова. – Минск : Право и экономика, 2005. – 98 с.

26. Лукашевич, В. К. Научный метод: структура, обоснование, развитие / В. К. Лукашевич. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 206 с.

27. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / редкол.: А. С. Майхрович [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 318 с.

28. Майхрович, А. С. Идеология : Сущность, назначение, возможности / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Право и экономика, 2001. – 76 с.

29. Малыхина, Г. И. Логика : учеб. пособие / Г. И. Малыхина. – 5-е изд. – Минск : Выш. шк., 2010. – 240 с.

30. Манеев, А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм : Антология философской мысли. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – С. 354–366.

31. Мысліцелі і асветнікі Беларусі. X–XIX стагоддзі : энцыклапедычны даведнік. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 1995. – 671 с.

32. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.

33. Падокшын, С. А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С. А. Падокшын. – Мінск : Бел. Навука, 2003. – 316 с.
34. Растраліная літаратура: творы беларускіх пісьменнікаў, загубленых карнымі органамі бальшавіцкай улады. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 692 с.
35. Современная западная философия : учеб. пособие / Т. Г. Румянцева, А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, М. А. Можейко [и др.]; под. общ. ред. Т. Г. Румянцевой. – Минск : Выш. шк., 2000. – 493 с.
36. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов : моногр. / Ч. С. Кирвель [и др.]; под. науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд. ; перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.
37. Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі / С. Ф. Сокал. – Магілеу. 1999. – 178 с.
38. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для системы послевузовского профессионального образования: [для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук] / В. С. Степин. – Москва : Гардарики, 2008. – 382 с.
39. Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов / А. И. Зеленков, Н. К. Кисель, В. Т. Новиков [и др.] ; под. общ. ред. А. И. Зеленкова. – Минск : АСАР, 2007. – 384 с.
40. Хрэстаматыя : Беларуская літаратура XI – пачатку XX стагоддзяў. Класікі. – Мінск : Сучаснае слова, 2004. – С. 127–598.
41. Цукерман, А. Я. Философская мысль в Белоруссии середины XVIII века. – Минск : Наука и техника, 1980. – 111 с.
42. Чуешов, В. И. Введение в современную философию : учеб. пособие / В. И. Чуешов, З. И. Дунченко, О. И. Чеснокова. – Минск, 1997.
43. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. – Мінск : Грамад. аб'яд-не «Маладзеж. навук. суполніцтва», 2002. – 247 с.
44. Широканов, Д. И. Стереотипы и динамика мышления / Редкол.: Д. И. Широканов, Т. М. Тузова. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 246 с.
45. Яскевич, Я. С. Время кризиса – время надежды и диалога / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2009. – 188 с.

Учебное издание

Малыхина Галина Ивановна
Миськевич Владимир Иосифович
Кутузова Наталия Александровна и др.

***НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
И ФИЛОСОФИЯ БЕЛАРУСИ***

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Редактор *Т. Н. Крюкова*
Корректор *Е. Н. Батурчик*

Подписано в печать 05.11.2012. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. 10,11. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 250 экз. Заказ 298.

Издатель и полиграфическое исполнение: Учреждение образования
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»
ЛИ №02330/0494371 от 16.03.2009. ЛП №02330/0494175 от 03.04.2009.
220013, Минск, П. Бровки, 6

Библиотека БГУИР

Библиотека БГУИР